

Александра Трошина
Броквен. Город призраков

«Автор»

2026

Трошина А.

Броквен. Город призраков / А. Трошина — «Автор», 2026

Елена Гостлен соврала бы, сказав, что она — обычный подросток. Древний родовой дар передавался много веков и остановился на ней. Елена может видеть призраков, неупокоенных душ, что ждут своей очереди на Небеса. Но тот город, из которого пришлось переехать, был другим: пыльная мрачная история, густой туман, заточенные в кандалы призраки. Елена почти забыла своё печальное детство в Броквене, но спустя шесть лет она вновь окажется среди одичавших заблудших душ, чтобы спасти город от дремавшего Зла.

© Трошина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	89
-----------------------------------	----

Александра Трошина

Броквен. Город призраков

Глава 1. Дар

Вокруг мелькало сотни искр; туман неприятно мозолил глаза, обжигая ярко-зелеными цветами. Повсюду слышались крики людей: кто-то летал в воздухе, кого-то бросало в разные стороны, ударяло о кирпичные стены уже полуразвалившихся зданий. А оставшиеся корчились от жутких головных болей на земле, купаясь в густых лужах собственной крови. Портал Безрассудия был активирован, они не смогли это предотвратить. От его ядовитого света бросало в дрожь, падающая мертвецки липкими кляксами оседала на коже, а ее кисло-сладкий запах стремительно пропитывал одежду. И все это сотворила она...

А ее недавние слова поразили в самое сердце. Как же... Как же она могла посчитать, что ее забыли, и из-за простой слепой обиды активировать Портал Безрассудия?! Это ведь неправда, никто никого не забывал! Девушка с голубыми глазами и бирюзовой брошью так и не смогла найти лучшую жизнь и забыть Броквен и ее! Она второй дорогой человек после родителей. Ее бы никогда не оставили одну просто так или из-за своих прихотей, например, даже из-за Круговорота Того Света! Только как же ей это сказать, когда вокруг разруха и ужас?!

- Черт возьми, она все-таки активировала его! – прокричал раздраженно один паренек, держась за кусок окровавленной толстовки, что некогда отливала белизной. – Елена, нужно как-нибудь остановить ее, пока не сделалось еще хуже!

- Как?! – почти что провизжала девочка, захлебываясь солеными слезами. – Ромб отравлен! Без него у нас нет даже малых шансов!

- Но должен же быть какой-то другой выход! – возникла призрачная дама, что чуть порванным зонтиком отбилась от истлевшего мертвепризрака.

- Какой, если Ромба у нас уже нет?! – возразила девушка, но затем прикусила губу. – Конечно, можно попробовать только...

- Елена, берегись!

Не успела она отреагировать на слова юноши, как заметила летящий прямо к ней огромный плющ с пастями и шипами. Острые зубы тут же оторвали несколько кусков плоти, а шипы вонзились в грудь. Девушка взвыла от боли и, давась кровью, в предсмертных конвульсиях свалилась на асфальт.

- Елена-а-а!

«Опять этот сон?..»

Все тело забила противная мелкая дрожь. Виски начали пульсировать, а сердце учащенно забилося. В нос ударил запах сырости.

«Ах, ненавижу...»

Я еле распахнула тяжелые веки, резко поднимаясь с постели. Белоснежное одеяло съехало с напряженных бедер, а простыни смялись от несуразных движений. Холодные руки неистово тряслись, тело обливалось потом. Я смотрела расширенными глазами в пустоту, застыв в безмолвном ужасе. Грудь болезненно сдавливалось, стало нечем дышать. Это была паническая атака.

Характерно хрипя и покашливая, потянулась за стаканом воды, который стоял на краю лакового письменного стола. Я быстро поднесла его ко рту, только мои дрожащие пальцы коснулись толстого стекла, и начала жадно глотать охладившуюся за ночь воду. Спустя несколько мучительных минут почувствовала, как дрожь и тяжесть в груди постепенно покидали напряженное, ставшее вдруг беспомощным тело. Отпив еще пару больших глотков, вконец опустошив стакан, я пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, поудобнее усаживаясь на мягкой

постели. Светлые рыжие локоны небрежно повисли на бледных плечах. Белая майка помялась, становясь слегка мокрой от пота. За окном витала утренняя пасмурность, серые облака неспешно плыли по небу. Через открытую форточку подул свежий ветер, что окончательно привел меня в чувства.

- Господи, ну когда же это все закончится? – тихо пробурчала я, потирая переносицу.

Моя голова вновь стала тяжелой из-за дюжины одинаковых мыслей и догадок о сне, который снился с марта-месяца. Надо же, шесть лет смогла прожить без кошмаров и видений, как тут из неоткуда появился сон, лишь косвенно связанный с прошлым. Факт того, что этот странный кошмар взялся из пустого места, до мурашек напрягал меня... Дарли – город, в который шесть лет назад переехали Гостлены, то есть моя семья, находился в двух часах езды от того города, в котором я провела свое трудное детство. Провинциальный городок Орегона со средним количеством населения грязной кляксой осел на нутре, перевернув всю жизнь с ног на голову. С девяти лет я отмывала эту кляксу, заводя новых друзей, вдыхая свежий аромат пряных садов и с искренней радостью принимая просьбы добрых горожан. И вот месяц назад, когда в том самом сне увидела знакомые разрушенные здания и услышала лязг тяжелых оков, мне показалось, что перо читателя, который описывал годы юношеской жизни, вновь протекло, образуя новую кляксу. Мне это совсем не нравилось...

Но сдавливающие мозг мысли вмиг испарились, когда резво зазвенели трели будильника на смартфоне. Они развели мертвую тишину, снова окрасили все вокруг в естественные цвета. Я вздрогнула, еще чуть подрагивающими руками беря мобильник в руки, и одним легким нажатием выключила навязчивые трели. Вкладка потухла, и на экране высветились белые цифры. Было полвосемьмого. Вдохнула, смотря на пасмурные облака, сквозь которые пробивались тоненькие лучи света. Надо успокоиться и с улыбкой встретить новый день. Я делала так на протяжении долгого времени, все будет хорошо. Наверное...

- Елена, душенька, ты проснулась?

Слышалось, как в комнату поднималась мама. Легкий скрип половиц слился с мелодичностью бархатного материнского голоса. Как только не спеша поднялась с постели, дверь в освежившуюся комнату открылась. Лицо Ариадны Гостлен осветил чуть поблекший свет из окна, показывая мне несколько морщинок на лбу и седые пряди, прилипшие к вискам. Честно, я считала свою маму если не ангелом, то хотя бы божьим даром. Мудрая и заботливая, она не спала ночами с моего детства. Хотя мама и не обладала таким даром, которым обладаю я, она все равно чувствовала каждую эмоцию, каждый стук моего сердца и каждую слезу. Мама спасала от кошмаров, что часто настигали меня в старом городе. Я дорожила ей и старалась как можно больше радовать. Моя боязнь вновь подвергнуть маму страху и добавить ей седые волосы дошла до того, что даже про этот сон не говорила, списывая панические атаки на что угодно, но только не на видения и кошмары.

- Утречка, мам, - я попыталась улыбнуться, заведя маму, но она первая подскочила ко мне, аккуратно беря за холодные как лед щеки.

- Доча! – ее некогда спокойный голос вдруг осип.

- А-я? – а мой сделался звонким, и перестали подрагивать колени. Нужно было показать, что со мной все в порядке. Это нетрудно.

Тогда мама прерывисто вдохнула. Казалось, пальцы ее чуть расслабились, а в глазах пропал огонек страха за меня.

- Снова атака?.. – на этот раз она прозвучала спокойней и тише.

Я прикусила губу, сдерживая в груди груз ото лжи, которую твердила как мантру которое утро:

- Да, но сейчас все хорошо. Вода и свежий воздух спасают как нельзя лучше любых таблеток.

Между нами несколько секунд провисела мертвая тишина, что только болезненно давила на виски. Я неуверенно улыбнулась, а за мной и мама, опять поверив моим словам. Хотя по слегка нахмуренным рыжим бровям и часто бьющемуся сердцу можно было понять, что она в этот раз и не очень-то поверила. Кислые персики...

- Ну, раз ты уверена... - протянула мама задумчиво.

Я смело осекла ее:

- Уверена на все пятьсот, - затем энергично размяла пальцы, обильно потев и неловко хихикая. Бог мой, наверняка я ужасно неправдоподобно выглядела! – Даже, может, и на тысячу!

На маму подул ветер. Пару раз моргнув и еще посмотрев на меня посреди идеально убранной комнаты с синими обоями, она все же успокоилась. А потом и усмехнулась, расставляя руки по бокам:

- Перегибаешь палку.

- Больше, чем перегибать палки, я люблю только персиковый сок и жареные сосиски, - подмигнула я хитро.

Мама залилась звонким смехом, махая рукой в мою сторону.

- Уже чувствуешь, маленький хищник?

Я охотно закивала, уверенными шагами выходя из холодных покоев. Запах любимых жареных сосисок могла учуять за километры от своего дома, а тут он прямо в нос ударял. Желудок шумно заурчал, а ноги сами понесли вниз по лестнице.

Мой завтрак прошел хорошо. Сосредоточившись на звуках работающего телевизора и поедании сосисок, я прогнала мысли о сне еще на один день. Тревога и ком в горле успешно исчезли, что заметно порадовало маму. Мои щеки вновь приобрели розовый оттенок, губы стали влажными, а руки перестали дрожать, наливаясь силами. Сытая и набравшаяся энергии, я вновь обрела покой, готовясь идти в школу. Поскольку времени оставалось у меня в обрез, оделась во что попало: джинсовая юбка, блузка с синим бантом и старые кроссовки. Идеальный наряд для девушки, которая придерживается позиции, а-ля: броско и просто - все по росту. Пока надевала рюкзак, еще успел с него упасть значок, но о моей неуклюжести предпочитаю рассказывать недолго.

Не дождавшись маму, я вышла на крыльцо, осматривая петунию. Она благополучно цвела на клумбах, которые посадил мой любимый папа перед тем как уехать в командировку в Калифорнию на несколько месяцев. Он очень любит цветы и сажет их где только можно. Ботаник и в Африке ботаник, хе-хе. С яркими лепестками цветов игрался весенний ветер, что уже успел обветрить мне губы. Солнце наконец выглянуло из облаков, будя просыпающийся Дарли.

Только кончиком носка наступила на ступеньку, как услышала скрип входной двери, торопливые шаги и тяжелое дыхание:

- Елена, душка, ты не надела брошь!

Точно, брошь! Вот же бестолковая балда! Когда я уже перестану ее забывать?!

Я медленно обернулась и увидела маму, чьи края красного халата развевались на ветру. Уста расплылись в виноватой улыбке.

- Опять забыла... – нервно усмехнулась, подходя к ней.

Мама же прыснула в ответ, коротко кивая. Пальцы обнажили брошь, на которую мгновенно легли лучи солнца. Семейная реликвия переливалась светлыми и темными оттенками бирюзового, показывая призрачные физиономии. А снизу болтались две черные ленточки, так, для красоты. Я осторожно взяла из теплой материнской руки брошь, прижимая к груди.

- Вот теперь все, - мама заправила прядь моих нежно-рыжих волос за ухо. – Удачного дня, Елена. И не забудь позвонить Миссис Пикок, как только *госпожа* всех заберет, она очень просила.

Я одобрительно кивнула, спускаясь.

- У меня есть ее номер, все будет хорошо.

Матушка чуть подняла уголки губ. Она начала легонько махать мне, а я, стремительно отдаляясь от дома, послала ей воздушный поцелуй.

Как только я прошла мимо указателя, на котором было написано название моей улицы, начали мелькать магазины, проезжающие мимо автомобили и люди, что шли по своим делам, сотрясая каменный асфальт юркими шагами. Послышался шелест листьев и привычный городской гул. Остановившись у ближайшего зеленого киоска, где обычно продавали газеты, я надела брошь, предварительно щелкая застёжкой. Но не успела прислонить реликвию к воротнику блузки, как меня чуть с ног не сбил шkodливый, освещенный блаженным белым светом силуэт. Я удивленно охнула, кружась с белыми потоками. Душа мальчика восьми лет остановилась и прикрыла рот прозрачной ладошкой. Голубые, наполненные искорками глаза распахнулись.

- Ой, сестренка Елена, я не заметил тебя! – воскликнул ребенок, подбегая ко мне.

- Дэнни, ты?! – пискнула я, прислоняя ладонь к груди. – Ты куда так мчишься, Круговорот Того Света откроется только в пять!

Призрачный светящийся мальчик хихикнул, пиная ногой камушек в сторону детей, качающихся на качелях.

- *Мы все* спешим на Цветущую гору, ты же знаешь! – он широко улыбнулся, часто моргая. – Оказывается, Круговорот перенесли на четыре, а *нам* до нее надо почти на другой конец города!

- Что значит «на четыре перенесли»? – вопросительно выгнула бровь я, не до конца вслушиваясь в слова Дэнни.

Мальчик повел плечами.

- Мистер Кэррон сказал, что видел сегодня ночью косу в небе, после чего на небе появились желтые звезды.

Я инстинктивно подняла свой взор на небо, что уже освещало яркое солнце, а облака отделялись друг от друга, постепенно испаряясь. И правда, на голубом небосводе мерцали желтые звезды, которые означали, что Круговорот Того Света откроется раньше. Они были видны только мне и душам. Хм, значит, чудака Якоб Кэррон не соврал половине душ...

- Мистер Кэррон еще сказал, что *она* освободилась раньше, - с умным видом подметил Дэнни.

- Мистер Кэррон прав, малыш Дэнни, - подтвердила я, все еще смотря на украшенное звездами небо, - *Она* заберет *вас* раньше.

- Елена.

- М? – я, наконец, опустила глаза на душу.

- А... Как думаешь, я попаду туда, где хорошо? – малыш надул губки.

Я ласково погладила Дэнни по прозрачной головке.

- Конечно, малыш Дэнни. Ты попадешь туда, где хорошо и встретишься со своим кроликом Пипи. Уверена, он уже ждет тебя *там*.

Я заметила, как по щеке ребенка покатались слезы. Он слезливо прыснул и обнял меня.

- Передай мамочке, что я ее буду навещать.

Глубоко вздохнув, я обняла Дэнни в ответ.

- Обязательно передам, Дэнни.

Затем мальчик отстранился, утирая большим пальцем слезки.

- Спасибо, сестренка Елена, - он слабо улыбнулся, а потом развернулся и уже медленней поплыл мимо людей и машин белым туманом.

А я пошла за ним по гладкому тротуарчику, играясь с бирюзовыми волнами, которые выходили из реликвии. Ну, вот и отли... Ой, вот растяпа! Вы, наверное, сейчас слушаете и вообще не понимаете, что за Круговорот Того Света, брошь и призрачный мальчик, с которым я разговаривала. Так замечталась, что и забыла все рассказать...

Я Елена из рода Гостленов. Род этот необычный. Все женщины в нем обладали способностью видеть загробную жизнь, то есть призраков, что девять дней после смерти ждут своей очереди на Небеса. Частицы сей особенности также есть у мужчин-Гостленов, но они развиты настолько слабо, что им удастся лишь чувствовать присутствие призраков. Дар Смерти передавался из поколения в поколение, от одной Гостлен к другой и остановился на мне, передался от бабушки по папиной линии. Теперь я вынуждена контролировать мертвую изнанку нашего мира вместе с остальными одаренными Смертью людьми из других стран, помогая призракам отправляться на Тот Свет до тех пор, пока не рожу следующего наследника. Род Гостленов настолько крутой, что женщины-Гостлены даже передавали свою фамилию мужу с помощью особого указа от самой госпожи Смерти. Это делалось для того, чтобы сохранить род, силу и значимость его фамилии.

Спросите, рада ли я такой суперспособности? Конечно, нет. Видеть людей, на которых ты смотрел только вчера на дороге или своих знакомых уже как мертвых душ было тяжело, хоть и привычно. Мой дар видеть призраков несет за собой глубокие затяжные раздумья о смысле жизни, паранойю и те самые панические атаки, так что жить с этой штукой весьма несладко. Конечно, рассудок ты не потеряешь, но долька чудаковатости присутствовать будет. Например, со мной довольно трудно найти общий язык, ведь могу случайно заговориться о том, какую напившуюся в персики душу алкаша видела вчера на остановке. Бабушка успокаивала, что я не одна в мире чудная, что вместе со мной мучаются такие же одаренные люди со всего земного шара. И я держала эту мысль в голове, но ее перекрывало вечное ощущение, что такая странная может быть лишь Елена Гостлен. И от этого ощущения порой становится неловко. Но тем не менее я считаю себя хорошим другом, который будет хранить ваши секреты в узде до самой смерти. Мои подруги это подтвердят!

Теперь о семейной реликвии рода Гостленов – Призрачной броши. Этой броши ровно столько же лет, сколько и самому семейству. Она повидала многое, находясь на груди у каждой Гостлен. С помощью реликвии я могу колдовать бирюзовыми магическими потоками и как раз таки контролировать загробную жизнь. Именно с Призрачной брошью моя тесно связанная с призраками жизнь становится не такой уж и скучной, и это придает хороших сил. Также всякие нечистые силы, кои иногда принимают форму душ, прекрасно знают, что если ты видишь человека с сияющей бирюзовым брошью на груди - это Гостлен и связываться с ней лишний раз не стоит. Так что меня еще и могут бояться, хе-хе!

О Круговороте Того Света. Круговорот Того Света или, как я называю сокращенно - «КТС» называется портал, который возникает в небе спустя девять дней, чтобы дать Смерти забрать умерших в Чистилище, а там и на Небесный Суд. Удивитесь, но за шесть лет в Дарли я успела сто раз узреть, как костлявая мадам с фиолетовой кожей и черной мантией обрывала огромной косой нити у душ, давая им последовать в Круговорот Того Света. Когда на небе появляются желтые звезды, это означает, что Смерть и портал скоро появятся.

А Дэнни Пикок, мальчик, с которым недавно разговаривала - младший сын Миссис Пикок, нашей знакомой. Он девять дней назад вместо воды выпил моеющее средство. Как это у него получилось, не знаю, ведь Дэнни был уже парнем-второклассником, достаточно умным. Но насколько бы мне не было жалко этого веселого мальчишку, я могу видеть призраков, но, к сожалению, не воскрешать. Это, как мне рассказывала бабушка, дар какого-то другого рода, что вообще вымер много лет назад. Я всего лишь наблюдаю за ними и провожаю до «КТС», а также сохраняю холодный рассудок. Мне даже не стоит напрягаться, он сам проявляется.

Я уже прошла мимо небольших холмов, обогнула пешеходный проезд. Вот мимо пробежала пара призрачных белок, что, видимо, заблудись по пути на Цветущую гору. За спиной помимо душистой живой ауры прохожих людей почувствовала другую – ауру покойных, что озарили своим чистым сиянием весь Дарли. Ах, пора начинать!

Вздыхнув полной грудью, я зашагала в сторону школы, плавно размахивая руками, будто плывя. Брошь почувствовала быстрый стук моего сердца, молодую силу и мысленный зов. И вскоре из нее полились бирюзовые волны; они очерчивали каждое дерево и машину, заглядывали в приоткрытые окна и заигрывали с волосами прохожих. Реликвия ярко засияла, продолжая испускать магию, которую я направила на Цветущую гору. Души позади радостно закричали и направились за бирюзовыми спутниками, попутно благодаря меня. Волны кружили в танце, заставляли глаза светиться. На устах появилась блаженная улыбка.

Как там говорят подростки в сериалах? Ах да!

Меня зовут Елена Гостлен (дружеское напоминание, ага) и это моя история, моя жизнь с даром видеть призраков!

Глава 2. Леденящие кровь новости

Магия все лилась из броши, сопровождая и меня. До начала урока оставалось двадцать минут. Благо, яблоневую рощу, полную тягучей глины и тонких острых прутьев, что валялись на дороге, удалось быстро пройти. Оставалось только перейти дорогу к школе. Трехэтажное бежевое здание уже возвышалось надо мною. За маленьким забором сидели на рюкзаках и разговаривали между собой ученики; девушки попивали из медных банок лимонад и, кокетничая с мальчиками, бесконечно поправляли выбившиеся пряди волос, а те активно затягивались сигаретным дымом, явно выпендриваясь. Мол, йоу, детка, смотри, какой я крутой с сигаретами, йоу! Я курю и одет как какой-нибудь Верховный демон из Преисподней, а это значит, что ты должна пойти со мной на свиданку, йоу! Хех, сколько я уже таких модных курильщиков отправила на Тот Свет? Десять-двадцать? Блин, опять за свое! Кхм, прошу прощения.

Пока наблюдала за цветущими растениями, медным забором с яркими табличками и сверстниками, не сразу ощутила, как в спину вцепились чьи-то холодные руки с длинными пианистическими пальцами. Ох, Всевышний, я узнаю эти фаланги даже будучи в коме.

- Опять мисс Гостлен спит!

Каштановые, чуть кудрявые волосы защекотали нос. Я утробно чихнула, почувствовав сладкий запах карамельных духов. Затем шумно усмехнулась и повернулась. Позади стояла в свободной позе никто иная, как моя подруга – Эбони Айвери. Раскаленное золото вокруг зрачка как всегда блистало, а темные накрашенные брови по-доброму нахмурились. Звенели на ушах длинные сережки; на левом была ромашка, на правом – красное сердечко. Айвери пускала жвачные пузыри, иногда облизывая бардовые губы. Темно-синий кардиган и красная юбка в черную клетку развевались на апрельском ветру.

После переезда я была са-а-амой серой мышью, наверное, за всю историю средней школы Дарли. Ходила одна, ела за краем стола и старалась избегать лишнего общения. Я до жути боялась, что из-за легкой чудаковатости и дара меня начнут травить и насмехаться, как это обычно бывало с необычными детьми. И именно Эбони Айвери первая заговорила со мной. Подруга до сих пор припоминает мое удивленное лицо, когда она спросила имя и предложила вместе пообедать в столовой. Тогда там стремительно завязался разговор и пошло-поехало.

Эбони была веселой, любвеобильной и дружелюбной девушкой, которая много трещала о мальчишках и модных вещах... А еще являлась пианисткой. Как она рассказывала, музыкальная школа была инициативой родителей, и изначально Айвери вообще не хотела учиться играть на инструменте, лень было. Но потом у подружки в мозгу что-то переклинило, и на третьем году обучения она вдруг сильно влюбилась в фортепиано. Так что если вы увидите ненормально длинные пальцы у Эбони Джулиан Айвери, то не переживайте, она не монстр, а, скорее, э-э, пианиноголик?... Ну, вы поняли, короче.

- Мисс Эбони Джулиан Айвери, какая встреча! – радостно воскликнула я, размахивая руками.

- Я, конечно, прекрасно-препрекрасно понимаю, что сегодня *тот самый* день, но переживать о своей-то жизни тоже надо! Ты посмотри на нее – стоит на краю дороги и зевает! Непорядок, Ель! – сердито толкнула меня в бок Эбони. Но наигранно.

- Ну-ну, не кукарекай, Эб, - я скрестила руки на груди, с долей ехидности поглядывая на подругу и начиная переходить дорогу на зеленый свет. – Ты же знаешь, что у Елены Гостлен все всегда идет по плану: если Елена стоит на краю дороги и зевает – значит, так надо.

Айвери зафыркала, быстрыми и даже строгими шагами идя за мной, пытаюсь сравняться. Бирюзовые волны окутали ее подтянутое тело. Я слышала, как она, запыхавшись, еще и успевала шутливо посмеиваться:

- Ага, а вчера чуть не подавилась салатным листом о великая Елена Гостлен тоже по плану?

Мои щеки вспыхнули.

- Ну-у-у, это редкое исключение.

Мы перешли дорогу и ступили на плиточный асфальт с еле заметными проростками травы. И, наконец, оказались в оживленном дворе, слушая школьный гул. От здания школы пахло тем самым притягательно-ядовитым запахом краски, все вокруг было усажено клумбами и деревьями, чьи ветви вылезали за границы забора. А юные болтающие школьники придавали большей живости этой картине с духом беззаботной юности. Но было еще то, что замечала только я, больше никто. Вместе с живыми птицами по небу пролетело несколько призрачных, что также спешили на Цветущую гору вслед за магической бирюзой; проплыли павушками старик и старуха, которые о чем-то оживленно болтали, певуче растягивая слова. Призраки проходили сквозь школьников, а те лишь вздрагивали от мимолетного прохладного порыва. Жаль, что они никогда не прочувствуют и не поймут мерцающую мертвую красоту невидимой изнанки.

Айвери лопнула жвачным пузырем, прерывая мои мысли:

- Таких «исключений» за нашу дружбу было пруд пруди! Елена, пора бы уже признаться, что ты иногда бываешь неуклюжей!

Я же хмыкнула, поправляя лямки рюкзака на плечах.

- И не подумаю.

- Ах ты, маленькая козя...

Только хотели подняться на первую ступень школьного крыльца, как нам преградил путь бывший парень Эбони, - Валентайн Эштон или, как мы его коротко с подругой называем - Валя. Нет, ну, а что, подходящая же кличка для слабоумного отбитого ребенка...

- Оп-оп, кто это тут у нас? – Валек выдохнул сигаретный дым прямо в лицо Эбони, а та, рывнув, скривилась в отвращении.

Я закашлялась, с явной натуужностью подавляя желание сначала измазать дорогой жакет и вельветовые брюки Эштона грязью, а в конце плюнуть в противную рожу.

- Фу, Валентайн, брысь с дороги! – гавкнула Айвери. – От тебя разит табаком как от моего покойного дяди!

- Ну чего ты, в самом деле, Э-бо-ни, - пустил смешок молодой курыка, - уже отвыкла от моего аромата? Какая ты чувствительная...

Знаете, я ни разу не пожалела, что Эбони бросила его. Этот чурбан, несмотря на молодой возраст, уже гулял до утра, пил и любил засиживаться в барах, часто оскверняя и унижая при своих друзьях и, еще, оказывается, подружках, Эбони. Когда мы об этом узнали, Эбони так разозлилась, что надавала пощечин Валентайну, окончательно завязав с отношениями. И слава Богу!

- Сгинь, Валя, - сдержанно процедила я. – Оставь Эбони в покое.

Валек, затаившись, перевел взгляд ядовитых зеленых глаз на мою фигуру и раздраженно хмыкнул, словно молча произнес «опять эта шиза», как он обычно меня называл. Всегда было неприятно от этого прозвища.

- Не возникай, шиза, - язвительно прошепел Валентайн, легонько толкая меня в бок. Как и думала, он снова так назовет меня. – Ты всегда совала свой кривой нос в наши с Эбони отношения, всегда защищала ее, упертая ты наша. Сегодня *тот самый день*, так что думай о том, как будешь отмывать с себя запах мертвечины.

- Заткнись, Эштон! – тотчас вскрикнула Айвери, одаривая хулигана хлесткой пощечиной. – Ты не имеешь права так говорить о Елене, она будет возносить твою гнилую душу к Смерти!

Между нами тремя росло напряжение с каждой секундой, забивая нос гадким запахом, смешанным с табаком. Школьники, естественно, на крик Эбони обратили внимание, также как и души, что не спеша шли мимо них. Очевидно, все обратили на нас внимание только ради того, чтобы посмотреть, будет ли драка или еще что похуже. Как же ненавижу такие случаи...

Зубы шумно скрипнули, ногти впились в лямки рюкзака. Моя сила тоже почувствовала противный смрад напряжения. Когда я начинала злиться, волшебные волны облачались в тяжелую темно-синюю магию, что окутывала все живое. Желание наколдовать что-то порочное и не совсем доброе возрастало до небес, ударяясь об язычок. Хотелось выплеснуть весь свой гнев наружу, распластать объект раздражения в щепки, настолько была сильна моя магия. Но, знаете, я обычно не поддаюсь таким фашистским желаниям, а уговариваю силу сделать всего лишь маленькую шалость, которую все забудут уже через неделю. Правда, я гений?

- Э, ты че творишь? – зашипел Валентайн, хватаясь за щеку. – Совсем уже без меня оборзела?! Эта чокнутая Гостлен тебе мозги затуманила до конца!

Темные зловещие липкие волны обвели тело Вали, буквально вжали его в объятия. Призрачные животные и людские души в ожидании замерли, от волнения от них даже шла золотистая дымка. Призраки прекрасно знали, что я всегда мщу своим обидчикам, потому что у меня есть собственное достоинство и еще ого-го какое.

Я мысленно потеряла вспотевшие ладони. Вот сейчас все посмеются...

Пока надутая гневом и обидой Эбони собачилась с наглым Валентайном, я немного отошла. Взглянула на ясное небо, напрягла руки, крюча пальцы; схематично оглянула птиц, пролетающих по пушистым облакам, и призвала волны вверх. Магия отозвалась и последовала ввысь, нежно оплетая тела птичек. Вот одна сорока пролетала прямо над надоедливым Эштоном. Я прикусила губу, резко распрямила пальцы. Волны вмиг оказались у сороки и начали щекотать брюшко, да яростно так, что птица неестественно извивалась, что-то утробно каркая...

Вдруг Валек затих, за ним и Эбони. Школьники охнули, а призраки прикрыли рты ладошками. Короткую тишину разорвало дикое ржание Айвери. За ним послышался и дружный хохот остальных ребят, смех душ... А потом возмущенно закричал и Валентайн. Его недокурная сижка слабо покатила к моим ногам. Вся дорогая одежда и залаченная прическа запачкались самым настоящим, простите, птичьим дерьмом. Да, черт возьми, я измазала этого чурбана какашками сороки! Школьники показывали на него пальцами, бросались колкими фразочками. Я лишь хихикнула, а магия вновь стала светлой и легкой. Уж не осуждайте, этот козел заслужил хотя бы такое наказание за клевету на Эбони. Она взглянула на меня, сверкнув глазами и широко улыбнувшись. Айвери знала, что я умею колдовать. Доказательством стал случай, когда невидимые волны налили ей в стакан сок. Мы стукнулись кулак о кулак.

- Черт, черт, черт! – все орал панически Валька, не зная, куда ему деваться.

- Лучше уйди, Валентайн, - спокойно проговорила я, аккуратно хлопая его по плечу, – а то от тебя пахнет даже не мертвечиной, - затем последовала ухмылка, и я прошептала победно: – От тебя пахнет говном.

Эштон резко набрал воздуха в легкие, только услышав мою фразу. Губы его задрожали, также как и испачканное тело. Он со всем раздражением глянул сначала на смеющуюся Эбони, а потом на меня.

- Давай-давай, Валь, - дружелюбно подбодрила я. – Шнеля-шнеля, а то засохнет ведь.

Валентин рассеянно шмыгнул носом, топнул ногой и под смех старшеклассников побежал вон.

Постепенно ржание прекратилось, все утихло и вновь принялись разговаривать между собой, отвернувшись от меня и Эбони. Вкусный тягучий запах яблонь снова заласкал нос, а мышцы окончательно расслабились.

- Ты гениальна, подруга, - на одном вздохе произнесла Айвери, медленно открывая парадную дверь в школу. – Спасибо, а то я бы с этим придурком уже голос сорвала, - и показательно кашлянула.

- Всегда пожалуйста, - кивнула я, заходя внутрь. - Никогда мне не нравился этот индюк.

- Вот-вот! – согласилась Эбони. – Мне он тоже никогда не нравился!

Я открыто залилась смехом.

- А кто же тогда мне все уши про него прожужжал? А кто же с ним встречался?

Айвери тут же прикусила ногти длинных пальцев и поредела.

- Ну-у-у, я тогда была молода...

- Ага, два месяца назад молодая она была,

- ...И глупа.

- А вот это уже другой разговор, - я легонько потрепала подругу по голове, а та нервно хихикнула. – Сейчас ты поумнела.

После того как зашли в класс, сразу же прозвенел звонок. Начались скучные, невероятно длинные уроки, что сопровождались монотонным бормотанием учителей. Вроде бы дальше все было без приключений, но почему-то во время уроков я испытывала удушающую тревогу; сердечко бешено колотилось, а кожа покрылась мурашками. Фигуры душ, которых видела и на улице, и в здании, странно искажались. Казалось, что их тела начинают синеть, а глаза – закатываться; уши будто слышали лязг цепей, и присутствовала навязчивая мысль, что там за окном наступает туман. Уверяю, такого у меня сроду не было, столь сильная тревога никогда не сбивала с мыслей с тех пор как я переехала в Дарли. Чувствовала, что что-то вот-вот должно произойти – что-то шокирующее и страшное. И нет, это был не страх за сегодняшний приход КТС. Это страх за что-то другое, даже объяснить не могу...

В голове всплывал тот кошмар: разрушенные здания, ядовитый свет некоего портала и куча знакомых призраков. Теперь я думала, что кошмар являлся видением. А видения никогда не обманывали. В тревожных сценах всегда читалась подсказка на будущие события. Мозг рьяно прокручивал в голове единственную фразу:

«Неужели эта тревога связана с Броквеном?»

За дверью послышалась последняя трель звонка. Классы постепенно пустели, а коридоры заполнялись спешащими домой учениками, что нагло толкали друг друга, лишь бы добраться к шкафчикам. Мы с Эбони, а также еще одной подругой вышли на улицу, когда толпы школьников почти разбежались по своим сторонам.

На улице было приятно прохладно. Апрельский ветер игрался с волосами, создавал неопрятные кудри. Стремительно неслись перистые облака, давая увидеть мне те самые желтые звезды, которые стали еще ярче. Сквозь деревья и заборы, уже торопясь, плыли души, мельком окидывая взглядом меня и бирюзовую магию. Наверняка они хотели, чтобы я вместе с ними скорее пошла на Цветущую гору – передать в руки госпоже Смерти.

– Если бы этот тухляк–Валентайн был одним из наследников на королевский престол – его бы точно не выбрали из-за мерзкого характера! – скептически подметила наша одноклассница и подруга – Мари Крейс, поправляя указательным пальцем очки на переносице.

– Ага, а потом бы Валентайн вызвал товарища на дуэль и сам бы погиб, потому что думает явно не мозгами, хах, – Эбони усмехнулась, глядя на тетрадки с разными историями о дворцовых интригах у подруги.

Мари кивнула, улыбаясь своим мыслям и фантазиям. Видимо, Айвери подала отличную идею для следующей главы ее фанфика. Вот такой Мари у нас творческий человечек, только о своих историях и думает!

– Да забейте на него, девочки, – прыснула неприметно я, идя мимо пахнущих малиной кустов. – Он не стоит наших обсуждений.

Чем дальше шли в левую сторону, тем ближе становилась Цветущая гора. Шум машин постепенно затухал, становилось все больше скромных жилых домиков и меньше крупных зданий. На плиточных дорожках прорастали маленькие одуванчики и трава, а на головы падали листья вишни. Время около Цветущей горы всегда замедлялось, воздух становился блаженной. В этом районе я и магия чувствовали особенную атмосферу. Бирюзовые волны свободно оплетали гору, становясь все светлее. Знаете, сколько бы не приходила в это благословенное место, каждый раз будет казаться первым.

– Именно! – сразу же сменила тему Эбони, обнимая нас за плечи. – Вот сейчас зайдем ко мне домой и послушаем новую главу Мари про горячих принцев, да?

– Э-э, да, – согласилась смущенно подруга, поправляя прядь темных локонов, – в этой главе будет особенно интересно, хе-хе...

Я легонько вздрогнула, увидев, что все души распределились по горе, ожидая меня и КТС.

– Я обязательно послушаю новую главу, девочки, – хихикнула нервно, – но не сегодня.

Подруги на миг замерли, а потом расслабились, оглядывая меня и гору.

– Ой, точно, – икнула Мари, – мы же совсем забыли про сегодняшний *день*...

– Иди, Ель, – Айвери похлопала меня по спине. – Они уже наверняка заждались тебя. Ты же знаешь, что мы никогда не обижаемся.

Я слабо обняла подругу в ответ.

– Спасибо.

Эбони отпрянула от меня, кивнула Мари, и они начали постепенно отдаляться, махая руками.

– До завтра, Елена! – кричали они.

Я помахала им в ответ, делая шаги назад:

– До завтра!

Когда подруг совсем не стало видно, а волны засустились, я поспешила на Цветущую гору, спотыкаясь о деревянные ступеньки.

Когда оказалась на вершине горы, яркий солнечный свет заставил зажмуриться. Он грел тело и игриво ласкал щеки. Гора была под властью солнца: спокойные души, с которыми я успела поздороваться, зеленая трава с одуванчиками и колокольчиками, а также мое любимое одинокое деревце с толстым стволом и пышной листвой. Под ним как всегда и устроилась, подложив под себя ветровку.

Облокотившись о ствол, принялась считать все души, что умерли за последние девять дней. Сияющие души тоже стали ждать *ее* прихода. Сквозь рябь магии услышала, что она собрала всех призраков страны на своих местах, и облегченно выдохнула. На горе было почти тихо, только шум ветра и шелест травы скрашивал ожидание. Я полностью отдалась этому шуму, атмосфере и небу, довольно улыбаясь и прикрывая веки. Мне нравилось вот так сидеть на Цветущей горе, наслаждаться тишиной и запахом цветов. После того как я переехала сюда,

эта гора стала заменой одного озера Броквена – когда-то единственного места, где мне было спокойно. Но, к сожалению, призраки там никогда не собирались, а обходили стороной, вечно бродя по городским туманным улочкам. Это осознание всегда кололо сердце.

– Смотрите, Круговорот Того Света! – вдруг послышался радостный голос малыша Дэнни.

Я резко распахнула очи, выпрямляя спину. Желтые звезды на небе часто замигали и засияли, образуя большой вьющийся круг, похожий на водоворот. От него последовало несколько сотен лучей, которые начали забирать в свои объятия каждого призрака. Поднялся сильный ветер, небо стало почти белым под свечением Круговорота Того Света. Прикрыв глаза локтем, я смотрела на то, как небесные лучи желтого водоворота тянули душ к нему. Призраки плакали, улыбались и касались друг друга как родные, отдаваясь ярким лучам. Чем ближе души были к чреву Круговорота, тем пестрее становились их нити жизни, завязанные узелком вокруг безымянных пальцев.

Когда нити жизни стали совсем яркими, показалась она – женщина в черной как смоль накидке, бледно-фиолетовой кожей, костлявой половиной лица и огромной серебристой косой. Это была Смерть. Сначала она оглядела собранное множество душ, а затем сдержанно кивнула мне. Так госпожа Смерть благодарила за хорошо проделанную работу. После она взмахнула косой, оборвав нити, что связывали людей с миром живых. Желтые веревочки постепенно оседали на траве и исчезали, а душ, наконец, укутал собой Круговорот Того Света. Он резко исчез, также как и Смерть. Все вернулось в прежнюю форму, будто ничего и не было. Осталась только я на высокой Цветущей горе.

Когда шла обратно, Дарли прятал горожан по домам. Солнце медленно скрывалось за Цветущей горой, оставляя на дорогах рыжеватые полосы, по которым проезжали автомобили. Бирюзовые волны несли с собой пыльцу цветов, что оседала на моем рюкзаке, пока я отвечала Эбони ответной смской о том, что все прошло отлично. И да, миссис Пикок я тоже позвонила, сказав, что Дэнни теперь отправится туда, где ему будет хорошо. Конечно, женщина много рыдала в трубку, тысячу раз благодарила через короткие всхлипы. Я, естественно, успокаивала ее, спокойно выслушивая крики раненной материнской души. Со временем меня перестало пробирать на слезы из-за жалости к родственникам умерших. С наступлением пятнадцатилетия полностью научилась держать свои эмоции в узде, делая легче людям. Научил меня этому именно Дарли, а не город детства...

Я дошла до дома, когда дорогу освещали только желтые фонари и магия. За то время, пока была на Цветущей горе, вам могло показаться, что Круговорот Того Света выполнил свою миссию всего-то за две минуты. Спешу поделиться страшной тайной: пока мы с вами сидели на горе, прошло два часа. Эффект быстроты создает именно КТС. Это, можно сказать, иллюзия самих Небес, портал образуется именно там. А на Небесах время течет совсем по-другому... Так что не удивляйтесь тому, что я пришла лишь к тому времени, когда уже стемнело.

В окнах горел теплый свет, слышался глухой звук работающего телевизора. Я могла видеть, как по кухне гулял пар. Видно, мама приготовила очередную вкуснятину!

Аккуратно поднявшись по ступенькам, я нажала на кнопку звонка. За дверью послышался противный свист и торопливые шаги. Открылась дверь, и на пороге меня встретила слегка запыхавшаяся мама, придерживая в одной руке прихватку.

– Елена, милая! – воскликнула она, а у меня внутри все затрепетало от ее улыбки. – Ты как раз к пирогу!

– Уже чую! – я, облизываясь от соблазнительного аромата сладких персиков, обняла маму и зашла за порог. Намереваясь скорее сесть за стол, как сумасшедшая понеслась в ванную. А мама звонко смеялась вслед:

– Только слюнями все не затопи!

Мы с мамой уплетали персиково-яблочный пирог с ароматной корицей и тающей горячей начинкой под звуки телевизора и словно замороженные смотрели в мелькающий разными цветами экран. На одном канале показывали сначала какие-то скандальные передачи с орущими во всю глотку тетками, а потом, как только начиналась реклама, мы переключили на другой канал, на котором шла ни то комедия, ни то мелодрама. И так крутили колесиком пульта по кругу, смотря одновременно сто каналов и передач. Вот в такой уютный вечер с мамой и пирогом во рту моя тревога вроде как исчезла. Быстро мелькающие картины зомбоящика и сотни чужих голосов заставляли забыть обо всем на свете и спокойно наслаждаться домашней идиллией.

На канале со скандалами вновь началась реклама, и мама, облизывая пальцы от повидла, снова принялась крутить колесико. Крутила-крутила, и вдруг, как по волшебству, пульт забарахлил и остановился на новостях. Пока она, тихо ругаясь, пыталась починить пульт, я смотрела на экран телевизора, не отрывая взгляда. Послышался волнующийся и дрожащий голос диктора:

«Ученые и скептики были убеждены, что никакого паранормального в мире не может существовать. До недавнего времени. Один город в штате Орегон не согласился с общепринятым научным мнением...»

Когда он заговорил, мама тоже начала вместе со мной смотреть в экран. Сперва показали улицы с домами, покрытыми внушительными трещинами и пробоинами; на дорогах сами собой взлетали машины и летели на другие, а дорожные знаки без непогодных условий гнулись. На следующих кадрах были показаны летающие в воздухе горожане с прочими предметами и непроглядный белый туман, что хищной украдкой витал по зеленым лесам и могучим холмам.

Мы с мамой замерли, покрылись холодным потом и колючими мурашками. У нее даже пульт выпал из рук.

– Ты тоже это видишь? – шепотом спросила мама.

Я чуть не поперхнулась слюной.

– К сожалению...

Наша с мамой реакция оказалась такой потому, что этот город был до боли знаком. Все эти старые здания, дороги, усеянные прорезями травы, ивовые леса и улицы могли быть только в одном городе...

«В Броквене такие аномалии случаются каждый день. Все они разнообразны, каждый, ээ, уже не божий день город встречает новой паранормальщиной, которую добрые люди уже как год стараются побороть изо всех сил. Сколько бы экстрасенсов и колдунов не посещали Броквен, ни один не мог поставить диагноз таким аномалиям. Тысячи священников со всех церквей Орегона и даже Ватикана уже освещали каждое здание городка, но все бесполезно. Отец Виктор Смит, один из орегонских священников, предположил, что, возможно, именно не упокоенные души Броквена решили дать народу людскому свой знак, и в этой ситуации простые священнослужители не помогут. Самое интересное, что большие половины священников, побывавших в Броквене, согласилось с отцом Виктором. Сейчас между церквями идут дискуссии насчет ситуации в Броквене. А тем временем люди в этом городке не падают духом и продолжают жить. Вот, например, сейчас наш корреспондент находится в Броквене и, посмотрите, как смело говорят о ситуации горожане!»

– Что вы думаете о паранормальном в вашем городе? – вопрошает худенький мужчина и подносит микрофон одному проходящему горожанину.

Тот лишь с пустыми глазами вздыхает.

– Та ничего нет у нас. Вам все кажется...»

Глава 3. Туда, откуда родом

Что было потом, я помнила смутно. Помнила, как конечности заныли, в висках загудело, и больно забилося о ребра сердце; помнила мамино лицо, полное шока, и как она клала мне на лоб влажный платок, помогая очухаться. Потом мы с ней целую ночь не спали, обсуждая страшные новости и мой план, что, наконец, созрел спустя шесть лет...

– Ты хочешь поехать туда? – спросила мама настороженно. Ее выразительные влажные глаза светились в ночном мраке.

Я кивнула, облизывая губы. В голове все еще мелькали картинки с крушащимся Броквеном.

– Да. В Броквене что-то нечисто, – моя горькая усмешка раздалась эхом по гостиной. – По крайней мере грязней, чем обычно. И чувствую, что именно мне суждено отмыть всю эту грязь. Брошь неистово пульсирует, как никогда. Даже у бабушки такого не было. Да и мой ночной кошмар... Это знак. И каким бы жутким я его не считала, он важный.

– Я понимаю, – мама легонько обняла меня. Голос ее дрожал, – но там так опасно. Все везде разрушается, призраки странно себя ведут... Я переживаю, сможешь ли ты спасти Броквен и ее, будучи совсем одна. Ты уверена, что готова на такой рискованный шаг? Еленочка, ты не возвращалась туда целых шесть лет, ты так боишься его. А вдруг с тобой там что-то случится? Мы с отцом ведь не переживем.

Я глубоко вздохнула, целуя маму в холодную щеку.

– Твои опасения оправданы, но... Я сейчас полностью осознала, что зря уехала оттуда. Не надо было этого делать.

– Ее смерть выбила тебя из колеи, – покачала головой она. – Ты в Броквене тогда чуть с ума не сошла. А вдруг и сейчас, приехав туда, ты испугаешься и...

– Теперь нет, – отрезала сухо. – Я все эти шесть лет думала о возвращении, но сомнения брали верх. И вот их затмили сегодняшние события в Броквене. Это была последняя капля, мам. Пришло время поглядеть страхам в глаза.

– Ох, Елена...

Еще час мы разговаривали да решали; мама сомневалась, не хотела отпускать меня в Броквен для спасения, а я настаивала на своем, в глубине души сама удивленная от несвойственного напора. Мама настоятельно рекомендовала подождать и не ехать. Она жутко переживала за меня. Но я все-таки добилась своего. Мама, тяжело вздохнув, проговорила тогда:

– Ладно, твоя взяла, Елена. Отцу ничего не говорим, завтра поедешь на десятичасовом. Я отпрошу тебя на две недели. Клянись, что будешь осторожна и найдешь безопасный ночлег.

Около остановки притормозил автобус, сразу же обдавая меня и других людей горько-пахнувшим облаком пыли. Я закашляла, словно старый туберкулёзник, прикрываясь тоненьким шарфом. Никогда не любила всю эту пыль, грязь и дым. Эти вещества так отвратительно пахли, что мне хотелось выплюнуть легкие и проветрить их, а заодно ещё и мылом намылить и духами попрыскать...

Сам автобус выглядел, так скажем, тоже не очень презентабельно: испачканные в глине шины, поцарапанные окна и огромные капли луж на грязно-оранжевом покрытии. И это автобус для двухчасовой поездки? Точно не для переезда через пешеходный переход за два цента? Наверняка там еще и жвачки прилипли к креслам...

Но других путей не осталось, к сожалению. Отец был в командировке вместе с машиной, мама не умела водить. Конечно, можно подумать, что такси было бы отличным решением, но вот лично я так не думала. И мама моя тоже. И почки мои тоже. Не, а мало ли, вдруг это какой-нибудь маньяк, который повезёт меня не той дорогой? А вдруг попадётся какой-то алкаш, вместе с которым утону в болоте? Такие «а вдруг» я могла перечислять вечно, ведь паранойя — моя лучшая подруга на все времена! Так что такси сразу отменилось, и в итоге остался прокуренный пыльный жухлый автобус. Придется потерпеть.

Пока откашливалась, на мою голову, плечи и рюкзак присели души пузатых птичек; они что-то чирикали и перебирали лапками, будто пытаюсь помочь мне. Затем по ногам проскочила призрачная белочка; она убегала от пушистой лисы, чей мех переливался золотыми искрами. Эх, я видела таких чистых и невинных душ в последний раз на этой неделе, так что можно было смело помахать им ручкой и прокричать «пока–пока!». А всего через два с половиной часа я окажусь практически в другом мире, где никогда не ступала нога госпожи Смерти, и души вечно лязгали цепями, прожигая взглядом печальных мутных глаз.

Двери автобуса со скрежетом открылись, давая увидеть худощавого водителя с толстой сигарой в зубах и темный салон. Люди начали стремительно подниматься по мокрым ступенькам, в наглую опережая меня, задевая сумками и локтями. Ну, вот что за манеры! Но все же я столбом не простояла и, юрко подправив лямку рюкзака, также поднялась, достала из кармана ветровки пару тройку купюр, вручила водиле и проскочила мимо садящихся людей почти что в самый зад автобуса. Не хотелось сидеть впереди и вдыхать сигаретный смрад от водителя на протяжении долгого времени.

Когда все расселись по своим местам и пристегнули ремни безопасности, водила выплюнул в открытое окно, нажал на газ, и с характерным хрюканьем автобус двинулся с места, начиная постепенно набирать скорость. Я поставила полный всякой брехни рюкзак на крайнее кресло, а сама пристроилась у окна, от которого шёл легкий, но пробирающий холодок. Затем достала из грудного кармана ветровки смартфон со связанными белыми наушниками. Быстренько настроив маме смску с информацией о том, что автобус тронулся и со мной все хорошо, я воткнула белый проводок в специальное отверстие и открыла плейлист с песнями.

Слушая какой-то альтернативный рок, положила локоть на подоконник, по привычке устремляя взгляд в большое окно. Руки чуть подрагивали от легкой тряски в автобусе, но на это не обращала внимания. Я была заморожена другим — меня притягивал вид быстро мелькающих лесов, полей, машин и белых полос на дороге. Их никак нельзя было разглядеть нормально, от скорости транспорта они превращались в мутные размазанные пятна, что становились похожи на картины какого-нибудь художника. Быстро сменяющийся вид за окном имел для меня свою красоту и даже смысл — глубокий смысл. Мелькающие поля, ели и облака доносили, что жизнь коротка и быстра. Вот не наслаждался ты красотой деревьев и рассветов по утрам, не дорожил особыми моментами, пока живыми друзьями и семьей, а обращал внимание совершенно на другие вещи, гнался за чем-то совершенно непонятным, не являющимся истиной... Осознание этого приходит поздно — тогда, когда жизнь почти убежала. За ней уже невозможно угнаться и вернуть какие-то моменты, которые ты упустил. Она превращается в такие же размытые пятна, которые нельзя разглядеть поближе, не спеша. Ты уже постарел и все растерял, а жизнь с этими моментами все отдаляется и отдаляется...

Подремав, я убила время. До Броквена осталось ехать где-то час или чуть больше. Понятно это стало по меняющейся обстановке; солнце мало-помалу окутывали пасмурные облачка, сгущались леса, и ветер был уже пробирающий, совсем не легкий. А значит, скоро появится знакомое шоссе Чузен или, как я его называю, — «Дальше–Бога–нет шоссе». Когда мы въезжали туда, менялось абсолютно все; воздух становился сырым, исчезали практически животные и... аура. Аура менялась больше всего. Она оказывалась будто сгнившей, давно умершей. Эти мертвые, гнилые руки уныния, скорби и страха забирали в объятия, заставляли прильнуть к заросшей земляной груди и услышать, как сердце того города верно разрывается на лоскуты, обрывки нитей и обростает болью, а ещё *цепями*. Цепями, что сдавливали кожу до крови, не давали выбраться из хищного мрака всем, кто после тяжелой жизни хотел на Свет... Вы можете подумать, что я себе все накрутила и это как всегда моя лучшая подруга паранойя. Мне бы тоже так хотелось думать, честно. Мне бы хотелось верить, что души, скован-

ные цепями – галлюцинация, что дар забарахлил. Но нет. Поверьте, не все можно списать на самовнушение и иллюзии. От суровой реальности невозможно сбежать или хотя бы скрыться. Только принять.

Вот совсем-совсем скоро я окажусь в Броквене — странном и мистическом городе. По приезде мне придется внимательно вглядываться в каждый электрический столб и лавочку. Исследования мои станут намного тщательней и глубже, чем в детстве. Ведь теперь Броквену вообще нельзя было доверять. Из небольшого брака в виде не упокоенных душ аномалия превратилась в самую настоящую угрозу. Кажется, в этом году она достигла апогея, показала всю свою опасность. Но броквеновцы и Гостлены, представьте, до сих пор не могут узнать происхождение этой аномалии. Потому что никто не знал, как появился этот город, и кто его основал. У Броквена нет истории, лишь старые улицы и некоторые записи в архивах. И то они ведутся с девятнадцатого века, а все, что происходило раньше, окутано туманом и испачкано пылью.

Но Броквен так или иначе манил. Эти зеленые бесконечные леса, туманные кварталы и несравнимая ни с чем тоска заставляла остаться тут до самой смерти. Броквен - жадина, который не хочет отдавать своих жителей кому попало; сначала он заманивает в свои сети, а потом заключает в них навечно. Даже меня этот город заставил вернуться. Когда увидела гипнотизирующие новости и вспомнила про кошмар, повторяющийся месяц, сразу поставила твердую цель срочно приехать и, наконец, раскрыть загадку Броквена, а затем отпустить заблудших призраков и избавить город от проклятия...

Но это не единственная цель. Больше всего я хочу встретиться с *ней*, спасти *ее* в первую очередь, обнять, попросить прощения и сказать, что не забыла о *ней*. Мне все эти шесть лет хотелось приехать хотя бы на пять минут в Броквен, найти *ее* и сказать, что я не забыла про нашу *клятву*...

Но до этой точки преломления я боялась. Боялась заблудших призраков, темно-синего неба, видений. Я была такой трусихой до сегодняшнего дня, честно признаюсь. Мне нужно было взять себя в руки и поехать в Броквен раньше, до этого кошмара.

Теперь пришло время искупить вину. Я должна спасти Броквен вместе с магией семейной реликвии. Правда, как именно это сделаю, я еще не придумала. Блин, даже как-то неловко... Ой, ладно, вот окажусь в Броквене, ко мне придёт вдохновение, и на ходу решу!

Из затяжных мыслей меня вывел резкий скачок автобуса. О буханку на колесах что-то стучалось, да яростно так. Но бурной реакции народа не последовало; водитель спокойно курил сигару и морщил веснушчатый лоб, а пассажиры только поерзали на местах. Я же поспешила снять наушники, сразу выглянув в окно. Опустив глаза, увидела виновников торжества. Голубые призрачные волки с белыми глазницами и кандалами на лапах активно стучались об автобус. Я все не могла оторваться от них, рассматривая каждый зуб в пасти, каждую шерстинку с голубой дымкой, каждую цепочку на лапах. Но когда волков резко оттянуло в густые заросли, обратила внимание на окружение. Мы проехали несколько небольших зеленых холмов, затем въехали в еловый лес с примесью ив. Эта местность была до боли знакома. Кончики пальцев заочнели. Я подъезжала.

Я попыталась успокоиться; села прямо и выдохнула, сморгнув влагу. Но волнение выдавали дрожащие руки. Все мое нутро почувствовало этот город, а он почувствовал меня.

Вскоре начали появляться электростанции. Виднелись за ними холмы, ивовые леса, большие реки. Потом появились районы с яркими жилыми домами; там обедали семьи, играли друг с другом дети, охраняли место собаки, и обрезали кусты садовники. За ними появились позже и городские старинные здания: библиотеки, покрывшиеся копотью, театры с позолоченной отделкой, кафе с черными зонтами. Постройки эти возвышались над улочками с закрученными фонарями и бетонными фонтанами, парками с античными статуями... В нос ударил запах розмарина и дождя с легкой горчинкой от травы - запах ностальгии. От него немного жгло глаза, и тело покрывалось роями мурашек. Дыхание сперло, в голове стремительно всплывали

воспоминания из детства; как мы с *ней* пробегали мимо этих пыльных зданий, забирались на травянистые холмы и катились с них сосиской, смотря на пасмурное небо. Призрачная брошь запульсировала, почувствовав знакомые места, и ее бирюзовые волны расплылись по всему автобусу, вылезая через форточки. Послышался лязг цепей и шуршание травы - по дорогам шли призраки, те самые, о которых я рассказывала. Бледно-синие, с белыми мертвыми глазами и кандалами на поясах. А легкая дымка оплетала лазурную табличку, на которой золотыми буквами было выведено: *«Добро пожаловать в Броквен - Город призраков!»*.

Броквен славился своей неизменностью. В детстве я не верила в это, но сейчас, когда вернулась сюда спустя шесть лет... Господи, будто и никуда не уезжала. В этом городе все осталось таким же; время, казалось, замедлило ход. Белые мотыльки так же парили по городу, садясь на каждый фонарь, ободранные коты выпрашивали сосиски у мясников, а дети в вычурных легких шапках резво бегали по улицам. Даже захотелось переодеться - надеть старую шапку с козырьком, папино пальто в катышках, длинную юбку и побежать за свежим хлебом к дяде Синамону.

Дядя Синамон приходился мне крестным. Когда папа был еще юношей, он и *ее* отец дядя Тео организовали банду под названием «Крутые мальчишки». Она была такой элитной, что в нее входили всего четыре парня: мой папа – талантливый ботаник, дядя Тео – капитан баскетбольной команды, неизвестный мне мальчик – бунтарь и волонтер, и вот дядя Синамон – молодой пекарь, чьи булочки обожают до сих пор броквеновцы. Даже когда каждый пошел своей дорогой, они не разорвали дружбу, а лишь укрепили; дядя Тео стал крестным дочери Синамона, папа – дочери Тео, а Синамон в свою очередь моим. Только о том бунтаре ничего неизвестно с тех пор как «Крутые мальчишки» отметили его восемнадцатилетие аж в 1989 году. Они рассказали, что он неожиданно уехал из Броквена в сентябре и так и не вернулся...

Так, о крестном. Я вспомнила, как почти каждый день заходила перед школой к дяде Синамону, чтобы пообщаться о том о сем, рассказать о делах семьи, пожаловаться на кучу домашнего задания, а он потом давал что-то из своего булочного ассортимента, звонко смеясь над моими рассказами...

Может, стоит зайти к дяде Синамону? Он точно тот, кому можно доверять и, возможно, именно он сможет дать мне ночлег. Хотя бы на два-три дня, потому что зарегистрироваться в местной гостинице придется сто ночей. А заодно от дяди Синамона и узнаю, что же творится в Броквене.

Я аккуратно встала с места, убирая телефон с наушниками в карман ветровки. Взяла рюкзак за ручку и трясущейся походкой начала проходить мимо остальных кресел и оставшихся людей. Вдруг автобус резко подпрыгнул, и я, тихо ойкнув, пошатнулась, но продолжила путь до водителя.

— Эм, извините, — взявшись рукой за спинку свободного кресла, я окликнула водилу. Мужчина сплюнул в окно, поморщился и неохотно кивнул в мою сторону.

— Да?

Я прикусила щеку.

— Э, можно остановить на Хосприл-стрит, около фонтанов? — Да, в Броквене даже названия улиц странные. От каких слов их вообще образовывали?

Водитель схематично оглядел дорогу, сжал пальцами руль, а затем вновь кивнул:

— Можно.

Он резко повернул в противоположную сторону, и меня вновь шатнуло вместе с автобусом. Водитель, заметьте, даже не повёл бровями. Ох уж эти броквеновские водилы, ни о ком не заботятся!

Проехав еще несколько улиц со светскими домами, автобус выехал на небольшой проспект с каменными дорожками. Шли люди, как всегда погруженные в свои мысли и призраки, которые... очень даже себя спокойно вели. Они плыли мимо горожан, сквозь дома и фонари,

лязгая цепями и прожигая пустым взглядом сгущающийся с гор и ветвей елей туман. Не пойму, что с ними было не так? Как работала эта их агрессия, о которой говорили в новостях?

— Выходите, девушка!

Я вздрогнула, услышав недовольный вскрик водителя. Пару раз моргнув, увидела, как распахнулись двери, выпуская магические потоки наружу. Ничего не сказав, я пулей выскочила из автобуса на остановку, чуть не споткнувшись о поребрик.

Оказавшись на родных улицах, бирюзовые волны поплыли в разные стороны, оплетая дома и электростанции. Магия будто изучала вновь этот город, сливаясь с аномальной аурой. Она изучала и призраков, но они все лишь окинули меня мутным и непонятым взглядом. «Вернулась наконец таки» — такие слова я прочитала в мертвых глазах заблудших душ.

Броквен в реальности выглядел еще загадочней, чем за стеклом. Небо было пасмурным; несколько лучиков света хотели вырваться из западни, но темно-серые облака снова и снова закрывали их собой. В местностях, где находились холмы и леса, небосвод становился и вовсе темней и отчужденней. Создавалось ощущение, что собирался дождь. Воздух здесь был спертый, от него отдавало сыростью и чем-то кисло-сладким — он словно впитал в себя яд. Зелено-голубая дымка делала асфальт мокрым, от него пахло озером, *тем самым* озером. Издали шёл густой туман, небольшие клубы его уже оседали на крышах и деревьях.

Вот вроде бы Броквен и остался таким, каким был всегда, только туман сгустился, да воздух стал несвежий... Но его полностью выдавала *атмосфера*. От нее у меня бежали противные мурашки, а глаза безостановочно слезились. Жуткая и оттого непонятная, атмосфера повисла на кандалах призраков — ее на них больше всего. Атмосфера была настолько явной, что ее даже мог почувствовать человек без дара. Но люди... Эти странные горожане словно ничего не замечали и не чувствовали на своих шкурах. Все так же куда-то торопились, гуляли и общались, правда, с кислыми лицами и побледневшей кожей. Страшно.

Так, я сюда приехала для того, чтобы дрожать от через чур странного Броквена? Ха, не дождётесь!

Поправив рюкзак и вдохнув полной грудью сырого воздуха, я, перешагивая маленькие заплесневелые камушки на дорогах, уверенно поковыляла к дяде Синамону.

Найдя знакомый переулок с домами из красного кирпича, пошла по гладкому, чуть шершавому асфальту. В этом изысканно-мрачном переулке так ничего и не поменялось за исключением парочки согнутых фонарей и тоненьких трещин на вывесках местных магазинов. Множество лавочек со всяким антикварным товаром так и работали в полной мере. Дорогие фарфоровые чайные сервизы, вычурные кальяны, цветочная мебель и кружевные блузки на слегка испачканных витринах пробуждали в моем животе бабочек, что ли?.. В отражениях витрин я видела маленькую себя, бегущую вместе с нежно улыбающимися мне призраками в школу. Я давно не была на этой улице, и сейчас призраки, провожающие взглядом мою шатающуюся фигуру, магазины и пасмурное небо даже притягивали, соблазняли остаться и отдаться в объятия города детства.

Туман где-то там далеко-далеко уже покрыл центр Броквена.

Я встряхнула головой, заставив хищных душ отвлечься. Ох, не нравился мне этот туман...

Я вышла в центр Хосприл-стрит, где находился один из городских торговых центров, кафе и пекарни. Прямо по курсу увидела булочную дяди Синамона. В нос тут же ударил сладкий аромат пышных сдоб, а лаковая чёрная вывеска с надписью «Булочки у Синамона» на секунду ослепила. Подойдя к прозрачной двери, я, вздохнув от сдавливающего сердце чувства ностальгии, зазвенела дверным колокольчиком.

Зашла в небольшое помещение, выполненное в темных и светлых коричневых тонах. Вокруг стояло несколько столиков из белого дерева с крутыми стульями, макушку нагревали

приглушённые лампы округлой формы. Тихая старинная музыка доносилась из маленького радио, что стояло на булочной стойке, как я раньше называла. А обилие свежей, нежной, политой карамельным сиропом выпечки притягивало взгляд. Я прикусила губу в желании похрустеть горячей хлебной корочкой.

К счастью, несколько молодых людей закончили трапезу, и уже надевали пальто и ветровки. Я быстренько юркнула к стойке, уселась за высокий чёрный стул, начиная прислушиваться к каждому звуку. А вот когда ребята покинули пекарню, осмелилась позвать хозяина заведения:

— Дядь Синамон!

За дверью на кухню послышалось глухое шуршание. Чтобы докричаться до конца, я позвала ещё раз:

— Дядя Синамон!

Еще мгновение, и дверь отворилась. Озадаченно оглядываясь, вышел высокий, с небольшим животом, мужчина. Смуглая кожа блестела при бархатном свете, темные как молочный шоколад волосы слегка разлохматились, в карих глазах отражались булочки, а белая рубашка вместе с коричневым фартуком помялись. Дядя Синамон тоже так и не поменялся за эти шесть лет!

Как только он столкнулся со мной взглядом, то замер на месте, разинув рот.

— Да ладно... – Синамон медленно стянул с головы миниатюрный колпак. Даже краешки густых усов чуть опустились.

Дядя Синамон все с тем же раскрытым ртом сел за стул и положил шершавые локти на стол. Он оглядел меня и затем расплылся в родной улыбке, которую даровал каждое утро.

— Гостлен, ты?..

— Ага, она самая, — подмигнула я. Смешок вырвался сам собой. — Привет, дядь Синамон.

Синамон улыбнулся еще шире, посмеиваясь и часто хлопая глазами. За дверью на улицу послышались лязги цепей, и я тут же окунулась в воспоминания детства. Казалось, будто сейчас будучи второклассницей сижу за прилавком доброго дяди и жду булочки, ругаясь писклявым голоском на шум от заблудших душ. По сверкающим глазам дяди Синамона было видно, что он также вспоминал те беззаботные времена.

— Боже мой, Елена, как я давно тебя не видел! – вскрикнул он и крепко обнял меня, нагнувшись через прилавок. Я же охотно обняла Синамона в ответ, понимая, что он – единственный лучик света в этой броквеновской пасмурности.

— А ты все такой же веселый и молодой, дядя Синамон! Меня это радует!

Дядя Синамон усмехнулся, показательно накручивая на палец усы.

— А ты как думала, для покупательниц я должен быть даже бессмертным!

Я активно закивала, бросая рюкзак на кафельный коричневый пол.

— Да ты выглядишь на все двадцать пять!

Дядя Синамон сдул хлебные крошки и корицу со своего помятого фартука, посмеиваясь, а затем хитро повёл бровями, взглядом указывая на прилавки с множеством горячей выпечки. У меня вмиг скопилась слюна во рту.

— Ну, долгожданное возвращение самой Елены Гостлен надо обязательно отметить парой улиток с ягодами! – Заметив мой голодный взгляд, дядя надел перчатки и взял лопатку, чтобы наложить мне выпечки. Вот за что я любила дядю Синамона, так это за то, что он понимал посетителей с полуслова! Он прямо в этих делах был профессионал!

— Спасибо, дядя Синамон, – тепло произнесла я. – Ты всегда знаешь, чего я хочу...

От улыбки у него появились морщинки. Синамон бережно наложил булочки, приправив кленовым сиропом со стойки, и пододвинул мне, делая жест «вуаля». Под лязг, шум городских ветров и заунывный шепот призраков я полностью отдалась ностальгическим чувствам,

вновь привыкая к обстановке Броквена. И ни одна заблудшая душа уже не казалась мне подозрительной. Может, ужас Броквена – всего лишь шумиха в новостях? Кажется, тут ничего не поменялось, кроме слишком густого наступающего тумана и обезображенных зданий.

— Кофе будешь? — спросил весело дядя Синамон, включая кофе-машину.

Я облизала обсохшие губы.

— Ванильный капучино есть? Или в Броквене он вышел из моды за шесть-то лет?

Синамон потянулся за сливками.

— Ещё чего! В моей пекарне ванильный капучино будет жить вечно!

— Тогда давайте бахнем капучино! — Я стукнула по столу, представляя на своих губах вкусную ванильную пенку.

Дядя Синамон налил мне фирменный кофе и, когда снова сел за стойку, мы начали оживленно общаться на все возможные темы. Я рассказывала ему о жизни в Дарли, о своих новых друзьях; поведывала о красотах, о том, какие там всегда цветущие деревья и холмы. И, конечно же, рассказала о белых сверкающих душах, которых провожала на Круговорот Того Света каждые девять дней. Дядя внимательно меня слушал, улавливал каждую деталь и удивлялся тому, что происходило в Дарли. Его приятно поразил рассказ о Цветущей горе и желтых звездах. Думаю, он был искренне рад за меня, за то, какая спокойная жизнь у меня сложилась после переезда...

Но дядя Синамон ничего не рассказывал про Броквен. Абсолютно ничего. Я так была увлечена рассказами о Дарли, что совсем не заметила этого. Синамон только слушал меня и хлюпал кофе, чья пенка стекала по усам.

Так, я же тут не булок поесть пришла, а по делу. Надо спросить...

— Елена, а в Броквене ты че забыла-то? — он поднял взгляд на меня, изогнув бровь.

О, как раз.

— Та... Тут по новостям увидела, что в Броквене-то беспокойно последний год, — я, опустив задумчиво голову, принялась помешивать ложкой кофе, всматриваясь в гущу. — Аварии на пустом месте, здания и прочие достопримечательности сами собой рушатся, гравитация пропадает... Призраки что-то у вас взбунтовались не на шутку. Я приехала сюда, чтобы разобраться со всеми этими аномалиями.

Дядя Синамон чуть не подавился кофе, выпучив глаза. Он хотел что-то сказать, но вдруг на улице послышался резкий грохот. Пол под нами задрожал, а с потолка посыпалась штукатурка. Послышался нечеловеческий гул, проклятый кисло-сладкий смрад защипал ноздри. Пот побежал по вискам, к горлу подкатила тошнота. Кофе вмиг стал каким-то пресным.

— Дядя Синамон, это что?... — только и смогла прохрипеть я.

Синамон сначала часто задышал, испуганно смотря на меня и привставая. Но потом спустя несколько мгновений... успокоился?! Да, он выдохнул, сложил руки замком и спокойно уселся на место, хотя сейчас происходило что-то явно беспокойное. Синамон уже не трясся, а только растеряно глядел на меня. Я правда не понимала, куда пропал весь его испуг...

Дядя поставил свою чашку на прилавок, поправляя колпак.

— Ты о чем, Елена?

Меня будто молнией прошибло.

— Земля трясется и что-то грохается на улице! Ты разве не чувствуешь? — мой голос жалко задрожал, становясь похожим на скулеж.

Дядя Синамон нахмурил брови и скрутил губы в трубочку.

— Какая земля трясется? Ничего не трясется и не грохает, — затем он пожал плечами.
— Тебе просто кажется.

И тут я выпала из транса. Все вокруг словно поменялось, исказилось, стало безумно чужим и пугающим. Я почувствовала ту самую напряженность, которую чувствовала в детстве.

Лязг цепей давил на уши, в то время как Синамон прожигал мою паникующую фигуру своим до одури спокойным и холодным взглядом.

— Дядь Синамон, ты чего?..

— *Кажется, Елена,* — молвил он монотонно, — *тебе все кажется.*

Не в силах больше сидеть в этой похолодевшей и пропитавшейся ужасом пекарне, я быстро накинула рюкзак на плечо, бросила ложку и, в последний раз взглянув в спокойные, но с еле видной ноткой тревоги глаза дяди Синамона, выбежала на улицу.

Когда, чуть не споткнувшись о порог, выскочила из пекарни, мое сердце ушло в пятки окончательно. Хосприл-стрит полностью окутал густой белый мутный туман. Города почти не было видно, только очертания домов и зловещих электростанций мелькали в клубах. Но я четко видела множество призраков с кандалами. Их взгляды были устремлены только в мою сторону, хотя пробегало еще куча людей; призраки смотрели на меня со злостью и презрением, оскалив острые зубы. Тела их покрылись плесневелого цвета пятнами, отросли когти на руках, и цепи безостановочно звенели, создавая гул.

Я, не сумев вдохнуть, побежала сломя голову по каменным дорогам.

Но вдруг мои ноги резко оторвались от земли. Камни, фонари, машины и остальные горожане поднялись в воздух. Вся улица принялась парить, начался полнейший беспредел, сопровождаемый какофонией из криков и заунывного воя призраков, что синхронно размахивали руками. Они собрались в цепочку, каким-то образом поднимая все в воздух. Меня особенно мотало из стороны в сторону, то резко поднимая выше, то ниже, почти что у земли. Туман озабоченно оплетал мое тело, но магические волны отчаянно боролись с ним, не давая забрать куда-то в неизвестность. Под взгляды пустых глаз и гневный вой я вместе с магией выбивалась из хищного тумана. Но в этом гуле слышался голос, что ослаблял мой разум...

«Елена–а–а...»

«Гостле–е–ен...»

«Иди сюда–а–а...»

Тело становилось ватным, руки и ноги не слушались, и пока я с пеленой на глазах из последних сил старалась освободиться, увидела, как в мою сторону летел призрак с разинутым ртом, держа в руке заостренный клинок. Сгнившие персики...

— Ох, божечки, берегитесь!

В последний момент меня кто-то резко поднял и полетел в сторону, прямо на газон. Я и мой спаситель в потрепанной белой рубашке и темной жилетке неожиданно упали, ударившись головой.

Перед тем как отключиться, я увидела в тумане чье-то знакомое голубое лицо с белыми длинными волосами.

Глава 4. Эйдан Тайлер

Я почти ничего не чувствовала кроме навязчивого запаха горелого электричества. В голове точно гуляли сотни помех, а в темноте из блеклых выцветших пятен вырисовывался тот облик, который успела разглядеть в тумане при падении. Эти белые волосы и мягкие черты лица в бреду казались до боли знакомыми... Словно я где-то уже видела этот лик.

— Эй, просыпайтесь!..

В помехах послышался чей-то обрывистый голос. Он отдавался в ушах сладким юношеством, но и одновременно мужской твердостью и явным волнением. Затем ощутила легкое покалывание в области похолодевших щек. Не трудно было догадаться, что это пощечины, причем слабые. Но касания горячих ладоней отлично так приводили меня в чувства. Ноздри защекотала и магия семейной реликвии, пытаюсь вместе с голосом разбудить. Спустя еще парочку слабеньких ударов я ощутила колючесть городского газона.

— Ну же, вы сможете!

Еще одна пощечина оказалась финальной. Я резко и шумно вздохнула, приподнимаясь на локтях, и тут же столкнулась лбами с человеком.

— Ай!

Я открыла глаза. Надо мной плыли по светло-серому небосводу все те же непонятные голубовато-белесые облака, время от времени отделяясь друг от друга. Тумана уже не было, он снова скопился где-то в горах и лесах, и теперь лишь сгустки дымки огибали городские дома. Все так же лилась вода из каменного фонтана, стоявшего на месте, гуляли спокойно люди, торговая жизнь на Хосприл-стрит вновь закипела. И призраки. Они опять медленно разгуливали по старинной улице, мутными глазами оглядывая все вокруг, томно вздыхая и лязгая цепями. Исчезли зеленоватые пятна на телах, рты вернулись в прежнее положение, пропала та безумная злоба во взгляде. Будто ничего и не случилось только что. Словно это была моя глобальная галлюцинация или страшный сон.

Я не верила. Не могла поверить в то, что этого инцидента не было. Все, черт возьми, осталось таким же! Как, если я только что в прямом смысле парила в воздухе, видела цепь из шатающихся призраков с разинутыми пустыми ртами и слышала крики остальных бедолаг?! Этого просто не могло быть!

— Вы в порядке, мисс? — Впереди послышался тот самый голос.

Я повернулась к источнику, от непонимания жадно глотая ртом сырой спертый воздух. Передо мной полулежа расположился юноша, неуверенно протягивая руку; каштановые пряди, причесанные кверху, еле развевались на ветру, также как и рукава белой размахайки, а черная жилетка с золотыми пуговицами оказалась небрежно расстегнута. Руки аж зачесались застегнуть ее обратно. Но по темным, почти черным глазам было видно, что мальчика волновали явно не расстегнутые дорогие пуговицы, а я. От не успокоившегося чувства тревоги и паники выглядела не очень; прическа растрепалась, лицо стало похоже на мел, а зрачки ненормально сузились. Это увидела в отражении очей парниши. Вот это меня, конечно...

— Физически – да, а вот морально – нет, — скомкано бросила я, подавая незнакомцу дрожащую ладонь.

— Понимаю, — юноша глубоко вздохнул, затем улыбнулся уголками губ, помогая мне встать. — Приезжие обычно от таких спектаклей залетают в городской дурдом!

Отряхивая джинсы от пыли и натягивая рюкзак на плечи, я невольно спросила:

— Это ты спас меня?

Незнакомец пару раз моргнул, перестав отряхиваться, а потом с улыбкой кивнул:

— Агась! На вас собирались напасть, я подоспел в последний миг, считай!

Начиная не спеша идти по плесневелым дорогам от греха подальше с Хосприл-стрит, я вздрогнула от его фразы. Погодите-ка!

— Как ты смог понять, что на меня собирались напасть?.. — обернулась я, вопросительно изогнув бровь.

Юноша поспешил за мной, начал идти вровень. Его пробило на нервный короткий смешок.

— Призраки, оказывается, создают видимые колебания в тумане, когда двигаются, — он завел руки за спину, пиная камушек на дороге. — Мы - горожане Броквена уже начали различать такие колебания. За полтора года научились.

Мы вышли за пределы переулка на проезжую часть; здесь проезжало большое обилие транспорта, а здания были этажом выше, с опадающими кусками бежевой штукатурки. Небо вдалеке светлело, мерцало белым, освещая горы. По проводам электрических столбов бежали рвано синие искры, от одному к другому. Магические волны оплетали каждый столб, осыпая блестящей пылью. Все звуки смешались воедино, слились друг с другом: звон магазинных колокольчиков, и бибикающие автомобили, и треск искр столбов...

Я не знала, куда шла. Мне просто хотелось быть подальше от этого места, тревога уже билась о язычок. А эти чертовы призраки сопровождали нас с мальчишкой взглядами, своими пустыми холодными взглядами! Теперь я знала, что они только притворялись нормальными, чтобы потом сделать какой-нибудь паранормальный выпад! Но почему горожане этого в упор не замечали?! Сначала орали как резанные от страха, а потом как попугаи все повторяли «Тебе кажется то, тебе кажется се»! Даже этот юноша выглядел невозмутимым, а надо было бы!

Но все же он меня спас, поэтому я, состроив абсолютное спокойствие, поблагодарила:

— Спасибо, что спас. Если б не ты, тот сумасшедший уже давно перерезал бы мне глотку, — я даже улыбнулась, но ветер испортил все дело, прилепив светло-рыжие пряди к губам.

— Ага, пожа... Стой-ка, стой-ка, стой-ка! — он резко остановился, ошарашено оглядывая меня. Приоткрыл рот, расставил врозь ноги и растопырил пальцы. Расстегнулась еще одна пуговица.

Ой. Любила же я всегда ляпать, не думая.

— Откуда ты знаешь, что призрак был с ножом?! — его темные глаза забежали туда-сюда по моей фигуре.

Потерла затылок, опираясь о шершавое покрытие какого-то здания. Затем произвольно нервно прыснула, опустив взгляд на мимо проползающих дождевых червей. К моему дару ведь даже оправдание нельзя было придумать, не спишешь все на ветер!

— А-а еще видела его трупные пятна, разинутую пасть и злющий-презлющий взгляд... - я состроила глупую улыбку, смущенно переводя взгляд на незнакомца.

Он же вцепился пальцами в свои пряди, часто и шумно дыша. Казалось, что юноша вот-вот задохнется. Мои бирюзовые волны принялись озадаченно оплетать его тело. Слава Богу, что мальчишка людей не смущал. Конечно, раз уж страшные призраки не стоили их внимания, то он и подавно.

— Не может быть, — пробормотал незнакомец. — Души никто не может видеть в нашей стране, кроме... — он сделал мелкую паузу, затем выдохнул: — Гостленов, древнего рода с редким даром, который передавался женщинам испокон веков!

Ого, какой начитанный паренек!

— Ээ, правильно, — я скривилась в смущении, протягивая руки к нему. Ситуация крайне неловкая оказалась. — Парень, успокаивайся давай...

Но он внезапно поднял голову, смотря безумными и удивленными глазами на меня. У него готова была челюсть отвалиться. Я испугалась, инстинктивно отпрянув.

— Ты, ты...

— Я, я? — часто заморгала.

— Ты Гостлен?!

От такого вскрика на всю улицу я даже подпрыгнула. Призраки медленно повернули головы, смотря на нас с пацаном.

Но потом я прошептала застенчиво:

— Ну, типа Гостлен...

Он точно засветился, ослепляя своим сиянием заблудших душ. Глаза расширились, коричневые веснушки стали казаться звездами, а улыбка растянулась до ушей. Юноша весь покраснел, начиная легонько подпрыгивать.

— О Боже, Боже, Боже! — он принялся размахивать руками, дыша как счастливая собака. — Лопнувшие чипсы, это правда ты! Я нашел тебя!

Я сначала непонимающе улыбнулась, чуть хмуря брови. Он что, мой фанат?!

— Я Эйдан Тайлер! Для друзей просто Эйд! - отдышавшись, мальчишка протянул руку вновь.

Но потом я тоже потянула руку в ответ и пожала, посмеиваясь:

— Елена Гостлен. Приятно познакомиться, Эйдан.

Эйдан нехотя отпрянул, еще раз осматривая меня. С его угольного лица все не спадала улыбка, а в глазах отражалась я, смущенная и хрустящая пальцами. Жутко нелепо выглядела...

— Поверить не могу, — выдохнул он, — ты приехала! Ты вернулась в нашу глухомань! Я, наконец, смогу с тобой поговорить!

Где-то в душе загорелся спичкой огонек надежды; ладони вспотели, рот наполнился слюной, а глаза ощутимо забегали. Раз уж этот парень знал про Гостленов, то, может, и о поведении призраков наслышан!

— Только не говори, что мне весь этот инцидент показался, — просипела я, беря Тайлера за плечи.

Оглядевшись по сторонам, он, оплетя мои запястья, шепотом заявил:

— Ты удивишься, но я так не скажу. Тебе ничего не показалось так же, как и всем остальным в этом городе.

По позвоночнику пробежали мурашки, сердце трепетно забухало с новой силой. Магические волны дрогнули.

— И ты понимаешь, что за чертовщина тут творится? — я продолжала настойчиво хрипеть.

— Даже больше, — Эйдан подмигнул, загадочно улыбаясь. — Я веду расследование над этой чертовщиной уже год с момента ее наступления.

Я резко набрала воздуха в легкие, осматривая призраков, что замерли на месте. Они будто подслушивали наш разговор.

— Что они делают?.. — заметив мой косой взгляд, поинтересовался Тайлер.

— Стоят на месте, — коротко отрезала я, боясь сделать лишний вздох. Теперь души Броквена пугали еще больше.

Эйдан опустил мои руки вниз, снова оглядываясь по сторонам. Он словно тоже видел их, чувствовал чужое присутствие. Улыбка пропала, промелькнула тень напряжения. Тайлер посмотрел мне в глаза.

— Я проживаю в «Солнечном зайчике», — промолвил прямо он. — Там работает и живет моя крестная. Прошу, пойдем со мной, Елена. Возможно, мы с тобой вместе сможем, наконец, разгадать тайну Броквена, сможем отпустить призраков Туда.

Я взглянула на Эйдана, затем тяжело слотнула. Казалось, что он был тем, кому можно доверять, но... Вдруг это снова фокусы Броквена? Походу я начинала верить и бояться, что мне все кажется в этой чертовой глубинке с непонятной аномалией...

А вдруг он все же не лгал?.. Мама учила никогда не оставаться одной. Я бы не была здесь одна, если пошла бы за Эйданом. Мы бы смогли подружиться и объединиться и спасти Броквен от аномалии. Вместе с этим парнишей я бы не боялась встретиться с ней. Мы бы ее нашли, обязательно нашли. Может, проживая в Броквене, она что-то узнала?

Вопросов было много, а найти на них ответы я могла бы, только согласившись на предложение единственного человека в этом городе, кто посмел капнуть глубже. И, наконец, догадалась, что в спасении мне действительно будет нужен тот, с кем можно пройти любое препятствие. Отказаться же можно всегда, верно?

— Я могу тебе доверять? — неуверенно спросила я.

Эйдан спокойно кивнул, прикладывая ладонь к сердцу.

— Да, крестом клянусь. Я понимаю и знаю, что в Броквене что-то нечисто уже много лет, я готов пойти на все, чтобы разгадать его загадки, Елена. Тем более мне есть, кого спасти... — эту фразу он вновь прошептал.

По задумчивому взгляду и быстро бьющемуся сердцу можно было понять, что Эйдан не врал. Фух, ну, была не была!

— Тогда погнали в приют, — кивнула я открыто и дружелюбно. Тревога убавилась. — Заодно расскажешь, почему у вас тут все с ума посходили.

— Заметано.

Мы тихо и неторопливо шагали на Чайлхуд-стрит, где находился детский приют под названием «Солнечный зайчик». Путь к нему пролегал через пару тройку улиц, неподалеку от частного сектора. Относительно недалеко.

Я прошла мимо бабульки, что торговала засохшими травами прямо посреди входа в очередной переулок. Ее взгляд холодных серых очей был направлен в пустоту, лицо сморщилось в странных эмоциях. Казалось, она тоже наблюдала за призраками, которые безмятежно плыли меж нитей с бельем. Краем глаза посматривая на мутную горожанку, я, наконец, спросила:

- Так что же произошло с Броквеном?

Эйдан начал хрустеть пальцами, опасливо оглядываясь по сторонам. Хотя и был готов к таким расспросам, он заметно взволновался.

— Сейчас расскажу, только можешь быть потише? — аккуратно попросил Тайлер, давая мне пойти впереди и указывая на полицейские «Шевроле». — Видишь, там копы дежурят. Нужно подстроиться под быт города и быть предельно тихими.

— Да что у вас тут такое? — недоуменно поинтересовалась я, оборачиваясь к нему; Эйдан цепко держал меня за плечо, стремительно ведя по тротуару.

— Теперь в Броквене не принято так голосить о здешней мистике, — пояснил он. — За лишнее балаболство о состоянии города при *них* легавые отсечь голову могут. Мэр очень боится гнева призраков.

Ничего себе правила нарисовались!

— Нехило... Такой шепот пойдет? — икнула я, став максимально тихо говорить. Все-таки не хотелось шутить с новыми законами.

— Точно мышка, отлично! - прыснул Эйдан. Но затем глубоко вздохнул, поправил воротник размахайки и вполголоса начал: — Короче, призраки в Броквене дали знать о себе еще задолго до того как мы попали в новости страны, и к нам стало ездить куча священников и экстрасенсов. Эта чертовщина началась полтора года назад после того как наше озеро волшебным образом полилось ручейками к центру города.

— Озеро Бэдайнилэйкер? — на одном выдохе спросила я.

— Да, — согласился он. — Вот после его странного прилива броквеновские туманы сошли с ума. Они стали густыми, белыми, как молоко, и по сей день в определенное время покрывают Броквен. Именно в этих туманах горожане впервые слышали лязг цепей призраков и уловили их колебания... А потом те начали потихоньку проявлять себя. Ну, к примеру, царапали дома, ломали ветки деревьев, топтали клумбы. Короче, хулиганили чутка. Но как только в тумане начал слышится рев, на холме с Ивой послышался жуткий вой, и стали происходить невидимые аварии и прочие недуги, жители впервые всерьез забеспокоились; ложился спать весь город рано, в это время отпевали на кладбище и так давно усопших. Так было каждый день, заунывные мелодии с кладбища не прекращались, храмы до краев заполнились людьми, которые ставили множество свечей за упокой. За это время мы с крестной побывали там, наверное, больше ста раз. Броквен напрягся, каждый поминал усопших вечным добрым словом и просил прощения. Но, как видишь, это не помогло. Аномалии участились и ужесточились, не давая нам спокойно жить. Пропадающая гравитация, гниющая заживо природа, нападки разгневанных мертвецов — это угнетает. Представь, каково осознавать, что в любой момент в окно может прилететь кирпич, вырванный призраками с твоего же дома!

Эйдан хотел вскрикнуть, но лишь неразборчиво крикнул, прикрыв рот рукой. Потом рвано продолжил:

— Короче, ты поняла весь ужас... Мы поняли, что оказались в опасной ловушке. Призраки взяли нас в такой плен, что теперь из Броквена не то что не всегда получается уехать, а вообще нельзя!

— Что, вот прямо никак? — боязливо переспросила я.

— Да, представляешь?! — Тайлер активно зажестичулировал, но все еще шептал. — Пешком пойдешь, на машине поезжай, да хоть на ковре-самолете полети — все равно возвратишься в этот дурацкий Броквен, точно один из скованных мертвых! Все уже запутались, напугались... Поняв, что оказались бессильны против гнета призраков, горожане начали тщательно скрывать свой страх. Мы перестали обращать внимание на аномалии, потакая мертвецам, лишь бы они меньше нас трогали. Спустя всего несколько жалких месяцев броквеновцы совсем подчинились им... Считай, фраза «Тебе кажется» — девиз Броквена, — он удрученно вздохнул. — Призраки у нас в выигрышном положении — невидимы, непобедимы, водят за нос всех и вся в городе. Но недавно администрация не удержалась и придала огласке нашу ситуацию в надежде на то, что хоть кто-то поможет. Ну, что ж, Броквену так никто и не помог, а призраки в край очумели, — под конец Эйдан хлопнул в ладоши и распахнул в стороны, показывая мне вид города. — Вуаля!

Я шумно сглотнула, щурясь от комка в горле. Руки легонько подрагивали, как и обветренные губы. Голова кипела, вообще ничего не сходилась. Не понимала, с какого это фиго призраки решили устроить такой погром; почему из Броквена нельзя было уехать, почему они никого не отпускали?! Они хотели измучить и напугать жителей до смерти и забрать вместе с собой в пучину вечного заточения? Какая муха им посоветовала начать качать свои права? Какая причина гнева, в конце концов?! Вот это я удачно заехала!

— Удивлена? — спросил Эйдан, усмешливо вздернув брови.

— Слабо сказано, — нервно хихикнула я, заправляя прядь волос за ухо. В горле пересохло, а в глазах рябило от голубых силуэтов призраков. — У меня голова от шока раскалывается.

— Это да... — понимающе поддакнул Тайлер, но затем сжал руки в кулаки и твердо проговорил, заглянув мне в глаза: — Я устал бояться, Елена. Я хочу уже, наконец, разобраться со всеми аномалиями раз и навсегда... Можно сказать, Броквен, освободившийся от бремени заблудших душ — моя влажная фантазия.

— Я хочу этого с самого детства, — мою грудь вдруг сдавило чувство тоски. — Знаешь, больно видеть душ, которые не могут освободиться, у которых пустые взгляды и эти ржавые кандалы. Представляешь, как они им уже надоели?

— Страшно представить, но я понимаю, о чем ты говоришь... — покачал головой Эйдан. — Ой, смотри-ка, мы уже пришли!

Он указал на четырехэтажный солидный дом из красного кирпича, пластиковыми окнами и коричневой двускатной крышей. Над ней парили дымки горного тумана, и летали мандаринки. Возвышался черный забор с тонкими и аккуратными узорами, перед нами стелились дорожки из белого камня. Само здание было украшено свисающими ампельными бегониями с расцветшими красными бутонами. Сзади виднелась игровая площадка с множеством развлечений и белая узорчатая беседка со столиком и маленьким чайником. Да-а, «Солнечный зайчик» был одним из самых богато устроенных учреждений в городе, чего только стоил сам дом и большая площадка! Правда, продолговатые царапины на доме немного портили всю картину...

Я поерзала на месте, опуская взгляд на белокаменную дорожку. Эйдан, видно, почувствовал мою нерешительность и тотчас смело взял за руку, потащив за собой:

— Пошли, не бойся!

Ойкнув, я поспешила за ним, придерживая другой рукой рюкзак. Тайлер завел меня на крыльцо и, заправив рукав, позвонил в золотой звонок. За дверью послышался громкий свист,

который продолжался несколько секунд. Эйдан опустил кнопку и прислушался, также и я. Там слышались женские охи и задорные визги, что выкрикивали его имя:

— Эйдан, Эйдан пришёл!

— Тетушка Джей, это Эйдан!

— Да не бегите вперед меня, сейчас открою!

Только слышались шаги, Эйдан чуть отошел, а я присела на перила. Щелкнул замок, и настежь распахнулась массивная деревянная дверь. На пороге показалась высокая полноватая женщина лет сорока; черное длинное платье обтягивало пару складок на ребрах, белый фартук подчеркивал пышную грудь. Из-под белесой косынки проглядывали темные каштановые кудри, сверкали желтоватые очи, над накрашенными губами была маленькая родинка. Потом к Эйдану выбежали несколько ребятишек в комбинезонах и рубашечках. Они в прямом смысле чуть не повалили его на землю!

— Эйдан! — кричали дети. — Ты так долго, тетушка Джей уже хотела бить тревогу!

— Та живой я, живой! — Тайлер присел на одно колено, захватывая ребят обеими руками в объятия. — Вы от меня никуда не денетесь, шелупонь!

Тетушка Джей, как я поняла, потеряла жилистый лоб, обеспокоенно бубня:

— Какого дьявола вы даже не соизволили позвонить после всплеска, молодой человек? — затем, не обращая на меня на перилах, она подняла детей за шиворот и отодвинула от Эйдана.

Я куснула большой палец, умиленно наблюдая блестящие глазки детей при виде него; кажется, Тайлер заменял им старшего брата. Чувствовалось, что они его очень любили... Помнится, *ее* я когда-то тоже принимала за сестру.

— Справа стоит причина, тетя Джей, — подмигнул ей Эйдан.

Джей тут же повернулась в мою сторону, а за ней и ребятишки.

- Здравствуйте, - встретившись с вопросительными взглядами, я неловко улыбнулась, легонько махая кончиками пальцев.

— А ты еще кто?.. — спросила удивленно леди.

— Да, кто ты?! — поинтересовались следом ребята.

Я спрыгнула с перил, протягивая руку.

— Меня зовут Елена Гостлен, — потом дружелюбно улыбнулась, — я коренная жительница Броквена, из-за некоторых последствий переехавшая в другой город. Я вернулась, чтобы помочь решить...

Меня будто черт за язык укусил, как только вспомнила слова Эйдана о местном обете молчания.

— Не бойся, здесь за воротами уже можно говорить, — успокоил он, поправляя ворот рубашки.

И я робко продолжила:

- Я вернулась, чтобы помочь решить городские проблемы с призраками. То есть спасти его.

— Елена Гостлен? — переспросила женщина. — А не про тебя ли рассказывал Синамон Ролл из булочной на Хосприл? Это ты видишь призраков? - на лице ее промелькнула еле заметная тень надежды.

— Да, — подтвердила я. — Эйдан, ваш крестник, спас меня от одного такого очумевшего. Далее разговор завязался, он рассказал о Броквене, навел меня на важную мысль, а дальше пошло-поехало.

Эйдан показал большой палец вверх, мол, отличный пересказ. А женщина взглянула на него и приложила одну руку к груди, будто раздумывая о чем-то. Она вслушивалась в трески веток, внимательно рассматривала туман и пасмурное небо. Точно думала.

Но потом тетя Джей пожала мне руку. Она оставалась такой же спокойной, но теперь стал слышен трепетный стук сердца. В это время чуть колыхнулись ветви яблони, а двое призраков уселись в беседке.

— Джей Мидл, — отточила леди, слабо улыбаясь, — можно просто мисс Мидл.

Вдруг она и любопытные ребятишки вздрогнули, как только послышался надоедливый лязг цепей. Боже, как же мне их было жалко...

— Приятно познакомиться, - я пожала ее руку в ответ и одновременно попросила магию зашекотать детей, дабы отвлечь от жутких звуков.

— Бифштекс и печеный картофель еще горячие, — произнесла мягко она, маня внутрь. — Темнеет уже, я вас покормлю, дам тебе белье и ляжешь спать, а то наверняка устала с дороги. Прости уж, несколько оставшихся комнат на стерильном перерыве, так что тебе придется спать с кем-то. Эйд, примешь?

— Конечно, без проблем! — Эйдан активно закивал, ставя руки в боки.

Я была заворожена неожиданной щедростью. Мысль о том, что меня покормят и дадут ночлег, приятно грела душу. Тем более если спать с Эйданом, мне будет спокойно и не так страшно...

В Броквене я никогда не спала одна. В моей спальне всегда была либо мама, либо папа, либо ночник. Из-за ночных кошмаров, видений и легоньких стуков в окно мне было невыносимо жутко и неуютно. Но уж если спать в компании моего нового знакомого, думаю, будет не боязно. Несмотря на то, что я знала Эйдана от силы два часа, у меня появились к нему какое-никакое доверие. Он раскрыл все карты Броквена, так воодушевленно отзывался обо мне. Резво трепещущие вокруг Эйдана светло-бирюзовые волны подсказывали, что он отличался от остальных жителей смелостью и напористостью. Магия всегда становилась светлой около тех людей, которые в будущем становились мне близки. Брошь никогда не врал. И это успокаивало.

Мисс Мидл коротко кивнула в ответ.

— Заходите, ребят, а то сейчас *эти* опять мракобеситься начнут, не дай Бог.

Внутри «Солнечного зайчика» царила дивная домашняя атмосфера. Узорчатые ковры грели босые ноги, деревянные стены не давили на виски. Повсюду были развешаны маркерные, акварельные и карандашные рисунки детей, что чуть выцвели. Были и специальные стенды, на которых красовались подделки. За дверьми слышались возгласы, писк игрушек. Мисс Мидл и еще три труженицы наказали детишкам сидеть по своим комнатам, упомянув, что придут укладывать спать к девяти вечера. Ребята на удивление были послушными и воспитанными, даже не приставали ко мне, лишь рассматривали с любопытством. На каждой дверце детской висел пушок из ароматных зеленых трав, придавая больше уюта. Но все парадные входы в приют были закрыты на две щеколды, а каждое окно плотно зашторено. Наверное, чтобы призраки не пугали.

Меня приняли очень радушно, покормили отменным бифштексом и печеным картофелем; он таял на кончике языка, а мясо приятно обжигало небо. Пока ела, немного рассказала о своей жизни и даре, заверив, что скоро вся эта история закончится. Присутствующие сдержанно поблагодарили за помощь в делах города, хотя по глазам и дрожащим рукам можно было понять, что в душе они ликовали, только слыша фразу «Я помогу Броквену». Мне нравилось видеть эти горящие огнем надежды очи. Впервые за этот день незнакомые мне горожане оживленно ругали город при *них*, не говоря дурацкую фразу «Тебе кажется». Мисс Мидл и три няни томно вздыхали на рассказах о Дарли, а Эйдан с интересом расспрашивал о КТС. После ужина я сходила в душ, переоделась в пижаму и с врученным постельным бельем попелась в спальню Эйдана.

Дойдя до нужной двери, на которой вместо дверного пушка оказались колокольчики, я аккуратно постучала. Тайлер тут же открыл, удивленно охая:

— Ого, вот это тебе тетя Джей надавала добра!

Я усмехнулась, вручая ему постельное белье.

— На пол клади, сейчас стелить будем.

Вдобавок присвистнув, Эйдан принял белье и кинул на ламинат с пушистым белым ковром. Я же вошла за порог, осторожно закрывая дверь. Комната оказалась довольно просторной. С одной стороны стояла односпальная кровать, под которой лежали стопки различных книг, а с другой шкаф для одежды. В правом углу расположился прямоугольный стол, на котором были разбросаны тетрадки, учебники и прочие запыленные предметы (видимо, Эйдану нравился такой жуткий беспорядок на столе). На потолке висела люстра со свисающими планетами и звездами на веревочках. Комната пропахла яблочными свечами и старой бумагой. А из не зашторенного круглого окна шел лунный свет, сливаясь с мерцанием настольной лампы. Этот парень не соврал, он действительно не боялся призраков, раз оставлял окно в таком состоянии!

Не трата время на пустые разговоры, я и Эйдан принялись подготавливать мое спальное место, с первой минуты теряясь в пододеяльнике. Когда белое белье с розовыми цветами было постелено на небольшом матрасе, Тайлер плюхнулся на него.

— Я буду спать здесь, — проговорил он с улыбкой.

— Что? — опешила я, заплетая легкую косичку. — Я могу и на полу поспать, не концлагерь же!

Эйдан фыркнул.

— У меня постель негрязная.

Мне стало стыдно за то, что ему придется спать не на своем месте.

— Но, но, но...

— Мне. Не. Жалко. Елена. Спи. У меня. Точка.

Тайлер резко поднялся, поправляя челку. Наблюдая за рассеянной мной, он вытащил из шкафа синюю ветровку и зеленую толстовку с белыми цифрами сзади. Именно ее Эйдан кинул в меня.

— Эй!

— Пойдем, подышим воздухом перед сном, — он застегнул молнию на ветровке, перешагивая через место ночлега. — Люблю так делать.

— Апрель на дворе, какой тут подышать? — раздраженно простонала я, а сама принялась натягивать кофту. — Да и у меня волосы не до конца высохли...

— Конец апреля! И мокрыми остались только кончики! — поправил насмешливо Тайлер, открывая окно нараспашку и удобно садясь на пол маленького балкона. А потом он лукаво сузил глаза, ехидно цокая в мою сторону: — Может, ты просто призраков боишься?~

Я резко вдохнула, аж ноздри защипало. Нахмурила брови, надула губы и, укрывшись в толстовку, размашистыми шагами подошла к выходу из окна. Живот скрутило от высоты, - как-никак четвертый этаж, - но я все же присела.

- Нет, не боюсь, - ответила спокойно.

Тогда Эйдан вмиг сделался умиротворенным.

— Это хорошо, — он свесил ноги через черное ограждение и смежил веки. — Давай, глубоко вдохни и выдохни, закрой глаза и просто наслаждайся.

Переважив наставления Тайлера, я тоже свесила ноги через ограждение и положила дрожащие руки на крепкий бетонный пол. Медленно закрыла глаза, полной грудью вдохнула ночной городской воздух и в первую подумала о Цветущей горе. Мне хотелось думать, что именно там и находилась сейчас. Там, где было спокойно, шелестели листья одинокого деревца, и игрался с прядями ветер. И... получилось. Я полностью отдалась ощущениям, перестав слышать страшные звуки. Лязг превратился в пение сверчков, лунный свет приятно ласкал веки вместе с магическими волнами. Блаженство длилось достаточно долго, пока меня не окликнули:

— Елена.

Я распахнула очи, быстро поворачиваясь к Эйдану.

— Ай? — постепенно начала возвращаться в суровую реальность, поглядывая на черное небо.

Он прикусил губу, сжимая пальцами ограждение балкона.

— У меня тут вопрос созрел, — Тайлер смущенно хихикнул, не в силах смотреть мне в глаза. — А... почему ты все-таки переехала из Броквена в Дарли?

Сердце вдруг потяжелело, ноги занемели. Перед глазами пробежало все мое раннее детство, выступила влага при плачевных воспоминаниях. Я будто снова вернулась в тот роковой день и оттого еле смогла вдохнуть.

Эйдан даже вздрогнул.

— Ой, ладно, забе...

— Моя лучшая подруга погибла, когда мне было девять, — полушепотом начала я. — Родители сказали тогда, что она утонула по неосторожности. Мы были с ней не разлей вода с самых пеленок, вместе ходили в школу, гуляли по Броквену и даже изучали его. Разговаривали на самые разные темы, обсуждали то, что я вижу. Она всегда поддерживала меня, веселила, была мне как родная сестра, честно. Когда ее не стало, страшные видения посещали меня каждый час, в каком бы уголке Броквена я не находилась. Мне виделось, что она стоит у моей кровати и горько плачет, а потом... ах, даже вспоминать страшно. Мои родители приняли решение переехать в другой город, чтобы я не мучилась здесь. Я тогда сразу же согласилась, забыв про нашу с ней клятву — быть вместе и помогать друг другу всегда, что бы не случилось. Это первая причина, по которой я вернулась в Броквен спустя шесть лет - встретиться с ней и попросить прощения. Ее звали Филса Хьюстон.

Закончив, я прерывисто выдохнула, рьяно вытирая слезы, что катились по щекам. Внутри поселилась горечь, и в голове неустанно возникала маленькая могилка у ивы. *Ее могилка...*

Так, соберись, Елена!

— Мои соболезнования, — отозвался хрипло Эйдан, легонько хлопая меня по плечу.

Я только шмыгнула носом, потихоньку вновь становясь спокойной — обычно успокаивалась быстро. Тайлер немного помолчал, вдыхая запах яблонь. Повисла неловкая тишина.

— А у меня родители погибли, когда мне было пять, — вдруг заговорил он, поворачиваясь ко мне. — Полетели на самолете в Германию и разбились. Я остался с бабушкой, хорошей такой, очень доброй и бойкой. Она меня воспитывала в доброте и нежности до моих десяти лет, а потом... умерла от старости. Еще бабушка знала место захоронения родителей, как сказала мне тетя Джей, когда органы опеки отдали меня ей, как законной крестной. Я знаю, что бабушка все еще где-то скитается по Броквену и мучается. Я провел свое расследование в первую очередь для того, чтобы найти ее, крепко обнять и за все извиниться, а затем отпустить Туда, как чистую душу. Последним делом я бы узнал у нее место захоронения родителей и отправился туда, — Эйдан горько усмехнулся, — у них тоже надо попросить прощения.

Так вот, что он имел в виду, когда сказал, что ему есть, кого спасти!.. Мои губы задрожали. Смотря на поникшего друга, мне захотелось его обнять. Он так рано лишился своей семьи, так рано познал горесть потерь. Считай, Эйдан остался почти один в этом жестоком мире. Он так хотел встретиться с бабушкой и найти могилы родителей. Вот почему призраков Тайлер не боялся... Он надеялся, что среди них есть его бабушка.

Я пододвинулась ближе и все-таки обняла Эйдана так крепко, будто мы с ним были знакомы сотню лет. Он не заплакал, но охотно обнял меня в ответ.

— Мне жаль, Эйдан, — прошептала я, жмурясь от соленых слез. Впервые я так плачу от чужой потери.

Тайлер глубоко вздохнул, сжимая меня в объятиях. Кажется, я была первой, кому он решил вот так откровенно открыться.

— Ничего. Я уже смирился.

Несколько мгновений мы молчали, обнимаясь. Я тихонько хлюпала носом, а Эйдан просто смотрел на небо.

Но когда полностью успокоилась, Тайлер осторожно отпрянул.

— Давай я покажу тебе то, чего добился за эти полтора года, — промолвил он, — нужно торопиться, Елена.

Глава 5.

Навстречу неизвестному

Поток броквеновского ветра неожиданно окутал тело; заставил поморщиться, почувствовать в носу покалывание. Он был мерзким, через чур холодным и пробирающим. Я спрятала похолодевшие и покрасневшие пальцы в рукава Эйдановой толстовки и встряхнула головой, чтобы проклятые волосы не лезли в лицо.

— Это то расследование, о котором ты говорил днем? — вполголоса спросила я.

— Да, - Эйдан кивнул, также морщась от порыва ненавистного ветра. — Не хочу хвалиться, но оно просто немыслимо. Ты должна его увидеть и решить, как нам поступить дальше.

От захватывающего трепета через рот набрала воздуха в легкие. Зубы болезненно свело.

— Ну, тогда...

Вдруг центр обернулся черным пятном среди остальных уголков Броквена — там отключилось электричество. Добрая сотня старых зданий и домов, а также высоких фонарей вырубилась ни с того ни с сего. Затем на высоком холме с засохшей Ивой показалась искра, а за ней послышался тихий, но отчетливый вой в городской тишине. Голос был тяжелым, заунывным и монотонным. От него веяло тоской, необъяснимой тревогой и гробовой тяжестью. Содрогнулись от него деревья и земля, задрожала моя магия. Хотелось закрыть уши, зажмуриться, слиться с местностью, лишь бы не слышать этот вой. Голос давил на грудь, будто душил. За этим воем послышался тот самый тихий призрачный гул. Лязг цепей вновь заставил покрыться мурашками.

— Пошли-ка внутрь, — голос Эйдана отдался эхом в моей голове. Среди воя он казался просто блаженным ручейком, что заливал уши. Голос Боженьки!

Я подняла взгляд на Тайлера, который быстренько встал, поправляя пижамные штаны.

— Кто это так воет?..

Эйдан пустил бесшумный смешок. В глубоких карих глазах читался крошечный страх.

— Оно. По голосу не смахивает на призрака, но... Не знаю, может, это природное явление Броквена, а может... Жутко, правда?

Не в силах больше слышать гул и вой, поднялась, зарываясь носом в воротник толстовки. От нее пахло приятней, чем от сгущающегося тумана.

— Пошли, - бросила я глухо, - не могу его слушать, кем бы оно ни было, - и шагнула в комнату.

Тайлер, не медля, прошел за мной. Когда я оказалась в центре помещения, он захлопнул окно, поворачивая ручку вниз и плотно зашторивая. Затем Эйдан погасил настольную лампу так, чтобы свет ее падал не на окно, а на стену.

— Вот так, — он улыбнулся и повернулся ко мне, — теперь мы в безопасности. Хотя безопасностью я бы это не назвал, но что-то да есть безопасное. Короче, ты поняла!

— Поняла-поняла, — отмахнулась я, вешая зеленую толстовку на одну из деревянных вешалок.

Аномальный загробный вой уже не слышался за закрытым окном, но меня все еще потряхивало. Была твердая уверенность, что когда-то этот звук точно послышится мне в гуле ветра. Он запомнился надолго... Я поправила складки футболки, застегивая брошь на груди понадежней. Под впечатлением руки сами ее застегнули.

— Вот-вот, будь с ней осторожней, понадобится еще, — подмигнул Тайлер, слегка отодвигая кровать.

Я изогнула бровь.

— Ты про что?

— Про Призрачную брошь твою, семейную реликвию Гостленов, — ответил коротко Эйдан, плюхаясь на край кровати. Он даже это знал! Потом Тайлер нахмурил брови, надул губы и взглянул на меня абсолютно серьезно: — Елена, пообещай мне одно.

Я встала перед ним, скрещивая руки на груди. Сделала такой же серьезный вид, а волны притаились в уголках комнаты, более не смея играть с моими волосами и рукавами футболки.

- Что?

— Не сочти меня за сумасшедшего, - почти одними губами прошепел Эйдан.

Тут я не сдержалась и шумно прыснула:

— Меня саму за сумасшедшую считать можно, ты о чем, Эйдан?

В ответ он не посмеялся, а все так же тихо переспросил:

— Клянешься?

— Брошью клянусь, - снова важно надулась, указывая на реликвию.

Заскрипела противно кровать. Эйдан поднялся и подошел к стене, положив руки на большую белесую тряпку, что висела на двух мелких гвоздях (и как я сначала не заметила?). Зацепившись, он резко сорвал ее. На меня полетело облако пыли, и я безбожно громко расчихалась на всю комнату. Стараясь избавиться от пыли, рьяно замахала руками; несколько песчинок даже попали мне в глаза.

— Фу, Эйдан, где ты такое полотно пыльное нашел?! — недовольно сипела я.

От Эйдана послышался глубокий вздох и тихое «прости».

Открыла глаза, избавившись от последних песчинок. Увидев то, что висело на стене, я чуть не упала. Там находилось несколько бумажек, соединенных красной нитью. На всех было что-то неаккуратно, но ярко нарисовано и расписано; на одной бумажке красовались пять серебристых осколков, на другой – пять синих фигур, на третьей – рисунок озера и семи силуэтов, что собрались в разных сторонах, на четвертой было написано «Ночь Активации» и сверху знак вопроса... И на пятой – последней – нарисовались белеющие призрачные тела. Нить этого рисунка шла к большой бумажке с изображением некоего серебристого жезла Эйнари.

Я невольно открыла рот, вытирая костяшками пальцев капельки пота. В горле вмиг пересохло, а ноги подкосились. Даже уличный вой стал вообще не слышен. Я не могла поверить своим глазам. Что это за рисунки, Ночь Активации и жезл Эйнари?! Откуда это все взялось у Эйдана, и как он к этому пришел?!

— Ну как? — смущенно спросил Тайлер, теребя веревочки на штанах.

Я часто заморгала, пытаюсь вдохнуть хоть глоток воздуха.

— У меня только один вопрос.

— Слушаю.

—...Как ты обо всем этом узнал? - инстинктивно я указала на все бумаги и клейки. Рука неистово дрожала. - Никто даже не знает историю основания Броквена, а тут целая многовековая эпопея!

Эйдан облизнул губы. Из-под одной бумажки он вытащил вкладыш и аккуратно развернул. Я подошла ближе, рассматривая множество рисунков одного ромба, зеленых дыр и таких же искр, а также записи с кляксами, повествующих о каком-то незнакомом заклинании.

— Где ты нашел ее?... — в моем вопросе так и играли нотки недоверия. Нет, а вдруг Эйдан свято поверил в то, что данная бумага была подлинной?

— На том холме, с которого этот некто воет, — пояснил спокойно он. — После самого первого воя я осмелился сходить туда с друзьями, осмотреться. Мало ли, какой чудик это все устроил. Там приятели ничего не нашли, только мне повезло. В протоптанной кем-то яме я увидел кусочек этого чуда и раскопал. Друзьям ничего не сказал, тихо положив в карман. А когда прочитал все, что тут написано, меня и осенило. Я разложил все по полочкам и вот что получилось...

Удивление все еще не покидало меня. Я взглянула на Эйдана.

— А ты уверен, что...

— Что это не розыгрыш? — перебил он.

— Угу... - я принялась нервно сжимать и разжимать фаланги.

— Я тоже так впервые подумал, но потом удостоверился на все сто процентов. Смотри, — Тайлер принялся водить рукой по бумаге, — это все написано на пергаменте. Рисунки нарисованы сухой акварелью. Чернила растекались, потому что надписи были написаны стальным пером — неудачным изобретением ученых восемнадцатого века. А теперь посмотри сюда, — он указал на неровную надпись снизу. Меня от нее передернуло. — «Особенные призраки, 1730 год».

Вьющиеся потемневшие волны подсказывали, что мне стоило поверить в подлинность этого свитка. Эта надпись ввела в воспоминания, которых никогда и не было... Неизвестные мне призраки, расписывающие пергамент, стоящая среди них синеглазая женщина с пепельными волосами и Призрачная брошь, содрогающаяся от еле заметных зеленых линий в воздухе. Подобные несуществующие воспоминания и раньше всплывали в некоторых местах Броквена, но только сейчас я обратила на них особое внимание.

— Елена?

— Кислые персики, — выругалась я тихо, массируя виски, — ты нашел что-то невероятное!...

Я заметила, как щеки Эйдана поредели. Смущенно хохотнув, он убрал вкладыш за красную нить, а затем спросил:

— Могу перейти к самому главному?

— Да, да, пожалуйста, продолжай, — закивала я.

Тогда Тайлер мгновенно опустился на корточки, слегка отодвинул кровать, а за ней и стопки книг. Показалась в полу узкая деревянная дверца. Я прикусила щеку в ожидании; внутри огнем вспыхнуло возбуждение, в голове уже роилось куча предполагаемых планов. Эйдан тем временем дернул за ржавую ручку дверки и открыл ее. Вновь полетело облако пыли, но я юрко от него увернулась, желая увидеть то, что поблескивало среди половиц...

Там лежал серебряный тонкий длинный жезл. К концу он завивался, напоминая месяц, внутри которого проросли причудливые медные лучи. Они присоединились к большому бирюзовому камню, поблескивающему синими искрами. Он был выкован из той же руды, что и Призрачная брошь!

Волны принялись оплетать жезл, изучая. Я так и стояла с раскрытым ртом, ощущая, как живот тянул интерес. Так что же это получается, Эйдан сделал его сам?! И как он работал?!

- Чт... Что это?.. - промямлила я, часто моргая.

— Это жезл Эйнари, с помощью него я смогу увидеть призраков и... кое-что еще, - сказал Тайлер, доставая штуку. — Скажи, Елена, из чего сделана твоя реликвия?

— Аэ... Бирюзовая алмазная руда, - ответила я на выдохе, все еще пораженная увиденным, - волшебное ископаемое, вмещающее в себя магию всех прошлых, настоящих и последующих поколений Гостленов. Помню, бабушка говорила, что только благодаря этой руде в реликвии все Гостлены живы... Ведь наши тела не выдержали бы столько магии. А руда нам помогает ее накапливать без всякого вреда, - потом на секунду запнулась. - А где ты взял это ископаемое? Оно ведь очень редкое.

— Продали по дешевке, — заверил Эйдан, а потом указал на алмаз, находящийся в жезле. — Этот экземпляр принадлежал одному микробиологу, умершему отцу продавца. Тот искал покупателя, которому действительно важен экземпляр редкой руды. Я оказался тем самым покупателем. Как думаешь, что потребуется от твоей броши, чтобы активировать жезл, как Призрачную брошь?

Я потупила взгляд, притопывая ногой. Вспоминала рассказы бабушки о реликвии, все до одного. Концентрироваться было довольно тяжело, но все же... Передача магии в другой алмаз, наделение его силой... Точно, вспомнила!

— Я должна передать силу из броши в другой алмаз, — водя руками, я перевела взор на Эйдана. — Передав вместе с большим количеством магии и частицу своего дара, я смогу активировать жезл...

Тайлер прыгнул, хлопая в ладоши.

— В точку! Ты достаточно взрослая для этого ритуала, благодаря тебе мы сможем увидеть Город призраков!

Я подняла голову, осознавая свои способности. Посмотрела на руки, чуть светящиеся бирюзовым, затем на густые волны, в которых только что заметила всю силу, которую скапливала каждая Гостлен испокон веков. Кажется, Эйдан открыл мне глаза. Раньше я думала, что рассказы бабушки ничего не стоили, и магия в нас была создана лишь для того чтобы нескучно провожать призраков. А, оказывается, столько всего можно сделать при помощи нее... Даже древний ритуал совершить!

Но подождите-ка...

- Что за Город призраков? — прищурилась вопросительно я.

Эйдан облокотился о жезл.

- Пристанище броквеновских душ.

— Насколько мне известно, у душ нет отдельного пристанища каждый девятидневный цикл, - я озадаченно нахмурилась.

— В Броквене такой закон не работает, — опроверг Тайлер. — Здесь, оказывается, призраки успели создать себе собственный город, вторую копию Броквена, только призрачную. Как я это понял? Станные звуки вокруг, открывания дверей, которых нет на улице и в помине, заводящиеся моторы на реке, хотя суден-то и не видно, веселые крики пьяниц в клубах, которые закрыты. Это все свидетельствует о том, что призраки уже обзавелись «пристанищем», которое можно как раз увидеть с помощью жезла Эйнари, в котором будет находиться нужное большое количество магии.

Шок вновь охватил меня.

— Серьезно?! Это... это уже апокалипсис какой-то начинается, призраки и правда в выигрышном положении!

- Да... - согласился Эйдан, прислоняя Эйнари к спинке кровати. — Давай я расскажу теперь наш план действий.

- Конечно... - я отошла, уступая Эйдану место около его исследовательской стены.

Он еще раз кашлянул и положил пальцы на рисунки с рубинами и призрачными фигурами, начиная водить туда-сюда. Я же внимательно следила за движениями Тайлера и вслушивалась в каждое слово.

— Итак, — рассуждал он, — в Броквене насчитывается семь самых аномальных мест, но побывать мы должны только в пяти. Сначала в Детской обители, там, где находятся заброшенные детские сады и приюты, пострадавшие во Второй войне за независимость¹. Потом держим

¹ Вторая война за независимость США (англо-американская война) 1812-1815гг. - [вооруженный конфликт](#) между [США](#) и [Великобританией](#) в период [наполеоновских войн](#).

курс на Край-авеню. Третьим местом будет Роща Влюбленных, четвертым – Ученый городок, а пятым частный сектор на холме Эмптиф.

Я заинтересованно царапнула висок.

— А что мы должны найти во всех этих местах?

— Там находятся некие пять Особенных призраков, у которых есть пять специальных осколков, — пояснил Эйдан, посматривая на древнюю бумагу.

— А для чего нам эти призраки и пять осколков?

Тайлер указал на рисунок озера с призрачными силуэтами.

— В пятницу двадцать четвертого апреля должна произойти Ночь Активации. У озера, не поверишь, Бэддайниэйкер должны собраться пять призраков с этими осколками, некий помощник и наследник рода Гостленов, так написано на бумажке. Наследник с помощью силы реликвии соберет осколки в единый магический ромб. Он осветит город, пропитав призраков особенной магией, и поразит некий Портал Безрассудия, предположительно так здесь называют оковы. Фраза «Да воцарится тогда гармония в Граде Жизни и Смерти» явно говорит о том, что призраки... — он не скрыл улыбки, — освободятся! Представляешь, Елена, мы сможем их спасти гуманным способом, без особых усилий и кровопролития! Правда, постскрипту «Ни в коем случае не отдавать Ромб Освобождения ему» немного смущает меня, но, наверное, это означает, что ромб должен находиться на своем законном месте и не передаваться в плохие руки.

Я поразмыслила над словами Эйдана. А ведь действительно, всего-то было нужно найти пять призраков с волшебными осколками в указанных местах. Я знала все аномальные места Броквена и местонахождение Бэддайни. Уверена, я смогла бы собрать из каких-то стекол ромб, ведь наследственная магия текла прямо по венам, передаваясь могущественной реликвии! Да и если мы будем шерстить самые сокровенные уголки Броквена, то точно встретим Филсу! Ха, это же замечательно!

— Эйдан, ты гений! — восторженно вскрикнув, накинулась на Тайлера и сжала в объятиях. Я уже не могла шептать, чувства переполняли изнутри. — С помощью моей магии и твоего жезла мы сможем спасти Броквен и найти мою подругу и твою бабулю!

Тайлер крепко обнял меня в ответ, слегка пошатываясь.

— Я до сих пор не верю, что смог познакомиться с тобой, Елена. Ты даже не представляешь, как я рад! У нас с тобой столько возможностей!

- А я-то как рада... - я отпрянула от Эйдана, глядя в его возбужденные горящие глаза. - Эйдан, верь не верь – ты мне был нужен.

Надо же, как карты сложились. Это было Божье чудо какое-то, честное слово! Отныне у меня была твердая уверенность, что все точно пойдет по плану. Светлые волны, покрывшиеся рябью, подсказывали, что мы сможем, у нас все получится. Я убедилась в Эйдане и его надежности. Он действительно был тем, кто протянет руку в беде и найдет выход из любой ситуации! Все-таки провести такое расследование мог не каждый. По крайней мере, сейчас у меня не возникало никаких сомнений. А если не возникало, значит, план был надежный!

Сначала Эйдан смущенно хихикнул, почесав затылок, но потом полной грудью вздохнул и промолвил:

- Завтра надо будет подготовиться к нашим приключениям – собрать все необходимое и подготовить специальную одежду. А ночью мы активируем жезл и направимся в Город призраков, поскольку до Ночи времени у нас маловато. Согласна?

— Да, — я коротко кивнула, — встаем завтра в семь.

Сон все никак не шел, нам хотелось бесконечно разговаривать о предстоящем призрачном походе. Я лежала на кровати, накручивая на палец светло-рыжие пряди, а Эйдан устроился на полу, также болтая и параллельно успевая читать супер–пупер–дупер автора – Сиэля Смита. Я, конечно, не переставала удивляться. В городе этого парня гуляли призраки, он сам создал магический жезл, нашел обладателя с даром и продумал план по путешествию... Казалось, фантастики в жизни Эйдана было больше чем достаточно. Но нет же, демоны и мир с нечистью как раз кстати вписывались. Умели же современные писатели заманить детей своими байками про сказочные миры, хах. Кажется, я заснула раньше Эйдана.

Встали мы по будильнику, как и договаривались. В Броквене еле проглядывали лучи солнца, слабо лязгали за окнами призраки, гудели автомобили, и шумели люди. После завтрака, когда дети пошли на прогулку, я и Эйдан остались с мисс Мидл, чтобы доложить о походе. Конечно, в первые минуты она протестовала, говоря об опасности и огромном риске. Но Эйдан напомнил, что планировал это еще полтора года назад, и что мы, скорее всего, единственная надежда Броквена. С тяжелеющими веками и наверняка сердцем, Джей согласилась. Она сказала, что приготовит все необходимое вместе с тремя нянями. Для нас это было радостью, ведь сборы облегчатся.

Задание у меня было непростое — сшить специальную одежду, характеризующую нас как нелегальных охотников за привидениями, только поскромней. Дав из своих сбережений полсотни баксов, я отправила Эйдана за выкройками, темно-коричневым и светло-желтым вельветом. Помимо швейного он еще и пошел в супермаркет за продуктами и чипсами... Мисс Мидл долго ругала Эйдана и запрещала покупать вредоносные дольки из-за гастрита. Но тот упрямо стоял на своем, оправдываясь тем, что не ел чипсы уже полгода. Я была на стороне Джей, ведь гастрит – штука фиговая и с ним надо быть аккуратнее, тем более Эйдану – прирожденному гастритнику. Но этому упрямому барану было все равно, что у него вновь может воспалиться чертов гастрит, ведь «сырные чипсы такие вкусные!». Любовь к вредной еде его когда-нибудь погубит...

Когда Эйдан, наконец, целый и невредимый пришел домой с покупками, я стала такой возбужденной при мысли о шитье. С самого детства я обожала шить куклам маленькие платья и аксессуары из ярких тканей. Любила звук работающей машинки, обилие разных ниток и шершавый мелок, после которого нужно было мыть руки. Меня что-то тянуло к шитью, я чувствовала спокойствие, когда занималась им, находила в этом хобби отвлечение и успокоение, копаясь в нитках. Конечно, я могу быть чертовски неаккуратной и наделать себе кровоточащие дырки в пальцах, такова моя неуклюжая природа. Я могла бесконечно хвастаться результатами, но при этом лажать из-за невнимательности, облизывая пальцы.

— Ты еще и шьешь? — поинтересовался озадаченно Эйдан.

— Я любила шить маленькие шерстяные игрушки еще в садике, это помогало мне не ловить панические атаки, — усмехнулась я, принимая соблазнительно шуршащие пакеты из рук Эйдана. — Шитье помогает мне не думать о плохом. Знаешь, у меня есть привычка — постоянно думать о плохом исходе тех или иных событий. Вот, например, когда я с тобой встретилась, всю дорогу думала, что это моя галлюцинация, и ты врешь мне, хах.

Друг посмеялся.

— Мы в начальной школе тоже пробовали шить, — сквозь смехок произнес Тайлер. — Правда, я был тем мальчиком, который носился по классу с десятью наперстками на пальцах и полотном на голове.

— А что было потом?

— Потом я укололся и больше не шил.

Весь день Эйдан собирал рюкзак: приготовил бутерброды, питье, теплый плед... Взять таблетки, бинты и пару карманных ножииков на случай нападения, а также деньги и, естественно, жезл Эйнари. Я же вместе с нянямишила сарафан, накидку и жилетку чуть меньше

чем тринадцать часов. Нам повезло. Работа шла слаженно, быстро и без конфликтов. Взяли мерки с Эйдана, с меня, начертили выкройку, дружно сметывали, затем шили на четырех машинках! Я даже уколоться не успела! Моей радости не было предела, когда мы закончили в срок. Никогда бы не подумала, что смогу сшить что-то столь быстро. Потом мы поужинали и легли передохнуть до долгожданных двух часов ночи...

— Подъем, солдат, — из сладкой дремоты меня вытянуло легкое, почти невесомое касание пальцем о щеку. К сожалению или к счастью, но у меня сон был чутким, а потому любой звук или прозрачное касание могло заставить проснуться.

Я заерзала на нагретой постели, приглушенно постанывая.

— Солдат, вы нужны для операции, — усмехающийся Эйдан принялся часто тыкать в мою щеку.

Я издала утробный глухой рык, перехватывая руку Тайлера и распахивая очи:

— Та встаю я, товарищ майор.

— Почему майор? — он коротко хихикнул, давая мне сесть и очухаться от сна.

— Ну, не я же задумала всю эту взбу...

Я осеклась, только взгляд сфокусировался на Эйдане. Он стоял уже полностью одетый; в светло-желтой накидке по локоть с угловатыми коричневыми узорами, таком же жилете с длинными квадратными краями, в темных вельветовых брючках и кроссовках. Все дело украшала повязка на голове, сделанная из той же ткани, что жилет и накидка. Только на повязке были не угловатые узоры с кружочками, а коричневые треугольники. Черные глаза горели огнем, а яркие веснушки подчеркивали бледноватую кожу. Ну, хорош, подумала сразу я, как только разглядела его полностью. Мы с нянями хорошо постарались...

От моего пристального взора и зависшего рта щеки Эйдана поредели.

— Тьфу на вас, солдат, — он смущенно улыбнулся и махнул рукой, — не для вашего голодного взгляда мама петуха растила.

Затем Тайлер положил на постель рядом со мной аккуратно сложенный темный сарафан с такими же узорами, как у костюма Эйдана, белую блузу с поблескивающими светло-желтыми складками и гетры.

— На вот, переодевайся. Я уже все собрал, буду ждать тебя у входа.

Я пару раз моргнула, потом быстро кивнула, беря с тумбочки две прочные резинки для того чтобы заплести косы.

Быстренько одевшись и приведя себя в порядок, я спустилась в прихожую, где меня ждала мисс Мидл, три няни и Эйдан с рюкзаком на плечах и жезлом Эйнари. Женщины несколько раз обнимали нас, целовали и крестили. Заверив, что мы обязательно вернемся без единой царапинки, мы вышли на улицу.

Как только послышалось несколько неуверенных щелчков замков, я и Эйдан шумно выдохнули. Мы стояли недалеко от крыльца, осматривая каждый туманный уголок. Этой ночью воздух не казался сырым, туман был слабым, почти прозрачным. На местности приюта «Солнечный зайчик» призраков сегодня не оказалось.

— Детская обитель в восточной стороне, — подал голос Эйдан, оглядывая меня, — активируем жезл за приютом.

— Хорошо, — ответила я, разворачиваясь назад. — Пошли быстрее, а то вдруг призраки все испортят, — и принялась огибать здание с левой стороны. Тайлер поспешил за мной.

Не одного фонаря на Чайлхуд-стрит не горело. Пока мы обходили приют, заходя в глубины маленького леса, путь нам освещала только луна, что казалась небольшой точкой на фоне грозных ночных облаков. В негустом лесу было несколько десятков полумертвых деревьев; ели, можжевельники и даже пару берез. Кора растений оказалась расцарапанной, будто кто-то пытался избавиться от оков. Они пахли чем-то острым и плесневелым. В общем, леса в Броквене зачали еще пуще...

Я и Эйдан выбрали небольшую полянку, на которой валялось пару веток и засохших листьев, хрустящих под ногами. Тут, слава Всевышнему, никаких призраков все так же не было. Тишина, разбавляемая шелестом умирающих деревьев, давила на сердце, больно сжимала. Магические волны огибали растения и Эйдана, что воткнул Эйнари в глиняную землю. Глубоко вздохнув, он опустил рюкзак и принялся крепко держать жезл.

— Ты знаешь примерно, как это делать? — шепотом спросил Тайлер, словно боясь раскрыть наш план кому-то постороннему. Ну, или потустороннему.

Я сглотнула, осматривая бирюзовые волны.

— Мне удалось запомнить последовательность передачи от бабушки. Да и что-то подобное я уже вытворяла. Наверное, я все сделаю правильно...

Эйдан кивнул, осматриваясь. Плотнее сжал жезл.

— Ты сможешь, — он вдруг посмотрел на меня, — если что, я рядом.

По позвоночнику побежали мурашки от сказанных слов и волнения. Я начала тихонько отходить, вспоминая рассказы бабули и ход действий... Медленно расправила ладони, подпуская всю магию к себе. Как только волны, проходя сквозь Эйдана, приблизились к моей фигуре, резко сжала кулаки. Они оплели тело, превратились в замерший вихрь. Листья поднялись вверх, также замерли. Сначала я все никак не могла вспомнить слова бабушки, отголоски беспорядочно гуляли по воспоминаниям. Из-за этого мои руки неистово тряслись, также как и магия. Панические мысли о том, что ничего не получится, заполняли мозг, не давали сконцентрироваться. Волны уж начали расплываться, мои руки распрямились. Дыхание было неровным и хриплым. Я хотела, но никак не могла заставить магию вновь подчиниться мне. Ничего не получится, все бесполезно, бесполезно...

Я начала дергать пальцами, сама не понимая для чего. Только же делала по-другому, как так, Елена?! Что же делать, что же делать?! Я забыла слова бабушки! Я не могла их вспомнить!

— Все будет хорошо, Елена! — послышался голос Эйдана. — Магия, жезл, бабушка, ритуал! Это нужные слова!

Так, ради Эйдана. Я должна, должна... Магия, жезл... рассказы бабушки о ритуале... В гостиную за чаем, у камина, с брошью. Я сидела у нее на коленях, внимательно слушала, думая о неважных вещах...

«— Глубоко вздохни»

Я набрала воздуха в легкие, чуть отбрасывая голову. Смежила веки, раскрывая рот.

«— Руки подними»

Ладони образовали лепестки. Я принялась двигать ими взад-вперед, не спеша и спокойно, стараясь слиться со своими силами. Я почувствовала, как брошь на груди легонько запульсировала. Прикусила губу, чувствуя, как от вибраций реликвии содрогалось все тело, начиная соединяться с магией.

«— Мощь свою пойми, дай забиться ей в груди»

Я представила перед собой всю свою магию, вообразила ее блестящий бирюзовый цвет, переливающийся темными и светлыми оттенками. Представила, как прошу свой дар, свое магическое сердце и брошь перейти к другому камню, ведь ему тоже была нужна моя энергия. Со волнами я была друзьями, единым целым. Она текла по венам, находясь со мной в гармонии. Магия должна чувствовать только мое блаженство, спокойствие и добрые намерения. Я просила прощение у волн за свою неконтролируемую злость, неаккуратное отношение к свя-

щенной силе и не бережное отношение к реликвии. Позабыла все промахи из раннего детства, когда не могла совладать с магией, когда хотела разбить брошь, когда ругалась на нее за то, что не могла выполнить то или иное заклинание. Теперь я любила свою силу, свои волны. Мы были едины, мы сможем поделиться этой гармонией.

«— А что дальше я должна буду сделать, бабушка? — спросила маленькая я, крутя брошь в руках.

— Выпустить свою магию тому, кому она нужна, — проговорила бабушка. — Ты должна выплеснуть свою мощь, отдать свое волшебное блаженство... Расправить руки вот так и...»

Послышался громкий бум, и поднялся сильный бешеный ветер. Не открывая глаза, я прикрыла лицо руками, которое безжалостно жалил порыв. Ноги подкосились, и я упала на рыхлую травяную землю, слыша, как издал короткий вскрик Эйдан. Видимо, он тоже рухнул.

Спустя несколько мгновений сильный ветер резко прекратился. Я ощутила, как тело щекотала уже не только моя магия, а еще что-то другое, такое же дымчатое. В нос ударил приторный запах зефира, а в ушах зазвенели отдаленные голоса, отдающиеся эхом где-то там за пределами леса. Каждое слово по несколько раз повторялось, голоса были расслабленными. Звон цепей стал каким-то глухим на фоне далекой суеты.

— Получилось! — Кажется, это кричал уже Эйдан, шумно взмахивая жезлом. — Открой глаза, Елена!

Глава 6. Город призраков

Мне понадобилось несколько минут, а то и больше, чтобы прийти в себя. Я часто и рвано дышала, ощущая острую траву под собой. Мой разум не понимал, что так резко изменилось. Я хотела открыть глаза, но чувство внутреннего страха не покидало.

— Боже, Елена, только не говори, что ты ослепла от ритуала! — почувствовала, как ко мне подбежал Эйдан, поднимая за руку.

Я закашлялась, сплевывая вязкую слюну.

— Тихо-тихо, — почему-то меня пробило на истерический смехок, — сейчас приведу себя в порядок.

Отцепившись от Тайлера, на ощупь я прислонилась к мокрому дереву, держась за бок. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я все-таки решила открыть глаза.

То, что я увидела, повергло меня в шок и восторг одновременно. От того Броквена, в котором жила я все своё детство, и в котором жил Эйдан не осталось и малейшей крупинки, что напоминала бы о чудном городе. Броквен будто испарился, слился с туман, превратился... в призрачный город. Все вокруг нас было темным и темно-синим, витала везде та самая голубая дымка. Небо все так же оставалось чёрным, но луны не было — только синие облака, парящие призрачные птицы и... рыбы?! Голубые рыбки с кандалами спокойно плыли по небу вместе с мертвыми пернатыми, огибая каждое облако. По посиневшим и ставшим прозрачными деревьям медленно прыгали голубке белки с белыми глазницами, монотонно ползли миниатюрные жуки. Под ногами оказалось куча разбросанных цепей, что куда-то тянулись и звенели. Вдали виднелись призрачные дома с парящими над ними призраками. И все это давал увидеть он, — жезл Эйнари. Эйдан держал его в руке, с улыбкой смотря на меня. Камень на жезле светился ярким бирюзовым светом, освещая все пространство. От него исходили нежно-голубые магические волны, сливаясь с моей магией. От такого зрелища я лишь усмехнулась, прикусывая губу и безостановочно моргая.

— Это... я так? — спросила я подрагивающим голосом, возя руками по мокроватой земле, усеянной цепями.

Эйдан не скрыл хохота.

— Конечно, глупенькая! — и взмахнул магическим жезлом. — Добро пожаловать в Город призраков!

Я медленно встала, отряхивая руки и сарафан. Сжала брошь, смотря на сверкающий бирюзовым жезл Эйнари.

— Получилось... — из моего рта пошёл пар, хотя было не холодно, да и не жарко, — ритуал сработал.

Тайлер подошёл ко мне, легонько обнял, вдыхая полной грудью приторный запах.

— Я знал, что ты вспомнишь, — прошептал он, — благодаря тебе мы сможем осуществить наш план.

— Теперь уже точно, — дополнила усмешливо я, осматривая призрачный лес. — Как теперь мы поступим?

Эйдан отстранился, доставая из кармана брюк карту, которую мигом нарисовал на сборах. Развернув, он облизнулся, тыча большим пальцем в бумагу.

— Как я и говорил, сначала нам с тобой надо в Детскую обитель, — отточил Тайлер и показал на север, прямо в пекло города призраков. — Нам на север. Ещё немного мы пройдем по заброшенному кварталу, затем выйдем в центр, а там и до обители недалёко. Смотрим в оба, внимательно разглядываем каждый столб. С призраками разговорили аккуратно, только о самом важном. Нападают — берём ножик.

— А не проще использовать магию? — поинтересовалась я, заглядывая в карту. — У тебя есть магия Эйнари, а у меня сила броши. Думаю, так будет эффективней.

Эйдан нахмурил густые тёмные брови, потом тут же закивал.

— Ты права. Меняем план. Нам на север, ещё немного мы—

— Я поняла ход действий, Тайлер, кончай уже дурака валять, — хихикнула я, слегка толкая друга в бок.

Он прыснул, толкая меня в ответ.

— Я прикалываюсь, — сквозь смех Эйдан убрал карту обратно в карман, — короче, план понятен.

Я двинулась вперёд по травянистой тропинке, продолжая изучать новое место, кое я никогда не видела. Интересно, Филса могла остановиться где-нибудь в городе? Или цепи все-таки у неё оказались короткими? Надеюсь, она не разозлится на меня, если мы ее встретим... Надо будет подготовить извинительную речь! Думаю, Эйдан тоже об этом размышлял.

Я повернулась, ожидая друга. Скрестила руки на груди, стараясь привыкнуть к тяжелому воздуху.

— Может, я понесу рюкзак? — вдруг заволновалась я, глядя на то, как Эйдан с улыбкой натягивал сумку на плечи.

Он поднял свой взор на меня, часто закачал головой.

— Не-не-не, я сам, — Тайлер выпрямился, подходя ко мне, — там всего-то плед и бутерброды.

— Может, чтобы тебе легко было нести, мы чипсы выкинем?

Эйдан чуть не споткнулся о цепь, лежащую на дороге, которую не было видно из-за синей дымки.

— Ещё одна! — фыркнул друг. — Чипсы – это святое, Елена, а на святое вам с тетей Джей покушаться нельзя!

— Скорее секта, — неодобрительно посмотрела на покрасневшего Эйдана. — вызывают гастрит, так ещё и без фигуры можешь остаться. Ты так жену себе не найдёшь.

— Я по приметам жену буду искать! — Тайлер покраснел еще гуще. Среди призрачной потоки он выглядел очень даже ярко. — Да и вообще, вот обижусь на тебя и пойду один, а ещё заберу все бутерброды!

Эйдан гордо пошёл по тропинке, строя обиженную морду.

— Куда ж ты денешься, — я начала лукавить, забирая руки за спину. Даже непривычная атмосфера нового места казалась прозрачной на фоне красного Эйдана. — Ты ж без меня никуда, а со мной хоть на край света.

Тайлер уж хотел возразить, но лишь пошамкал губами, отводя взгляд в сторону. Ха, понял, что меня не переспорить.

Дальше мы шли молча, заинтересованно рассматривая каждый уголок безмолвного города. Виднелись горы, полностью окутанные голубым туманом, слегка развевающиеся леса. Мы шли по странному полю, заросшему высокой травой. С этой травы постоянно капала роса, падала на цепи и впитывалась в них. Казалось, будто капли могли ослабить кандалы. Словно так было задумано призраками, коим натерли жесткие ржавые оковы.

Устройство заброшенных тихих окрестностей показалось нам странным и вычурным. Только что ты вышел из леска и тут же оказался в полях. В человеческом Броквене полей никаких точно не было. Запах смерти и монотонные, эхом отдающиеся голоса заставляли впасть в транс, некий гипноз. Заброшенные синие здания, далекие горы и странный голубой дым пугали, но и одновременно так успокаивали. Хотелось сесть между высоких трав, взять одну из них в рот и смотреть вдаль. Хотелось думать только об одном: «Так вот ты какое, Чистилище». В случае Броквена это Чистилище, к сожалению, давно не отпускало никого в Рай. Поскорее хотелось уже разгадать загадку этой чертовой аномалии. Вот бы все закончилось хорошо...

Честно, я с самого детства жаждала, чтобы призраки освободились. Думала, что, когда стану взрослой, вместе с Филсой спасу Броквен. И вот, как все изменилось: в пять лет мечтала отправиться с преданной подругой в сказочный поход, а в пятнадцать иду вызволять её душу из могилы. Даже как-то горько становилось от этой мысли, а на душе паршиво начинают царапаться кошки.

Я чувствовала в её смерти свою вину. Думала, что пока не найду Филсу, так и буду отдавать себя на растерзание совести. Наверняка Эйдан тоже об этом размышлял. Он стеклянными глазами оглядывал вдруг слегка посветлевшее небо, жезл болтался на застёжке рюкзака. Казалось, Эйдан вспоминал свою бабушку и родителей, как не ценил их, как порой срывался и как легко сказал последнее «увидимся». Мне нравилось чувствовать, что у меня не у одной такая проблема, что мне есть, с кем поделиться своими душевными переживаниями. И Эйдан прекрасно поймёт мое состояние, ведь сам он точно так же стал узником потерь. Хорошо, что я не осталась одна...

Неожиданно заброшенные дома исчезли, и появилось на их месте много призрачных деревьев, с которых свисали лианы. Воздух стал еще слаще. Запах пикантного сыра с плесенью заставил поежиться. Моя магия вместе с волнами жезла поднялись вверх и принялись залетать туда, где слышалось множество энергичных голосов, топот копыт, звон повозок и карет, а также моторы автомобилей. Там все слилось в одну какофонию, в единственный звук – шум города. Появилось такое ощущение, что мы оказались действительно в восемнадцатом веке.

— Кажется, мы дошли, — Эйдан стукнул жезлом.

Я остановилась, переводя взгляд туда же, куда и Тайлер. Расправила пальцы, судорожно выдыхая.

Перед нами стояли большие песочные часы. В некоторых местах они сильно поцарапались. Но самое главное было не это. Песок, о Господи, был в обеих частях часов — снизу и сверху. Крошечные дорожки обоих сосудов соединились друг с другом в горловине, оставляя лишь крупички. Время в этих часах не текло. Оно слилось и остановило движение. Ближе к горловине песок становился все черней и тусклее. А над часами красовалась сверкающая синим вывеска «Город призраков».

— Вот мы и здесь, — выдохнула я, проводя пальцами по пыльному стеклу часов.

— Жутко тут, — отозвался Эйдан, открепляя жезл от застёжки рюкзака.

— И правда время остановилось, — я обвила руками плечи.

— Сейчас узнаем, зачем оно остановилось, — решительно сказал Тайлер, сжимая Эйнари, — погнали, Елена.

Я коротко кивнула и, в последний раз взглянув на замершие часы, пошла вслед за ним.

В сам город вела каменная дорожка, что постепенно расширялась. Казалось, мы шли по ней вечно. Сердце неистово билось о ребра, руки подрагивали от волнения. Наша магия практически слилась с голубой дымкой, только бирюзовые камни броши и жезла светились в мистической ночи. Я встревожилась еще сильнее, как только мы оказались в кругу прозрачных зданий, походивших на объемные иллюзии.

На призрачной улице кипела жизнь усопших. Проезжали на повозках и каретах мертвые кучера, фермеры и дворяне, торговались повсюду умершие продавцы, скакали по крышам призраки детей. Ездили старинные автомобили века двадцатого.

Заблудшие души совершенно по-разному были одеты: кто-то в винтажной одежде из девяностых, кто-то в пышных платьях с корсетами, кто-то в военных мундирах. На улице все так же стоял плесневелый запах, содрогался асфальт от лязга цепей. Призраки передвигались быстро, плывя в голубых волнах. Движения казались хаотичными, они будто не оставляли попыток выбраться из ржавых оков.

Я не находила слов. Увиденное настолько поразило и ошарашило... Даже сложно было осознать, что у призраков есть пристанище, просто копия города! Интересно, сколько в Броквене существовала его призрачная версия?..

— Не бойся, — Эйдан повернулся ко мне, протягивая руку. — Ты не должна показывать им, что боишься. Ты сама Елена Гостлен, черт подери!

Я надулась, вцепляясь в руку Тайлера. Тот продолжал вести меня в самый центр улицы, смотря по сторонам.

— Хватит меня уже превышать! — прошептала я, не решаясь прибавить голосу твердости и уверенности. — Если я всего лишь вижу призраков, это не значит, что я великая!

Большинство заблудших душ уставились на нас с Эйданом. Но в их взглядах не читалось удивления, лишь легкое любопытство. И это показалось мне чутка странным. Разве призраков не смущали двое живых людей, что каким-то образом оказались в их секретном месте?

— Зуб даю, Гостленов тут все эти мертвяки знают в лицо! — замахал руками Эйдан, хлопая себя по бедрам. — Спорим, вот подойду к какому-нибудь призраку, спрошу про Гостленов — и он тут же всю биографию!

Я едко усмехнулась, отпуская теплую ладонь друга. Неужели он, живой человек, не боялся вот так просто подойти к душе и что-то спросить? Любопытство взяло верх, также как и мои бирюзовые волны, что поднялись в ночное загадочное небо.

— На что? — я подставила свою руку. — Поцелуй, что ли?

Честно, я не поняла, зачем так сказала... Эйдан не выглядел распущенным.

Тайлер поразмыслил пару секунд, посматривая на оживленные кирпичные дома, а затем ухмыльнулся и игриво повел бровями. Не нравился мне такой взгляд... Неужели поцелуй, будучи друзьями?

— Нет, сразу помолвка, — хохотнул Эйдан, легонько шлепая меня по плечу. — Я тебя, так уж и быть, пощажу и потребую десятку.

Казалось, призраки еле терпели, подслушивая наш разговор, но не решались подать голос. Конечно, двое живых хорошо так выделялись среди давно усопших и скованных.

Я хотела уж согласиться на спор, увиливая от призрачных туманных волн, но Эйдан побежал за одной повозкой с призрачным ослом и толстым дядькой.

— Эй, мистер!

Вот черт! Я погналась за Тайлером, придерживая края сарафана. Туфли пачкались в лужах, а дымка залетала прямо в ноздри. От крика Эйдана повозка замедлила свой ход, осел

установился глуповатыми глазницами на огонек от бирюзовой руды Эйнари. Дядька, звеня око-
вами, снял шляпу, поправляя темно-синюю щетину:

— Живой?..

— Пока ещё да! — не стесняясь, покричал Эйдан, останавливаясь у старой кареты.

Некоторые призраки прекратили свою деятельность, уже с неподдельным интересом переводя мутный взор на Тайлера. Я же старалась не привлекать к себе внимания, хотя знала, что призрачных взглядов никогда не избежать.

— Вы ведь знаете, кто такие Гостлены, и какую роль они играют для Броквена? — громко спросил Эйдан, гордо оглядывая каждого призрака. У одной души даже корзинка цветов выпала, поплыв по голубой дымке куда-то в глубины призрачного Броквена.

Со всех сторон слышались коллективные охи, напоминающие волнующую мелодию, отдающуюся многоголосым эхом. У меня пошли мурашки. Сотни певучих голосов были такими спокойными вместе, такими необычными. Их возгласы завораживали и кидали в пот, так еще масла в огонь подливал мелодичный звон и шум мертвых деревьев, стоявших за обвалившимися домами.

— Вы хотите узнать о Сабо Гостлен? — спросил удивленно призрака на повозке, начиная светиться бледно-голубым. От других душ исходили яркие искорки, как от электрических столбов, что виднелись вдалеке из-за клуб темных облаков. Имя показалось мне до боли знакомым, его будто разнес по всему городу ветер.

— Какая Сабо? — изумился Эйдан.

— Сабо Гостлен, отвечают же, — слышалось откуда-то от смотрящего призрака. — Она что, тут?

Некоторые души собрались в небольшие кучки, с далека наблюдая за происходящим.

— Мы знали в лицо только одну Гостлен, — ответил мужчина в повозке. — Именно она когда-то давно впервые помешала *Отцу*.

Мы с Эйданом ошарашено переглянулись, зрачки у обоих сузились до мельчайших размеров. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет на каменный сырой асфальт. Тайлеру, уверена, было уже не до десятки. Он убрал жезл за спину, шумно сглатывая. Призраки смотрели то на Эйнари, то на нас двоих, не переставая пускать слышный шепот по темно-синей листве деревьев. Их взоры неистово начали угнетать...

— А... кто вообще такой Отец? — осмелился спросить Эйдан.

Призраки как один вздрогнули, прикрывая прозрачными руками рты и раскрывая беле-
вые очи.

— Тише, — шикнул резко мужчина, а осел начал нервно постукивать копытами.

— Отец в Броквене всегда был один, — сказал один мертвяк дрожащим голосом, — не упоминайте и не беспокойте его лишний раз.

Эйдан взглянул на ничего непонимающую меня и неуверенно, видимо, переваривая услышанное, произнес:

— Ээ, мы пришли разобраться со всеми вашими отцами и матерями сюда, в Город призраков, — он улыбнулся и указал на меня. — Прошу любить и молиться — Елена Гостлен, наследник рода. Видите, у нее даже Призрачная брошь имеется, и жезл этот тоже она активировала!

Шепот вспыхнул с новой силой. Призраки встрепнулись, задрожала голубая дымка, всколыхнулись листья деревьев. Мне стало не по себе, но скрывать брошь не стала, с серьезным видом выпрямляясь и оглядывая каждую душу уверенным твердым взглядом.

— Елена Гостлен?

Глаза призраков расширились. Суeta на улицах вовсе остановилась, почувствовалась та самая остановка времени. Птицы и рыбы на небе практически не летали, гул утих.

— Гостлен?

Но затем послышалось сотни отдаленных голосов.

— Елена?

— Тот самый потомок Сабо Гостлен?

Елена, Елена, Елена... Мое имя звенело в ушах уже. Удивительно, что эти призраки меня не знали.

— Интересно, Отец уже знает о ее приходе сюда?

— Молчать всем! — рыкнул мертвый в повозке. — Не упоминайте Отца всеу! Вы волнуете его!

Не выдержав паники со стороны призраков, я громко вскрикнула, поворачиваясь к толпкам:

— Хватит разводить панику! Кто бы ни был этот ваш Отец, я и мой главный спутник, который нашел чудодейственный способ, пришли в Броквен, чтобы, наконец, спасти вас всех от многолетнего заточения! Клянемся, через несколько суток вы уже будете Там. Я уверена в этом благодаря легендарной реликвии Гостленов и жезла Эйнари, в котором сохранена часть моего дара. Прошу успокоиться и принять нас, не нападая. Разговор окончен, занимайтесь своими делами.

Лишний раз издав непонятные ощутимые вибрации и лязгнув кандалами, призраки потихоньку рассасывались, оказываясь в рутинной колее. Вновь поехали повозки и автомобили, еле зашевелилась живность и поплыли по Броквену сгустки синего дыма вместе с рыбами. Никто уж не обращал на двух живых людей на дороге, пустые взгляды смотрели куда-то вдаль, на высокие электростанции и туманные горы. Только мужик в повозке с ослом все стоял на месте, жуя солому.

Я повернулась, продырявила взглядом его и металлически отчеканила:

— Вы тоже свободны, мистер.

Мужчина бесшумно охнул, спуская клубы дымки, и осел тут же двинулся в путь. Как только мы с Эйданом остались без лишнего внимания на вновь закипевшей улице, где слышались звоны маленьких медных колокольчиков, Тайлер затрепетал:

— А ты крутая леди! Вона как всех миглом шугнула! А ещё будешь говорить, что не такая.

Эйнари часто замигал, словно показывая свою радость. Бирюзовые волны мимолетно игрались с моими волосами, защищая от странной дымки и наседающего чёрного небосвода.

— Пойдём уж, — бросила я, многозначно вздыхая, — нас ждут великие дела.

Усмехнувшись, Эйдан не спеша тронулся, попутно прикрепляя жезл на коричневую застёжку рюкзака. Яркий бирюзовый свет Эйнари казался фонариком–путеводителем в этом бешено–белом свете призрачного Броквена.

В городе призраков дул слегка непривычный ветер. Отлетали от ветвистых деревьев длинные заострённые листья, медленно чахли белые светящиеся плоды. Этот район иного Броквена был до жути однообразным: одно кирпичное здание с богатыми балконами сменяло другое с узкими лестницами, ведущими на крыши. Воздух с каждым пройденным кварталом менялся: где-то пахло старым бензином, древними чернилами и перламутровой жидкостью, что стекала с домов. Торговые лавки и маленькие рынки были наполнены старинным грязноватым барахлом: фарфоровыми куклами с царапанными глазенками, перьями и свитками. Старые велосипеды, полу сдутые мячи, стоялая вода и сырое мясо... Призраки охотно разбирали все товары, лязгая цепями и дверными колокольчиками, словно все это старьё являлось самой настоящей новизной.

Это все так дурманило разум, вкидывало в сонное состояние. Теперь я и Эйдан чувствовали, что время здесь и вправду остановилось уже давно. Мертвый воздух давил на грудную клетку, поглощал лёгкие. Медленно льющаяся вода из высоких фонтанов и слабенькие ску-

лежи призрачных животных закладывали уши. Было такое ощущение, что мы так же, как и все в призрачном Броквене, плыли по этим тяжелым синим волнам, так же замедленно двигались, не обращая на время и другие заботы. Чертовы повозки и автомобили, старинные фотоаппараты и висящие на окнах пуховые грязные игрушки собрались в одну картину — картину полного отчаяния и антиутопии.

Но несмотря на всю обстановку, мы с другом как то ещё держались, оживлённо рассматривая кварталы города и беседуя меж собой.

— Знаешь, а десятку—то надо было бы дать, — насмешливо подметил Эйдан, перешагивая вязкие лужи. — Сколько информации получили за один вопрос. А я же знал!

— Ага, добавилось куча вопросов и, как ни странно, ни одного ответа, — натужно произнесла я.

— Ну, почему же, — запротестовал Тайлер рассудительно. — Мы узнали о Сабо Гостлен, которая однажды зачем-то, когда-то помешала какому-то Отцу.

— Вот именно, — я озадаченно потёрла переносицу. — Сабо Гостлен явно моя родственница, но какая? В смысле, какой эпохи, из какого века? Это тоже важно знать, даже бабушка ни разу не упоминала ее, хотя знала всю историю рода. И правильно говоришь: когда-то, от кого-то или от чего-то. Думаю, это добавляет большей запутанности, ведь, возможно, у нас... будет какая-то помеха. И помнишь подпись на твоей бумажке? «Особенные призраки» — я только сейчас поняла, что, возможно, их могли собирать ещё для чего-то, если поразмыслить. Правда это или нет, накручиваю ли я, но, кажется, все будет не так просто...

Эйдан глубоко вздохнул.

— Согласен, — он прикусил губу. — Этот «Отец» меня напряг. Заметила, с каким трепетом они говорили о нем? Может, конечно, с годами умершие уже сошли с ума и надумали себе какого-то Отца. Но я мягким местом чувую, что это теория провальная. Оно меня никогда не подводило!

Я непроизвольно хихикнула, смотря вдаль. Вроде успокоилась, но потом поняла, что шли мы что-то долго

— Пс, Эйдан.

— А-я? — Тайлер повёл носом.

— А тебя не смущает, что мы все никак до обители не доходим?

Сначала Эйдан потупил взгляд, зрачки сузились. Затем он охнул, трясая головой.

— Сломанная чипса, точно!

Я даже вздрогнула от его вскрика.

— Помнишь, я говорил, что открываются двери там, где их нет? Кажется, призрачная версия устроена по-другому!

Я нахмурила брови.

— Есть шанс того, что мы идём вообще не в том направлении?

Тайлер покраснел.

— Наверное, да. Блин, надо было спросить у того мужика!

Я попыталась успокоиться. Положила руку другу на напряженное плечо.

— Вокруг нас полно призраков. Тише, Эйдан, вот сейчас возьмём и спросим!

Тайлер хотел что-то сказать, но ему не дала проехавший на всей скорости, по всем лужам серый, призрачный «Фольксваген-жук». Брюки Эйдана чуть испачкались, он ругнулся, отряхивая грязь. Ругаясь на водителя, я вдруг поняла, что мы дошли до парковки к торговому центру. Проезжало куча машин, беря у одной женщины талоны. В голове созрел план.

— Эйдан, — я похлопала возмущающегося и ругающегося на всю улицу Эйдана, развернула к себе. — Эйдан, прекрати уже! У тебя ничего не видно!

Сплевывая от злости, Тайлер, постепенно успокоившись, заинтересованно глянул на меня.

— Посмотри-ка перед собой, — подмигнула, поправляя выбившуюся прядь волос.

Вдохнув, Эйдан посмотрел вперёд, на парковку, полную автомобилей разных марок и эпох. Затем перешёл к пошатывающемуся торговому центру из красного кирпича, оглядел все пять этажей, в окнах которых мелькали белые огоньки. Потом он заострил внимание на женщине, что раздавала из своей тесной каморки талоны в призрачные руки. Темно-синий комбинезон слегка помялся, фуражка съехала с собранных в неопрятный пучок волос, чьи смоляные локоны лезли в жилистое лицо. Взгляд мутных очей был строгим, а голос твёрдым, почти мужским. Ей явно не в удовольствие было объяснять водителям что да как.

— Смекнул? — я хитро улыбнулась, пропуская бесконечный поток легковушек.

Поправив повязку, Эйдан ухмыльнулся.

— Ещё как. Пошли, зададим этой дамочке загадку от Жака Фреско.

Мы по узенькой тротуарной дорожке дошли до шлагбаума, дождались, пока оставшийся десяток автомобилей проедет. Как только поток закончился, и женщина закрыла шлагбаум, томно вздыхая, мы быстренько подбежали к каморке.

— Доброй ночи, мисс! — поприветствовал дружелюбно Эйдан, а женщина охнула, чуть ли не отскакивая в глубины убежища.

— Здравствуйте, — я встала около Тайлера.

— Живые? — задала знакомый вопрос душа.

— Да-да, это мы, — коротко бросил Тайлер.

Пару раз вдохнув и поправив зону декольте, женщина высунулась из маленького окна.

— Что надо, мальки? — забасила она, улыбаясь ярко-накрашенными губами.

Эйдан показательно кашлянул.

— Мисс, не подскажите, как нам попасть в Детскую обитель?

Женщина нахмурилась, надувая щеки.

— Куда?

— Ну, в Детскую обитель, — друг прикусил губу, — заброшенные детские сады...

Контроллер сначала вопросительно изогнула бровь, но потом насмешливо покачала головой:

— В призрачном Броквене все по-другому, грамотеи. У нас тут другие названия и маршруты. Вам в Этис, там все-все дети обитают: и с садов, и с приютов. Прямо мир детства, все радужное такое, как во снах. Жаль, что детки давно *мертвы*.

Несмотря на то, что было известно о том, в Броквене все мертвое, и дети в тех местах мучительно погибли, я все же вздрогнула и покрылась противными мелкими мурашками. Грубоватый режущий тон и деревенский акцент мертвячки казался мне гробовым, вконец отчаявшимся и смирившимся с тем, что детишки Броквена так и не увидели настоящей жизни.

— Скажите, везде другие названия и пути? — спросила монотонно я.

— Везде, — женщина харкнула на землю. — Призрачный Броквен – сплошной перевертыш. На одной улице у нас дома, а за переулком неожиданно могут быть склоны. В Этис вам на восток, у нас указатели везде имеются. Там на Акилесе поймаете судно и доплывете до Кабака, Лайланд правее, через еловые и кедровые леса. К Джайвану – он в западной стороне – надо доплыть через реку Нерос. А Силенту на одном высоком холме стоит. Бэддаини недалеко от Силенту.

Мы с Эйданом удивленно переглянулись, сердце забилося с новой силой у обоих, а запах удачи перебил приторный аромат города. Неужели она знала?

— Что уставились друг на друга? — усмехнулась женщина. — Призрачную брошь и эти тошнотворные бирюзовые волны я и в коме узнаю. Наконец-то по наши мертвые души пришли спасители, а то я в этой шарашкиной конторе двести лет гнию, надоело уже. Идите, мальки, с Богом. Мне моя помощь вам там ещё аукнется, надеюсь.

Эйдан вспыхнул, а меня пробило на улыбку, искреннюю и радостную. Как же нам все-таки повезло, а! Меня как будто выкинуло из этого призрачного транса, кровь в жилах запульсировала с новой силой. Хотелось бежать по маршруту, расплёскиваться магией направо и налево, искать везде Филсу и бабулю Эйдана. Желание жить и подарить блаженство усопшим билось в грудной клетке. Даже наша бирюзовая магия затрепетала, оплетая каморку. Эйдан вдруг приблизился к контре вплотную, распахивая глаза так широко, что они, казалось, вот-вот вылетят из орбит.

— Так может, вы ещё и про Отца знаете, о котором все говорят-не говорят?!

Из улыбчивой гордой женщины контроллер вмиг превратилась в загнанную собаку при упоминании этого Отца. Она стала еще бледней, мощные руки задрожали, также как и губы.

— Что с вами, мисс? — настороженно поинтересовалась я, чувствуя, как в груди становилось тяжело.

— Н-н-н-нам нельзя о...

Тётка осеклась, как только вдалеке, со стороны парковки послышались душераздирающие панические вопли:

— **Тума-а-а-а-ан! Туман, спасайтесь скорее!**

Контроллер вскрикнула, застучала по столу и залязгала цепями.

— Черт! Только не это! — и мигом захлопнула окно.

Я и Эйдан синхронно обернулись в сторону множества хлюпающих звуков и криков призраков. Кажется, сердца наши тоже синхронно остановились. Бешеная дрожь овладела телом, пот быстро впитался в одежду, а во рту пересохло. Мы начали медленно пятиться назад. Я призвала трясущимися руками магию, а Эйдан отстегнул от рюкзака Эйнари, до скрипа сжал в руке.

На нас надвигалось большое, просто огромное облако грязно-белого тумана. Это был тот самый густой, хищный туман, который я видела в живом Броквене. Он захватывал в свои объятия здания, машины и, конечно, невинных призраков на той стороне. Звон цепей наполнил улицу. С умершими на парковке и около торгового центра творилось что-то ужасное: только туман достигал душ, он впивался в цепи, душил сгустками. Тела несчастных портились до безобразия: конечности выгибались и удлинялись, лица вытягивались и приобретали видные оттенки враждебности и сумасшествия, а на изуродованных тушах появлялись те самые трупные зеленоватые пятна.

Призраки на нашей стороне принялись бешено лететь, панически кричать и расталкивать друг друга. Из пустых глаз лились слезы, ноги и руки стирались в кровь. Началась паника. Мимо нас пробегали животные и те же души, чуть ли не сбивая с ног. Визги резали слух, давили на нервы. Сборище из нормальных душ двигалось врознь. Земля содрогалась, также как и голубая дымка от лязга цепей. А те призраки, коих поглотил туман, загудели и... вместе с белыми облаками полетели на оживленную улицу, растопыривая длинные конечности и распахивая пустую пасть.

О Боже милостивый...

— Бежим!

Я сжала руку Эйдана так крепко, как только могла, стараясь не потерять его в паникующей толпе. Тот быстро среагировал, покричав что-то невнятное и сжав мою мокрую от пота ладонь. Наш бег становился все синхроннее и быстрее, адреналин в крови поднялся, а животный страх полностью захватил разум. От протяжного рванного воя содрогались здания, туман вместе с озверевшими призраками стремительно плыл по улице, захватывая других несчастных. Мы видели это, видели своими затуманенными глазами. С разинутыми ртами и трупными пятнами призраки бежали на четвереньках, хрюкая и часто качая вздутыми головами. Не успевших спрятаться душ забирал туман, превращал в таких же уродливых агрессивных чудовищ, жаждущих холодной крови. Облако заглушало жалобные крики и превращало в хрип.

Остальные взбирались в здания, захлопывая все двери и окна и смотрели на нас с Эйданом, бегущих и испуганных.

Магические волны поспедали за нами, не решаясь атаковать хищный туман. В голове была только одна мысль, — бежать, бежать как можно дальше и быстрее. Сердце ударилось о рёбра, вырывался кашель с мокротой, в боках кололо. А туман все надвигался, явно намереваясь схватить нас. Силы уже были на исходе, я чувствовала, как начинаю задыхаться. Эйдан тоже бежал из последних сил, все ещё держа жезл. Мы двигались левее, вплотную к темным переулкам. Даже на промокшие насквозь от вонючих озерных луж ботинки мы не обращали внимания.

— Я даже не знаю, куда нам деться! — сипло проорала я. — Все двери заперты!

— Черт, нас уже почти настигли! — крикнул Эйдан, указывая взглядом на мутные сгустки около нас.

Оборачиваться жутко не хотелось. Хотелось придумать, как нам спастись.

— М—может, нам на— а—а—а—а!

Я не смогла договорить. Почти чёрная призрачная рука схватила меня за рукав и потянула в переулок, а я же уволокла туда и Эйдана. Мы упали на мягкие места, проскальзывая по всем шершавым каменным дорожкам. Из уст вырвались только глухие постанывания. Все тело заныло, а сердце намеревалось выпрыгнуть из—за бега. Я видела, как туман с озверевшими призраками мчался вперёд. Затем этот вид закрыл мертвяк в черном плаще с созвездиями и длинной седой бородой.

— Гостлен и Тайлер, — произнёс старческий подрагивающий голос.

Мы потихоньку очухались и отдышались. Эйдан, мимолетно взглянув на меня, перевёл взор на призрака.

— Допустим. А кто вы?

Мужичок резко подставил палец к губам. Паника и вой все не прекращались.

— Бегите, детки, — голос перешёл в обессиленный хрип. — Бегите как можно скорее. Уходите отсюда, здесь опасно, очень опасно. Я не позволю вам умереть, он не разрешил... Как только выбежите из переулка, сразу окажетесь перед Этисом. Бегите.

В этот же миг старика за ногу схватил обезумевший призрак, выбежавший из тумана. Мужик закричал пронзительно, режуще. Он упал на землю, голубая нога закровоточила. Озверевший принялся запихивать призрака в пасть.

Эйдан вмиг поднялся, зашаркал кроссовкам и поднял за плечи меня.

— Давай, Еленочка, миленькая, погнали!

Я, кашляя, поднялась и вновь побежала с Эйданом. Злая душа так была заинтересована пожиранием старика, что даже не заметила, как мы двинулись вперёд. Только мерзкий чавкающий звук преследовал нас.

Чем дальше мы бежали, тем становилось светлей. Бело-голубой свет резко защищал глаза. Мы вскрикнули, как только почувствовали склон под ногами. Потеряв равновесие, мы упали и покатались вниз. Показалось, что это была гора, серо-травянистая гора. Трава прилепилась к одежде, залетела в рот. Я и Эйдан еле успевали кричать, катясь друг за другом колбасой. Ночное, уже чуть посветлевшее небо мелькало перед глазами, также как и что-то яркое, находящееся внизу.

Через несколько метров склон превратился в ровную землю. Я скатилась и несильно ударилась обо что-то, а Эйдан, коротко ойкнув, врезался в меня. Над нашими телами плыли магические волны. Быстро моргая, я увидела несколько сотен воздушных шаров, поднимающихся в воздух. Светились яркие огни, за красными блестящими стенами слышалось множество детских веселых криков, таких мелодичных и сладких. Перед глазами всплыло беззаботное детство, множество конфет, игрушек и друзей. Цветочные поля и качели, закатное солнце, мамин суп. Я почувствовала себя в юности, смотря на эти шарики и яркую стену.

Этис.

Глава 7. Пристанище детства

Не обращая внимания на головную боль, я повернулась к Эйдану, что завис в позе эмбриона. В обеих руках он сжимал жезл, глотая резко освежившийся воздух. Я заморгала, теребя друга по плечу.

— Эйдан, ты жив вообще?

Тайлер медленно перевёл взгляд на моё чумазое лицо, усмехнулся.

— Был бы мертв, ты бы уже увидела мою синюю душу. Я так, раздумываю о том, что эти голубые волны могли бы смягчить нам посадку.

Я заметила, что глаза Эйдана были на влажном месте, в них отражался яркий невинный Этис и... ещё несколько бликов.

— Тоже детство вспомнил? — я осмелилась погладить кончиками пальцев по его испачканной щеке, аккуратно стирая грязь.

Эйдан будто всхлипнул, но при этом улыбнулся.

— Я не умею врать, да?

Я лишь коротко кивнула, продолжая гладить уже побелевшую и потеплевшую щеку. Подумать только... Пять лет было мальчишке... Потерял самое дорогое, что у него было. Потом потерял ещё раз, уже цепляясь за последнюю ниточку надежды. Не утратив свои утешительные способности, я перевела взгляд на красный щит Этиса и шарики, беззаботно колыхающиеся в городской дымке.

— Что ты видишь? — спросила я, указывая на прозрачную багровую оболочку.

— Маму, — Тайлер перешёл на шепот. — Она укачивает меня на руках, кормит из бутылочки моим любимым клубничным молоком. Я помню его вкус. Такой сладкий и насыщенный, дольки такие ещё плавают. Папа... он купил мне дорогие машинки и железную дорожку. До сих пор эти игрушки храню... Они так звонко смеются.

Глаза Эйдана остекленели, по щеке покатила одинокая слеза. Тайлер не плакал, лишь с приоткрытым ртом смотрел на Этис. Посмотрев на красный щит ещё раз, я увидела невзначай Филсу. Такая маленькая, худощавенькая девочка в поношенных джинсах и розовой футболке. Её белые шелковистые волосы щекотали мне нос, светлые—светлые зеленые глаза, точно ангельские, добродушно смотрели на меня, а улыбка не сползала с лица.

— Опять пластырь сменила?... — я заворожённо забормотала себе под нос, замечая любимый пластырь Филсы на переносице. С этим пластырем я видела её в последний раз.

— Не опять, а в сотый раз, Еленочка! — Силуэт Филсы произнёс эту фразу так нежно и легко... Раны на носу никогда не было, подруге просто нравилось носить разноцветные пластыри с рисунками как украшение. Я это помню...

Её фирменный изумрудный кулончик, на котором был изображён темно-зелёный цветок с искрами, блеснул от света луны. Всегда хотела узнать, откуда же у Филсы взялся этот чудный кулон. Она говорила, что папа подарил его, а папе передала бабушка, а бабушке подарил прапрадедущка, а сам кулончик создал прапрапрадедущка... Я почувствовала, как глаза мутнеют и слезятся. Помню, как мы с Филсой придумывали истории Призрачной броши и, как мы называли, кулону Возрождения. Прекрасные были времена...

Стало так хорошо и одновременно тоскливо на душе при виде фигуры Филсы и беззаботного блаженного Этиса. Хотелось пойти за подругой туда, где пахнет тиной и квакают призрачные лягушки. Никуда не хотелось идти и возвращаться, не хотелось видеть этот противный суровый Броквен. Было желание уто...

— Ах-хах-хах, проклятый Броквен!

Я получила легкую пощечину. Отвернулась и часто завертела головой, пытаюсь опомниться. Фигура Филсы постепенно рассыпалась на мелкие песчинки, превратившись в страшную морду привидения. Во рту появился вкус горечи, а свет от шариков прямо резал по глазам. Подул ветерок, и они резко испарились. Осталась только красная сверкающая оболочка.

— Что? — недоуменно воскликнула я, потирая горящую щеку.

— Посмотри на меня, Елена, — послышалось со стороны Эйдана.

Я тут же устремила взор на друга, внимательно следя за голубой дымкой и густым туманом в городе.

— Это иллюзия. Очередная аномалия, — Тайлер взял меня за щеки, заставляя открыть рот, и впихнул какую-то таблетку, а затем поднёс к губам воду. От неё шёл пар. — Броквен и этот Этис нас дуруют откровенно. Как я и думал, впрочем. Выпей таблеточку, освежимся-ка.

Я стала различать горький пресный вкус таблетки. Небо зашипало от тающей капсулы.

— Для чего она? — я почему-то подумала, что Эйдан задумал что-то нехорошее.

Фыркнув, Тайлер слегка надавил на нижнюю губу. Капли прозрачной пресной слюны покатались по подбородку.

— Глотай, Елена. Для головы таблетка, полегче станет.

Успокоившись, я проглотила круглую капсулу и сразу запила холодной водой. Пару раз кашлянув и полной грудью вдохнув мертвого воздуха, я почувствовала, как боль медленно отступает. Постепенно я вернулась в чувство реальности и переварила слова Эйдана. Точно... Я ведь представляла, что Этис – сплошная иллюзия для умерших ребятишек. Кажется, его иллюзии касаются не только призраков детей...

— М-да, унылая и заносчивая штука этот призрачный Броквен, — Тайлер поднялся, помогая мне встать. Он принялся отряхиваться, также как и я. Грязь, что осела на одежде и теле, пахла покойниками.

— Будем поаккуратней, — ответила я, вытирая об траву ботинки. — Кажется, это не единственный сюрприз.

Я посмотрела наверх, сузила глаза. В центре улицы туман уже рассеялся, крики и лязги цепей стали совсем не слышны. Сгустки виднелись снова где-то на горах и между проводов электростанций. Это нашествие так же, как и вчера днем, внезапно началось и прекратилось. Как еще назвала это мисс Джей: «всплеск». Думаю, теперь было понятно, почему это так называлось. Черт, что-то мне не нравится...

Тем временем Эйдан уже надел рюкзак на плечи, закрепил на застежке Эйнари. Он глотнул воды, почесывая затылок.

— Что, думаешь, там тоже такая же чертовщина будет? — Тайлер закрутил горлышко бутылки, сходя по пригорку к массивной прозрачной двери.

Руками я призвала свои бирюзовые волны. Магия тут же спустилась небес, проходясь краями по траве. Затем, вдыхая свежий запах своих волн, поправила брошь, прочнее закрепляя. А то вдруг отстегнется!

Подойдя к Эйдану, я увидела, как тот перекрещивался.

— Ну, с Богом, — он чуть поклонился и посмотрел мельком на меня. Я поспешно сделала то же самое, что и друг, кивая ему.

Потом осмелилась подойти вплотную к двери. Она блестела красной дымкой, золотые узоры переливались алыми бликами. Златые рисунки изображали медведей, мячики, скакалки, ну, и, конечно, крест, наверняка обозначая то, что Этис мертв. Когда я прикоснулась к золотой ручке, кожу чуть обожгло, но магия смогла меня защитить. Я глубоко вздохнула, ещё раз взглянула на Эйдана и силой, добавляя ногу, распахнула дверцу.

Что ж так ярко?!

Наши глаза ослепил яркий, ядерный оранжево-жёлтый свет. Кончики магических волн окрасились в золотой, по пространству заскакали узоры, с легким звоном ударяясь о цепи.

Этис внутри этой красной оболочки действительно оказался мечтой, ну или сказочным сном из детства. Легкие активно наполнялись подобием свежего чистого воздуха. В волосах запутывались лепестки ромашек, одуванчиков и петуний. Тут играл громкий, задорный дружный оркестр, что плыл по оранжевой дымке. Он состоял из мелодичных валторн, звонких фоготов, больших органов и оглушающих тарелок.

По Этису также летали огромные плюшевые и надувные игрушки. Медведи с широкой улыбкой, щекастые зайцы и гордые птицы соблазняли сесть на их пушистые плечи и полететь в мир беззаботной юности. Рынки со сладостями, светящимися бластерами и лёгкой одеждой довоенных лет протягивались вдоль всего аномального места.

Ну, и, конечно же, по улицам Этиса разгуливали дети разных возрастов — от пяти до четырнадцати. Они все оставались голубыми, светящимися, с белыми глазами и кандалами, но

тут практически на каждом лице сверкала радостная улыбка. Даже несколько сотен взрослых ходили с лыбой до ушей. Вот это да...

— Елена, — окликнул Эйдан, — ущипни меня.

Я повернулась к другу. Он блестящими возбужденными глазами оглядывал призрачную лавку с прозрачными пакетами чипсов и сухарей, от которых пахло то ли беконом, то ли луком, то ли вообще усилителями вкуса. Из рта Тайлера стекала прозрачная пузырчатая струйка слюны. Зрачки расширились до неописуемых размеров. Я не сдержала ехидного хохота, доставая из кармана сарафана салфетки.

— Так вот какую ты чертовщину имел в виду, — не переставая лукавить, я притянула его к себе, вытирая подбородок, словно годовалому дитя.

— Там... так... много... чипсов... — Эйдан говорил невнятно, жезл стал скользить в его вспотевшей ладони, — давай... купим...

Я громко усмехнулась, хлопая рукой по набитому рюкзаку.

— Иди ты в пень, гастритник. У тебя лежит в рюкзаке целый пакет чипсов. И то, может, я тебе не разрешу и выкину их к чертовой матери.

Отойдя от приятного потрясения, Эйдан состроил губы бантиком.

— Не понял, у тебя материнский инстинкт проявился здесь? — он затопал ногой. — Я, вообще-то, тебе уже в мужья гожусь, но никак не в ребёнка.

— Да что ты заладил со своим мужем?! — мои волны чуть потемнели. Ишь, на женитьбу намекает! — То в лесу о жене говорил, то в городе о помолвке, а теперь ко мне в мужья записываешься, негодник!

Эйдан покраснел и нахмурился.

— Что-о-о?! — он часто задышал. — Я не напрашиваюсь к тебе в мужья, это сарказм! Тебя в жены брать, чтоб ты мне мешала чипсы есть? Не-е-е!

Я яростно топнула ногой, чувствуя, как щекам приливает кровь. Не знаю правда, от злости или смущения.

— О да, если бы я была твоей женой, твои чипсы в могилу бы закапала! Бе! — не сдержалась и показала ему язык.

А ведь и правда... Эйдан же просто шутил, а я так завелась... Надо же, как меня его шутки зацепили.

Тайлер вплотную подошёл ко мне. Видимо, хотел взять за язык, но не успел.

— Тили-тили тесто, жених и невеста!

— Раз, два, три, четыре, пять — невесту ведём замуж выдавать!

— Кольца и омлет — от горячего жениха пламенный привет!

По всем сторонам слышались веселые, слегка насмешливые возгласы. Мы с Эйданом окончательно слились с красной призрачной оболочкой, опустили головы, одновременно пытаясь найти источник звуков. Я заметила, как образовала круг некая синяя нить, похожая на скакалку. Показались призрачные ножки и миниатюрные серебристые цепи. Слышались смешки.

— Смотрите, смотрите, это живые жених и невеста! — одни из ножек плавно запрыгали.

Мы одновременно подняли головы и тут же удивились. Нас замкнули в круг десять детей, паря над скакалкой и взявшись за руки. От них веяло холодком, белые глаза с интересом смотрели то на нас, то на жезл Эйнари и Призрачную брошь. Голубые волны сплелись друг с другом, замыкая третий круг. Синие, серые и бледно-зеленые волосы парили в воздухе, моя магия и волны Эйнари игрались с почти неосязаемыми ручками детей. Они были одеты допотопно, в зашитых яркими лоскутами шортах и комбинезонах. Детки все скакали и скакали, поднимая руки и крича сопливые четверостишия.

— Эй, шелупонь, а ну, прекратили шабаш! — первым хлопнул в ладоши Эйдан, потев от посторонних, чересчур тёплых взглядов и трепещущих перешёптываний.

Я кашлянула, поддерживая Тайлера.

— Как вам не стыдно! Незнакомые люди, а вы ставите их в неловкое положение! — Ага, мы сами себя поставили в неловкое положение...

Призраки детей вдруг остановились, синхронно поднимая скакалку. Глаза превратились в пять копеек.

— Разве вы не жених и невеста? — спросил пухленький мальчик так невинно и с легкой грустинкой, аж подыграть захотелось.

Я ударила себя по лицу, а Эйдан нервно хихикнул.

— До женитьбы нам не дожить, малыш, — друг хлопнул мальчика по плечу, наблюдая на себе удивленные взгляды ребятишек.

— Ага-а-а, — девочка, явно жившая в богатой семье, вздёрнула носиком, оглядывая мою мерцающую на груди брошь. — Значит, просто жить в том скучном Броквене надоело? Вы пришли, чтобы повеселиться у нас, в Этисе?

Почему-то писклявый нагловатый тон девчушки вызвал у меня тяжесть в горле, аж оранжевая дымка исказилась в моих глазах. Оркестр все продолжал играть и веселить мертвых жителей, но уже не так громко. Или мне так казалось?

— Ээ, можно и так сказать, — я почесала затылок, стараясь увильнуть от детских взглядов, в то время как Эйдан во всю давал им щипать и трогать себя. Он прямо замуровал себя этими призраками!

— Нам нужно здесь кое-кого найти, — смеясь, сказал Тайлер, обнимая ребятишек. — А затем пойти на подвиги и отправить всех вас в то место, где ещё лучше!

Призраки отодвинулись от Эйдана, возбуждённо переглядываясь друг с другом. На миниатюрных, круглых сытых личиках читалась хитринка.

— Перед тем, как пойти на подвиги, люди развлекаются здесь, — проговорила шепелявая девочка с кичками на голове. — Едят конфеты, играют, прыгают на батутах и все такое.

Мы встретились с Эйданом взглядами. Повисла тишина, разбавляемая уличным гулом и ненавязчивым оркестром, а также попкорн-машинами. Я напряглась, а Тайлер вновь сжал улыбающихся детей. Волны вокруг призраков трепетали и словно танцевали танго, а наша магия подыгрывала им. Оранжевая дымка задёргалась, запах сладостей усилился. Детки еле держались, чтобы не сказать что-то - надули рты и скосили коленки. Сам же Эйдан говорил, что нам нужно торопиться, не тратить время зря. Да и я четко знала, что все здесь было миражом, и наверняка удовольствия особого не получу, а может, даже и вновь увижу Филсу...

Но сейчас глаза Тайлера думали не об этом, несмотря на то, что башня с игрушечными часами показала дымчатую дату «двадцатое апреля».

— Эйдан, нет... — я сощурилась, стараясь противостоять этому щенячьему взору.

— Эйдан, да... — он постепенно улыбнулся, заметив где-то вдалеке крылатые качели.

Черт, я не могла ему ничего даже сказать! Фигов милый взгляд и воспоминание о том, что детства с родителями у него практически не было... Хм, действительно, может, дать ему повеселиться? Может, на подсознательном уровне Эйдан хотел почувствовать то, что перестал испытывать после пяти лет? Казалось, так и было. Недавние воспоминания о матери с отцом, столь приятное, пахнущее молоком место и знакомые игрушечные паровозики наверняка припоминали ему о детстве, затягивали в эту пучину счастья. Словно Тайлер желал окунуться в прошлое хоть на чуть-чуть, а может и остаться в нем, чувствуя обманчивое тепло материнских объятий. Плохо дело...

Я глубоко вздохнула, отмахиваясь от голубых сверчков. Жалость к Эйдану мешала быть твёрдой. Сердце подсказывало, что нужно дать мальчишке испытать счастье. У него его, к сожалению, не было. И пускай Эйдан говорил мне сто раз, что все хорошо и он смирился, взгляд и настроение менялось, когда попадали в поле зрения среди прохожих призраков полные семьи.

— Только недолго, — голос мой неожиданно охрип, но, видимо, все услышали. Дети оживились, вновь плавно запрыгали и поплыли вглубь Этиса, зазывая нас с собой. Их мелодичные голоса все так же убаюкивали и заставляли впадать в спокойствие.

Тайлер поспешно встал, поправил рюкзак и звонко засмеялся.

— Спасибо, Елена, ты лучшая! — Эйдан последовал за тянущимися цепями, перепрыгивая через них. — Мы ненадолго!

Я усмехнулась, призвала волны к себе. Бирюзовый свет приятно замигал перед глазами. Я неспешно последовала за кандалами, но приостановилась, ибо заметила на цепях... блеклые зеленые капельки, что стекали вниз по оковам, будто утолщали их. Когда они скатывались на землю, то образовывали мимолетные искры, расходящиеся на зеленые трещинки. Капли несколько замедляли полёт детей, образовывали на животах видные кислые мозоли.

Что это?

Дальше мы с Эйданом действительно окунулись в настоящее детство, нескончаемую реку веселья и безграничного счастья. Первым делом Тайлер, конечно, все-таки ухватил небольшой пакетик чипсов с прилавка на большом рынке, щедро отплатив призрачной продавщице. Но мы договорились, что чипсы пойдут в ход лишь после употребления супа из уличной столовой. Дети тут же захотели поесть за компанию.

Вообще изначально я хотела возмутиться из-за покупки, ведь столовая эта продала грязную тарелку прозрачной гущи с куском переваренной курицы. Однако стоило подойти с пойлом к широкому столу, где расположился Эйдан и те самые десять призраков детей, похлебка тут же изменила вид. Она облачилась в самый настоящий суп с фрикадельками, приятного жёлтого оттенка, с кусочками свежей моркови и картошки. Я чуть не выронила ложку, плеснув на ладони пару горячих капель. Однако дети с удовольствием продолжали уплетать мутный суп, играясь с оранжевой дымкой и солнечными зайчиками, что прыгали по цветущему столу.

— Это что? — Тайлер не скрыл такого же удивления, чуть приподнимаясь.

— Суп, — ответил мальчик с белой, испачкавшейся в крови, повязкой на глазу. Он, видно, не понял нашего изумления. — Обычный обед плантации номер семь. Запасов не очень много, няни стараются экономить.

— Какая разница? — закартавила девочка, от которой пахло огнём и порохом. — Мы мертвы, сколько ни ешь, ни голода, ни насыщения мы все равно не чувствуем. Так в призрачном Броквена везде.

Я попробовала на вкус суп. Он был безумно вкусным, горячие фрикадельки чуть жгли язык, а бульон наполнял теплом. Странная иллюзия...

— А в чем, собственно, прикол? — я изогнула бровь, смотря на улыбающихся детей.

Детишки захихикали.

— Для живых путешественников суп становится более вкусным, — сказала одна из девочек в ободранном сарафане. — Вы просто из другой эпохи, а значит, для вас даже суп готов измениться. Таково гостеприимство Этиса!~

— И для Отца суп другой! — подметил пухленький мальчик.

Эйдан аж поперхнулся собственной слюной. Я поставила тарелку перед другом и, пытаясь не заорать от нарастающего страха, сделала скептический вид.

— Какой такой О...

— Не важно! — вскрикнула девочка с кичками, которая недавно и образовала круг. — Э-это он про папу своего живого, д-да, хе-хе!

Призрачные ребята заметно напряглись. По маленьким вискам потек... зеленоватый пот. Глаза расширились, маленькие мышцы напряглись. Они опять были напуганы, также как и те призраки при упоминании Отца. Маленькие ерцецы, отворачиваясь от солнечных зайчиков и живых, летающих, поющих простые мелодии плюшей, стремительно выплыли из-за большого красного стола, на котором трапезничали ещё несколько сотен детей. Еле слышно хныкая от давящих цепей, они подняли нас за собой.

— Лучше полетели дальше! — прикрикнула весело богато одетая девочка, роняя свою тарелку с пустой похлёбкой в потоки рыжих волн. Они понесли миску куда-то за множество цветущих белым вишен, через карусели, а там и в ночное небо. — Нас ждёт еще столько всего интересного, нечего своё драгоценное время на еду тратить. Она все равно быстро переварится!

— Вот-вот, пойдёмте, покатаемся на крылатых качелях! — объявил пацан с повязкой.

Напряжение Эйдана, который нёсся вместе со мной по оранжевым и багровым тяжелым волнам, вдруг резко испарилось, только он заметил в своих руках чипсы. Слушая мелодичные голоса душ и оркестр, купаясь в объятиях огромных плюшевых игрушек, Тайлер хлопнул хлипким пакетом.

— Сначала суп, — все ещё гуляя наполовину в своих мыслях, строго сказала я.

Призраки обернулись, чуть не хлестая Эйдана по попе кандалами. Тот вновь нахмурился, придерживая под локоть жезл Эйнари. Сладкий свежий запах цветов перебил противный аромат лука.

— Супа уже нет, милочка, — он победно пожал плечами.

Вмиг перед лицом Тайлера показались бирюзовые волны, что освещали наши фигуры. Блестящие дорожки вручили ему в руки контейнер с супом, но забрали пакет чипсов. Эйдан заметно удивился, держа в дрожащих жилистых руках контейнер. Моя магия же вновь слилась с волнами Эйнари, и они поспешили вдаль Этиса, оставляя бирюзовые следы на конфетных домах и электростанциях.

— Суп, Эйдан, — победно пожала плечами уже я.

Кажется, со сторон призрачных детей вновь слышались четверостишия про жениха и невесту...

Потом, как я уже говорила, нас потащили по разным аттракционам, уволокли в разнообразные развлечения. Места Этиса и правда напоминали прошлое, только чуть-чуть другое

— без проблем и смертей. Мы до «солнышка» катались с Эйданом на крылатых качелях, иногда улета в потоки дымки от столь сильной раскачки. На качелях можно было увидеть всю Детскую обитель. Рынок простирался от начала до конца, сотни ярких призрачных домиков парили над жёлтым щитом, через который виднелось небо. Где-то вдалеке работали карусели, прыгали вместе с тысячью призраками в военной форме игрушки. Искрились каждую минуту фейерверки, освещали аномальное место салюты. Корни зрелых деревьев щекотали пятки. Да, мы с Тайлером даже разулись, бегая по чистому, мокрому газону, что находился на отдельном участке. Мы прыгали и валялись в сиреневых облаках, создавали друг другу бороды и усы. Наелись кучу сладостей, Эйдан даже про чипсы позабыл. Яблоки в карамели служили валерьяной для наших напряжённых сердец. Мы катались на колесе обозрения, нас поташнивало на каруселях и на летучем корабле. С прогулкой в Этисе я совсем позабыла о горе, своей миссии и всех заботах, которые наложились с приездом в Броквен. Из Этиса не хотелось уходить, не хотелось искать Особенного призрака. Вообще ничего не желала. Хотелось вечно веселиться вместе с призрачными детьми в этом месте, играть и петь. Может, и правда нужно так сделать?

Сейчас у нас было уже не знаю какое развлечение по счету. Мы прыгали на большом широком батуте с одной девочкой-подростком, на вид лет двенадцать. Ноги были перевязаны бинтами, была одета она в медицинское платье. Но девчушка так профессионально прыгала на батуте, так выгибалась... Остальные призраки, сопровождавшие нас, прыгали где-то в дальних углах, оставив с ней. Кстати, девочку звали Беатриче.

— И как вам здесь у нас, в призрачном Броквене? — поинтересовалась девчушка, поглаживая ободранного кота.

Мы снова подпрыгнули в воздух.

— Потрясающе! — я возбуждённо выдохнула, улыбаясь. — У вас в Этисе так спокойно и хорошо!

— Ага! — согласился Эйдан, опускаясь вместе со мной. — Так бы и остались здесь! Я столько сладостей наелся, а ведь даже живот не заболел! Это потрясающее место!

— А я впервые в своей жизни сделала «солнышко» на качелях, — я мечтательно прикрыла глаза. — В Этисе все желания исполняются!

Девочка слабо усмехнулась, садясь в позу лотоса, пока подпрыгивала. Её цепи звенели где-то внизу, держали на своём месте.

— Я рада, — она попыталась улыбнуться, но вышло натянуто. Ещё её выдавали мешки под глазами и уставший вид. — Вы же ведь пришли нас спасать?

Мы не придали значения этому вопросу. Конечно, живые, специально одетые, с целым посохом и магической брошью... Думаю, достаточно для того чтобы полагать, что мы местные герои.

— В точку, подруга, — отозвался Эйдан, показывая жезл. — Через четыре дня вы уже будете наверху. Так что не переживай, твоего котика там заполируют до дыр, и будет уже гордый котяра. Я прав, Елена?

— Несомненно.

— Хорошо, — Беатриче выдохнула, — я уже устала бегать от тумана.

И тут веселье как рукой сняло. Я вспомнила недавний инцидент с густым туманом, и по позвоночнику снова пробежался табун мурашек, хотя в Этисе было тепло. Кажется, Эйдан тоже припомнил озверевших призраков.

Девочка продолжила, тяжело охая:

— Когда он настигает нас, мне так больно. Всем остальным тоже больно. Представляете, туман против воли заставляет тебя злиться и реветь. У меня до сих пор челюсть и кости болят...

Моё дыхание сперло. Я уже не чувствовала той бодрости, не вдыхала цветочный аромат. Батут уже сам поднимал меня. Тело онемело. Казалось, яркие цвета Этиса потемнели, вырисовывая бьющиеся в агонии морды.

— А... как это происходит? — я даже не поняла, что за вопрос задала.

Беатриче оглядела свои оковы.

— Кажется, туман притягивают эти цепи, — она жалобно хмыкнула. — Видите эту непонятную слизь? Когда это все началось, она скапливалась с каждым разом... Такая противная и ужасно жгучая. До неё даже дотронуться нельзя.

— А когда это началось? — спросил дрожащим голосом Эйдан.

— Именно это полтора года назад, — Беатриче закачала головой, — С этого момента в Этисе и поставили вон ту башню, которая объявляет о нашествиях тумана, — она указала на далёкую синюю башню, вокруг которой летало особое обилие оранжевой дымки. — Говорят, что как раз таки нужно подождать до двадцать четвёртого апреля. Хм, по-моему, все говорят что-то про озеро.

Эйдан встрепенулся.

— Так, наверное, это все про нас говорят? Мы как раз собирались идти к озеру Бэддай-нилэйкер.

Девчушка вспотела, озадаченно хмуря брови.

— Н-нет, не про вас. Кажется, один мужчина из Джайвана приходил в Этис и говорил, что зелёная слизь с наших цепей пригодится для некой наследницы. Н-не думаю, что эта вода может сделать добро... С его прихода туман стал появляться чаще. Мы еле выдерживаем его нападки. Мне страшно...

Мы с Эйданом совсем похолодели. Для какой цели нужна слизь на Бэддайни? Что за наследница и мужчина из Джайвана? Может, это просто псих? Ничего не понимаю...

— Что-то грядёт, — Беатриче сглотнула. — Двадцать четвёртого апреля явно произойдёт что-то... нехорошее. Возможно, вы разговаривали с нормальной мной в последний раз. Слизь поглотила уже больше половины моих цепей и все больше приковывает к моему месту. Такое чувство, что скоро мы все вращёмся в почву...

Я взглянула на кандалы девочки. И правда, противная субстанция прилепилась к ним, и все плотнее прижимала к земле. А остатки жидкости струйками катились на восток, прямо в сторону... Бэдайнилэйкер.

— Оно делает нам хуже... — девчушка перешла на шёпот, кот зашипел на слизь.

— Не знаю, что это за чертовщина, но мы постараемся вам помочь, — я вновь легко подпрыгнула, чувствуя, как вокруг становится все холоднее. — Мы...

— Ой, Елена, смотри! — договорить мне не дал Эйдан, что рьяно указывал на... блестящий золотым и алым мячик, что выкатился из-под одного танка, проезжающего мимо батутов.

Мелкий предмет катился куда-то за кварталы Этиса, прямо туда, где было больше всего танков и мертвых людей в форме. Тайлер опустил и спрыгнул с батута, начиная идти за мячом.

Кислые персики.

— Простите, — я вежливо извинилась перед Беатриче, опускаясь на гладкую поверхность. — Кажется, мой товарищ что-то заметил.

Девчушка так и застыла в позе лотоса с противно мяукающим котом, напряжённо смотря на катившийся мячик. Призрачная дымка вокруг неё потемнела.

— Аккуратней, — произнесла монотонно она, — я знаю, чей это мячик.

Последняя фраза пролетела мимо ушей. Я слезла с батута и побежала за Эйданом и мячом, а волны принялись отталкивать остальных призраков.

Быстро догнав, сжала его руку. Даже ничего лишнего не промолвила, лишь поправила косы.

Спросите, зачем нам бежать за каким-то мячиком, коих на нашем пути катилось уже сто штук? Это был необычный мяч. Он переливался золотым, мелькали на нем искорки красного и изумрудно-розового. При таком сочетании цветов наша магия затрепетала с неистовой силой, пулей летя к более тихому местечку Этиса. Она стала светлой, очень яркой. Магия нескончаемо лилась из броши и жезла, подталкивая за поясицы. Волны гнались за мячом, который катился все быстрее. Такая реакция и сочетание мерцающих цветов на игрушке могли указывать только одно: этот предмет был связан с Особенным призраком. Не говоря ни слова, мы все бежали и бежали, толкая в разные стороны весёлых до тошноты призраков, большие игрушки и грязные цепи.

Когда почти приблизились к мячу, перед нами неожиданно проскочила военная повозка с костлявой лошадей. Эйдан нецензурно ругнулся, на миг теряя мячик из виду. Я же внимательно оглядывала уже незнакомую улицу Этиса, уже не такую яркую и цветущую.

— Вот он! — потом таки нашла взглядом мячик, что закатился к какому-то зданию, похожему по скромности на приют.

Мы вновь побежали. К нашему счастью, мячик остановился у окна того здания. Уже кадыхая и держась за рокошующее сердце, приблизились к дому. Сразу у меня появилось ощущение, что мы будто зашли за какую-то границу, перешли сквозь пленку...

Все начало меняться. Ночное небо превратилось в пасмурное, закатное. Под ногами прорезалась каменная дорожка, здания тоже исказились и поменялись. Красный бриллиант обернулся белым кирпичом, с золотыми отделками и янтарной крышей. Вокруг заходили уже живые лошади, которые возили туда-сюда вполне себе нормальных людей в синей военной форме с погонами. Они ходили по улицам, общались с другими людьми, которые одеты были уже в обычные платья и рубахи. Им продавали фрукты по талонам, кто-то протирал старые ружья, сидя на лавочке. Но атмосфера царила напряженная. В воздухе витал запах огня и крови.

— И-и начали!

Хлипкие окна содрогнулись от столь громкого вскрика. Эйдан даже не поднял мячик, концентрируясь на звуке.

— Откуда это? — спросил он вполголоса.

Я аккуратно подошла к распахнутому окну, чуть пригнулась. Наверняка нас могли заметить. Кровь в жилах закипела, все тело напряглось от быстрой смены местности. Как такое возможно вообще?

— Кажется, доносится изнутри, — прошептала через чуть приоткрытые губы.

Эйдан встал. Все ещё наблюдая за мячом, он придвинулся ко мне, касаясь носом подоконника. Увиденное нас смутило и несколько повергло в шок: среди потрескавшихся стен, по скрипящему полу около кроватей, где стояли выпрямившиеся, живые здоровые дети, бегал козлёнок. Такой же живой, из плоти и крови, с маленькими рожками, серой шерсткой и коричневыми глазами. Он что-то блеял, скача вокруг детишек в белых халатах. А посередине комнаты стояла, скрестив руки на груди, девочка лет десяти. Жёлтые большие глаза искрились лёгкой возбуждённостью и азартом. Огненные рыжие волосы, заплетенные в два лёгких хвостика, легли на плечи, облачённые в бежевую сорочку. Коричневый сарафан небрежно задрался, слегка оголяя бедра. Она широко улыбалась, оглядывая каждого ребёнка.

— Давайте, ребята, мы сможем! — ещё раз прокричала девочка. — Мисс Жаклин поручила нам это нелёгкое задание – подбодрить сильных солдат!

Ребята плотнее прислонили руку к сердцу, глубоко вздыхая.

— Раз, два, три! — девчушка хлопнула в ладоши.

— Клянёмся выйти на базу, дать своё веселое выступление и подбодрить доблестных солдат, чтобы они обрели силу духа и победили злых врагов! Клянёмся вселить в них ещё

большую любовь к родине и детям, что ждут победы! Клянёмся, клянёмся, клянёмся! — было видно, как детей покрыл пот и подкосились их коленки.

Девочка утёрла слезинку, скатившуюся со щеки.

— Какие мы молодцы! Мы и впрямь сможем дать солдатам ещё эмоции, кроме страха и тревоги! Меня это радует!

— Это ты уговорила Жаклин, Телагея! — улыбнулся один из мальчиков с повязкой на глазу.

— В книгах я читала, что благодаря силе духа принцы побеждали драконов! — сказала девочка с кичками на голове. — Думаю, благодаря нашему выступлению мы победим!

— Ещё как победим, чего стоят только наши песни! — девчонка топнула ногой, и, глубоко вздохнув, она ступила к двери и распахнула. — Про родной край, про маму и жену... Хорошие идеи!

Кажись, они хотели выйти! Я резко взяла Эйдана за рукав, и мы перекаатилось за угол приюта.

— Эй, а как же мяч?! — зашептал Тайлер.

— Потом! — вскрикнула я. — Вдруг они нас заметят?..

Послышалось блеяние козлёнка. Он выскочил на невысокие ступеньки и поскакал. За ним выбежала та девочка и десяток детей. Они, напевая маршевую мелодию, пошагали по улице, ловя на себе потеплевшие взгляды военных. Девчушка гордо вела за собой отряд, махая солдатам и широко улыбаясь. Казалось, от её исходило яркое сияние. Люди прямо—таки наполнились энергией, затрепетали и отложили свои дела. Дамочки обсуждали детей, хихикая и перекрещивая их. Военные выпрямились и отдавали честь детскому отряду и самой девочке, а она им. Юные звонкие голоса звучали по всей улице, отдавались эхом. Они держали путь в глубину квартала, весело маршируя. Козлёнок рьяно блеял и скакал за рыжеволосой девочкой, будто бы тоже напевая песню. Люди даже начали им похлопывать, напевая знакомый мотив. Даже серые облака пропали, уступая место розовому небосводу.

Идиллия прекратилась взрывом. Разнеслись крики. Асфальт испачкался в крови. Полетели в разные стороны горящие обломки здания в центре. Началась паника, люди забегали в разные стороны, бросая все свои вещи. Солдаты заорали, вставая на позицию:

— Атакуют! Нас атакуют! Все в укрытия!

Послышались частые выстрелы и топот копыт. На улицу ворвались другие люди в красных мундирах и чёрных фуражках. Что—то невнятно крича, они выставили перед собой пушки и целились на солдат в синей форме. Те уже подготовили ружья, они кричали на детей:

— Уходите! Здесь опасно!

Здания постепенно загорались, полыхали ярким пламенем. Люди бегали туда–сюда, хлюпая по кровавым лужам, перепрыгивая трупы. Дети пронзительно завизжали и ринулись врознь. Они заревели, закрыли уши и бежали, пачкая чёрные туфли в крови. Некоторых ребят застрелили сразу. Со стороны синих солдат открылся огонь. Сотни выстрелов, острых пуль, мужских криков и ржание лошадей — все слилось друг с другом. Небо окрасилось в яркий багровый цвет, показались клубы чёрного дыма. Но та девчушка все стояла и не знала, куда деться. Она только часто дышала, взявшись руками за голову.

— Нет, нет, нет! — она истошно орала, кашляя от дыма. — Все же должно было быть по–другому! Хватит! Прекратите стрелять! Ну пожалуйста–а–а–а!

Её криков никто не слышал. Девочка вся испачкалась в крови, наблюдая за тем, как солдаты погибали. В глазах померк тот огонёк, капилляры лопнули.

— Берегись!

Закричал хрипло один военный, открывая огонь. Дальше время словно замедлилось. Мы с Эйданом увидели, как в спину девчушки летела пуля. Всхлипывая, девочка медленно повернулась, опустила руки. Пуля уже была почти у живота, но её заслонил тот самый козлик, громко бляя.

— Юнок!!!

Девочка упала вместе с козлёнком. К сожалению, пуля пронзила их обоих.

Все вдруг принялось расплываться: и солдаты, и трупы, и закатное красное небо. Местность покрылась знакомой голубой дымкой, а среди неё можно было увидеть уже давным–давно разрушившиеся дома и плесневелые каменные дорожки. Нас ослепило ночное темное небо, по нему вновь поплыли призрачные рыбы и птицы. Мы услышали знакомый лязг цепей и шум Этиса. А золотой мячик покатился вперёд.

— О, нашла!

Игрушка остановилась у голубых призрачных ног. К мячику подбежал синий козлёнок с пустым взором. От него тоже исходила мертвенная дымка. Козлик принялся покусывать мяч.

— Эй, Юнок, осторожней!

Сарафан. Сорочка. Два хвостика. И сверкающий розовым и зелёным осколок.

Глава 8. Прошлое рядом с тобой

В нос ударил еле уловимый запах крови, что смешался с ароматом цветов. Светло-синие хвостики развевались на призрачных волнах, белые, уже не горящие огнём жизни глаза смотрели на козленка, что продолжал покусывать мяч тупыми зубами. Сомнений не было. Перед нами стояла та погибшая девочка.

— Ядрен батон... — Эйдан придвинулся ко мне. — Смотри, у неё в груди осколок. Тот самый.

Я сглотнула, собирая в кулак рыхлую землю.

— Я уж вижу, — побежали очередные мурашки. — Думаешь, точно она? Не похожа чего-то...

— Та ты взгляни только, у неё цепь только на ноге, а не на талии. И той слизи нет...

И правда. Девчонка свободно передвигалась, не хныкая и не обращая внимание на свои оковы. Обычные призраки не обладали подобной роскошью вроде цепи на ноге и отсутствии какой-либо боли и вздохов... Возможно, такой чертой и вправду обладали только Особенные призраки...

— Ай-ай-ай, прекрати жевать мою штанину!

Вдруг я услышала панический недовольный крик Эйдана. Повернулась и увидела, как голубой маленький козел жевал штанину Тайлера и попутно блял, словно стараясь привлечь его хозяйку. Эйдан пытался отодвинуть хулигана, хныкая и вздрагивая.

— Елена, помоги мне, ради Христа!

Мысли о необычном положении кандалов покинули разум, и я тотчас принялась аккуратно прикрикивать на животное. «Брысь, брысь, маленький козлик» — кричала я, в то время как Эйдан вертелся подобно маленькому ребенку.

— Юнок, а ну-ка, к ноге!!!

Затем я увидела ту девочку совсем близко и подробно. Она яростно притопывала ногой, посвистывая. Несмотря на свою молодую внешность, похожа была на строгую маму. Даже призрачные волны её сторонились, моя магия и Эйнари оплетали только кончики пальцев, а про оранжевый дым вообще не стоит говорить. Козлик, тихо хрюкая, сразу же отскочил к девочке, так и не оторвав кусок ткани.

Очухавшись, Эйдан вновь перевёл взор на призрака, а та в свою очередь посмотрела на нас. Наши лица были похожи на камни. Удивленные камни.

— Привет?.. — девочка принялась осторожно плыть к нам, заставляя цветы на асфальте скрючиться. Заметьте, цепь даже не натягивалась от её движений. Осколок в груди все так же продолжал сверкать изумрудным и красным.

— Привет, — сказала я, слегка помахав рукой, — не бойся нас.

— Мы тебя не тронем, — продолжил Эйдан, разводя ладонями. — Мы, можно сказать, свои.

Девчушка подплыла к нам вплотную, встала на ноги. Она аккуратно, даже нежно коснулась моей щеки, провела до косы. Её прикосновения были похожи на мягкую траву, в которой мы с Эйданом лежали недавно. Затем девочка пальцами прошлась по выпирающим венам Тайлера на ладони. Тот поёжился, поджав напухшие губы.

Да, девчонка была безумно холодной. Мертвецкий холод пронизывал насквозь, хотелось даже куртку надеть. Казалось, от него дрожали даже дома в этом тихом, не украшенном всякими гирляндами квартале. Хотя это неудивительно, ведь все в Броквене в прямом смысле парящие мертвецы.

— Вы живые... — произнесла полупшепотом девочка, придерживая козлика. — Такие тёплые... глаза блестящие и кровь по венам бежит... О, и сердце стучит. Тук–тук, тук–тук...

Её дислалия и воодушевленный голос не напрягали, а наоборот выбивали из тревожной колеи, заставляли успокоиться и выдохнуть. Вспоминая печальную гибель девочки, хотела её обнять. Видела войну, трупы и лужи крови... Но все равно держалась до последнего. Впервые меня так распирали эмоции рядом с призраком. Глаза непроизвольно заслезились. Все-таки дети войны действительно были Особенными.

— Да-а, давно я не видела живых, — уста девчушки образовали улыбку, по-настоящему искреннюю, — наверное, со дня своей смерти, ха-ха! — она захлопала в ладоши, отпуская козлёнка. — Живые, вы действительно живые! Поверить не могу, те старухи-предсказательницы из Силенту действительно не врали! А я-то думала, что на озерной гуще невозможно ничего предугадать!

Я и Эйдан улыбнулись в ответ. Силенту... уже знакомое по названию место. Мы должны посетить его последним. И... озерная гуща? Серьезно? Никогда о таком не слышала.

— А что там предугадали? — поинтересовался Тайлер, уже без страха подпуская к себе козлика.

— А вы не в курсе? — девочка присела около нас, поправляя сарафан. — Все только и говорят о двух человеках, которые «вот-вот нагрянут в город». Вам не рассказали по пути?

Мы покачали головами. Девчушка распахнула очи, но потом успокоилась, многозначно хихикая. Наша магия стала посмелее и уже огибала все её холодное тело. Волны взяли мячик и отдали в руки девочке. Она начала играть с ним, звеня золотым колокольчиком.

— Точно, совсем забыла. Здесь же, в этом Этисе правду никогда не скажут, ничем не поделятся. Самое главное в свою радужную рвоту затянуть, заставить забыть и оставить тут навсегда, не предпринимая никаких мер. Эх, трусихи...

— Что ты имеешь в виду, детка? — я почувствовала, как от Тайлера повеяло напряжением. Непроизвольно мне вспомнились поколотые тарелки с пустой похлебкой и переваренной куриной ногой. К горлу подобралась тошнота от мысли о том, что Эйдан и правда съел это подобие еды.

— Ну, иметь в виду тут можно только одно, — девчонка лукаво повела бровями, подмигнула, указывая на оживлённые улицы Этиса. — Этис – это иллюзия, о-о-о-очень большая! Сохраняет это место свою форму только благодаря красному пузырю, — она заглянула нам прямо в душу, чуть привстала и развела руки поодаль от себя. — Только вот достань иголку метров пять, проткни, и Этис превратится в такую же развалюху, как центр призрачного Броквена. Видели же, да? Жуть жуткая, и как там только люди живут? Как вы поняли, особенность Этиса именно в его якобы искренней детскости. Жаль только, что это чушь собачья.

Мы с Эйदानом слушали девочку очень внимательно. Она активно жестикулировала, пока козлёнок уже болтался в ногах. Крутя мячик в ладошках, девчушка то сжимала его, то разжимала, когда говорила не об Этисе. Казалось, это место ей не нравилось. Думаю, теперь нам тоже. Свет, исходящий от колеса обозрения вмиг стал для меня противным. Все–таки иллюзия... Да–а, это очень жёсткая галлюцинация, раз даже Эйдан поддался ей. Фу.

— Так что вот... Подождите–ка, а я вообще назвала вам своё имя? — девочка остановилась, опять сжимая мячик и надувая озадаченно щеки.

Мы отрицательно покачали головами.

Девчушка шумно шлепнула себя по лбу, обзывая саму себя. Давая игрушку козлёнку, она протянула свою ладонь, наигранно кашлянула, словно какой-нибудь светский дед.

— Телагея Марати, — призрак уверенно ухмыльнулась, ставя другую руку в бок. — Можно просто Телагея. Ну, или Тела, а для извращенцев ещё и Гея. Тетушка Жаклин говорила, что самое главное – помнить своё имя и дату рождения, а остальное на ходу! А вас как зовут?

— Елена Гостлен, — я пожала руку Телагее, затем указала на Эйда. — А это Эйдан Тайлер, мой друг и напарник. Мы пришли в Город призраков, чтобы спасти его и людей. Мы ищем пять Особенных призраков для того чтобы пойти на озеро и выполнить ритуал, с помощью которого и другие призраки освободятся. Кажется, ты первый Особенный призрак.

Тела совершенно не удивилась последним словам: она, продолжая улыбаться, кивнула, с удовольствием пожимая мою потную ладонь. Слегка грязноватым потертым пальцем призрак указала на осколок, что блестел в груди.

— Я в курсе, — Телагея нервно хихикнула. По бледным вискам потекли капельки пота. — Эта штука появилась у меня после гибели. Долгое время я не понимала, для чего она нужна, но потом появились слухи об Особенных призраках, затем о вас... А ещё этот мерзкий туман появился. М–да. Представляете, как больно видеть постепенно сходящих с ума призраков, с которыми ты общалась только вчера! У меня нет этой странной сопли на цепи, а у них... Кажется, скоро все окончательно погибнут во второй раз.

Марати, характерно хмыкая, раздвинула нас по сторонам, а сама плюхнулась посередине, обнимая за шеи. Козлёнок, высовывая белый язычок наполовину, улёгся в ноги девочке.

— При жизни я была талисманом нашего приюта. Все солдаты приходили к нам, чтобы я показала им своё выступление: спела песню под рояль или станцевала. Как же меня ещё называли люди? Хм, я совсем забыла... — Телагея смешно надула губы, брякая по ним пальцем.

Эйдан вдохнул через зубы воздух, поглаживая девочку по ладони.

— Ты похожа на полярную звезду, — прыснул Тайлер.

В белесых глазёнках Марати показались искорки. От неё исходило светло–светло голубое мерцание, освещая заброшенные дома.

— Точно! Точно, точно, точно! — Тела, точно давнего друга, потрепала Эйдана по взлохматившейся голове. — Меня называли звездочкой! Да, люди говорили, что я настолько вдохновляю и мотивирую их, что становлюсь в глазах окружающих настоящей яркой звездой!

Вдруг я почувствовала, как от тела Марати начало исходить еще и тепло. Такое легкое, ненавязчивое: оно впитывалось в кожу, казалось, что кровь в венах вот-вот превратится в солнечную пыльцу. Пускай вместо почти багровой копны волос были темно-голубые локоны, а вместо ярких жёлтых очей пустой белок, все её существование, тело и душа казались такими светлыми и мерцающими... Несмотря на то, что сердечко призрака давно не билось, я и моя магия чувствовали, что оно у неё большое.

— Я недавно догадалась, что являюсь Особенной, — Телагея выдохнула, поднимая взор на синих рыб в небе. — Только ко мне не липнет эта дрянь, мои кандалы находятся лишь на щиколотке, да и туман пока не тронул. Знаете, Эйдусик и Еленусик, это всего лишь мои догадки, но, кажется, судьба сделала меня Особенной не просто так. Я хочу закончить начатое. Какой бы я не была, — живой или мертвой, — я все ещё хочу поднимать людям настроение. Хочу, чтобы призраки радовались искренне, испытывали настоящие положительные эмоции, не танцуя под чью-то неосязаемую дудку. Это была моя мечта с начала войны, и остаётся по сей одинаковый кошмарный тяжелый день. Вам же ведь тоже хочется, чтобы люди Броквена были счастливы? Чтобы никакие войны и кошмары не будили их по ночам? Вы тоже желаете искренности и мира? Конечно, мне всего десять, я даже читать и писать не умею, и вы наверняка подумаете, что это всего-то несерьезный детский лепет... Но разве это не простая мечта каждого человека? Видите, призраки Броквена, да и люди зарыли хотя бы малейшую надежду на какое-то спасение! Мне это ужасно не нравится! Хочется устроить выступление и проорать о том, что все будет хорошо!

Телагея была права: ей десять лет, совсем ещё малышка, жизни не поведала, однако какие умные мысли она говорила, какую истину доносила. Тела сидела в этом Этисе много лет, не набираясь опыта. Эта девочка ещё раз напомнила нам, как важно сохранять мир и гармонию на своей родине, да и на всей планете. Её слова действительно мотивировали на подвиги, на новые и опасные приключения во имя мира. Она и вправду казалась Особенной. Ни один ребёнок и даже взрослый не говорил подобных вещей, не подбадривал меня так, как единственную надежду этого прогнившего насквозь города. Вот что значит ребёнок войны.

— Я бы и рада была сразу пойти и всех спасти от отчаяния, но... боязно мне что-то, — Телагея указала на электростанции, окутанные тем мерзким туманом, откуда словно проглядывала злобная ухмыляющаяся гримаса. — А вдруг эта белая гуща и меня поглотит, или сумасшедшие призраки нападут по дороге. Я ж до озера не доберусь живо-мертвой! Блин, ведь даже никак себя не назвать, тьфу ты!

Не удержавшись, мы с Эйданом издали короткий смешок. И правда, ей ни к каким себя не притеснить — не живая и не мертвая, а умереть второй раз не сможет. Черт, это звучит несколько забавно.

— Ну, теперь у тебя есть мы, команда будет! — улыбнулся Тайлер. — Умирать – так с песнями!

Телагея засмеялась, подвигая нас к себе и сжимая в объятиях. Козлик радостно заблеял и заскакал вокруг нас троих. Даже в одном из домов сверкнул огонёк от света Марати. Неискренний Этис вдруг на секунду приобрёл оттенки настоящего добра.

— Вы такие хорошие!~ — пропищала Тела, притопывая пятками. — Впервые мне повстречались люди с подобной силой духа! А—а—а, меня просто распирает от радости!

Девчонка вмиг взмыла в воздух, чуть звеня оковами. Оглядев местность вдалеке, она спустилась, касаясь носочками земли. Попутно Марати ещё отбивалась от приторно пахнущей оранжевой дымки, сплёвывая пыльцу из неё.

— Полагаю, нам не нужно терять ни минуты! — воскликнула Телагея, беря под мышку козлёнка. — Этого комочка, кстати, Юнок зовут. Кажется, вы ему понравились!

Вставая, я легонько толкнула Эйдана в бок, пока тот закреплял Эйнари.

— Тебя напоминает, когда ты чипсы вперёд горячего хочешь, — насмешливо прыснула я.

Тайлер поредел до ушей, руки его задрожали. Начиная идти вперёд, к нашей новой, слава Богу, адекватной подруге, он недовольно забурчал:

— Будешь так шутить — про помолвку что-нибудь ляпну.

Тела ехидно захихикала, приближаясь к Эйдану.

— А вы ещё и с чувством юмора, мо-ло-дые люди. Хорошие вы друзья!

Тайлер до крови прикусил губу, прогибаясь под лукавым детским взглядом, моим хищным взором и дружелюбным блеянием Юнка. Один призрачный листик, что оторвался от тухлявых ветвей, впечатался Эйдану прямо в нос.

— А вы, я погляжу, уже спелись, — хмыкнул глухо через лист друг, — хорошими подругами станете.

Сняв листик, мы увидели красное надутое лицо Тайлера. Какой раз он уже краснел за наше путешествие?

— Не смотрите так на меня, — дрожащим голосом произнёс он, а Телагея шумно прыснула. — Пойдёмте, молодые леди! Трясём помидорами!

Когда мы вышли в центр Этиса, на нас не смотрел разве что ленивый призрак. Заблудшие души пожирали своими прозрачными глазами, улыбка стала совсем неестественной. Это выглядело жутко, аж горло сводило. В воздухе стоял смрад пота. Телагея была единственной, кто не улыбался: она лишь оглядывала призраков в ответ. В больших влажных очах читалась жалость, некое угнетение. Думаю, Тела в который раз осознавала печальное положение призраков. Их улыбки и впрямь выглядели неискренне, а бледная тошнотворно-зелёная слизь, похожая на зелье, смешанное с соплями, заставляла сжаться. Лично я, повидавшая за свою моло-

дую и жизнь, и смерть, и кровь, все равно чувствовала себя некомфортно, паршиво. Несмотря на то, что магия защищала от этих взглядов и гримас, хотелось прилепиться к локтю Эйдана и зажмуриться навечно. Взбухшие на лбу желваки и холодный взор выдавали напряжение, но в целом держался он бодрячком, что и манило прильнуть в поисках защиты. Но мне гордость не позволяла. Чувствовала себя дамой в беде, и это задевало мертвецки твёрдую натуру.

Пока мы с Эйданом проходили между батуты, множеств ярких лавок и оркестровых ям, Телагея, сопровождаемая бирюзовыми и призрачными волнами, мимолетно подплывала к другим душам. Она что-то взволнованно, почти слезно шептала группам проходящих призраков, слегка хлопала в ладоши и старалась криво, но улыбнуться. Военным Марати отдавала честь, прислонив бледную руку к груди. Грудь её часто пульсировала, маленькое сердечко точно переливалось ярким светом от любви к людям. Телагея будто готова была вскрыть грудь и бескорыстно вырвать своё сердце, освещая путь людям, как Данко из русской легенды. От маленькой девочки исходило даже больше голубого света, чем при первой встрече. Оглядывая свои тяжёлые оковы, призраки на миг лишались улыбки, губы искривлялись. Они что-то шептали отдалёнными голосами Телагее, а та кивала, указывая пальцем то на туман, то на нас и жезл Эйнари. Призраки со временем расслаблялись и уже не сверлили взглядами. Они смотрели на свет, что оставлял дорожки на пути, и на фарфоровое, круглое, вселяющее какую-то прозрачную надежду лицо Телы. Серые ленты в волосах Марати развевались на встречном ветру, а вышитый рисунок комет на комбинезоне стал самым ярким акцентом Этиса. Звезда... Да, и правда, маленькая звездочка, амбициозная и, как бы это странно не звучало, горящая жизнью.

Наконец завернув в один из последних углов в Этисе, мы в буквальном смысле выкатились из столь чудесного места детства.

Выход ощущался ужасно: проходя сквозь красную, почти стеклянную оболочку, я чувствовала ломоту в суставах. Ноги становились ватными, язык неистово заплетался, сам производя какие-то отдельные фразы. Из сердца этот щит будто высасывал кровь, лопал все сосуды. В отличие от Телагеи нас с Эйданом знатно так помотало. Тайлер еле смог подавить рвотные позывы. Спертый воздух города призраков казался нам просто блаженным, свежим и ободряющим. Даже фантазмагорическое небо с призрачными рыбами, птицами и насекомыми значительно успокаивало. Синие сверкающие цветы на поляне ласкали мочки ушей, оплетали корнями ноги. Правда, когда мы прикатились к Этису, этой полянки с чудными цветами не было, также как шума воды.

— Г-где мы? — я скривилась от собственного голоса, чей тон больше походил на старческий.

— За пределами Этиса, — Телагея нависла надо мной, беззаботно улыбаясь, — только мы вышли немного с другой стороны.

— Мама, я хочу на море-е-е, — по ту сторону простонал протяжно Эйдан, сминая кучу цветов под ним.

Тела вздрогнула, вновь надула губы и хрюкнула:

— Погодите, сейчас я приду!

Я невольно закрыла глаза, когда услышала вой деревьев и частое колыхание воды. Эйдан продолжал что-то невнятно бормотать, медленно перекатываясь ко мне. Видимо, у нас была какая-то общая галлюцинация или шок.

Я и Эйдан заорали во всю глотку, когда на нас обрушился поток холодной, пахнувшей тиной воды. Она попала в ноздри, рот и, судя по резко отрезвившемуся рассудку, прямоком в мозг. Я резко приподнялась на локтях, позвоночник хрустнул, а на лбу Телагеи наверняка появилась шишка. Эйдан откатился от меня, выкрикивая вперемешку с кашлем скверные слова.

— Тела! — я пыталась отдышаться, обнимая себя за плечи. Промокшая блуза облепила руки и грудь, просвечивая бюстгальтер. Стало холодно, но и вместе с тем свежо и приятно. Слава Богу, Призрачная брошь не пострадала.

— Простите, простите, простите! — прокричала она, махая руками. — Если бы я этого не сделала, то вы бы так и прибывали в послезетисном шоке! Эта стоялая вода спасает от галлюцинаций, между прочим!

Так стоялая вода, которую мы видели в городе – лечебная? Интересная тут магия...

Эйдан сплюнул мутноватую воду, поднялся на ноги и завертел головой. Все капли с его темных каштановых волос полетели на траву, и та принялась увядать.

— Спасибо, конечно, — проговорил сипло Тайлер, отряхивая рюкзак с жезлом, — но ты хоть в следующий раз предупреждай!

Телагея кивнула, подставила миниатюрную худую ручонку к правому виску.

— Как скажете, товарищ Тайлер!

Эйдан усмехнулся, потрепал её по голове, а затем подошёл ко мне, протягивая влажную руку, которую обдувал ветер.

— Ты в порядке, Елена? — в глазах друга читалась тревога.

Встряхнув мокрой головой, я, поправив просвечивающиеся лямки лифчика, кивнула, подавая руку.

— Неожиданно, неприятно, но спасло, — ухмыльнулась я, глядя на Телу. — Как я понимаю, там?..

— Да, здесь проходит Акилесса, — подтвердила Телагея, подхватывая скачущего навстречу Юнка, что только недавно вышел из Этиса. — Нам ведь дальше в Кабак-Кабачок?

Мы с Эйданом кивнули, оглядывая темную хлюпающую реку. Что-то суден там никаких не было.

— Верно, — согласился Тайлер, — нам сказали, что тут можно поймать судно...

Марати втянула через зубы воздух, почесала затылок, водя носком по призрачной дымящейся траве. Осколок в груди часто замигал.

— Как бы это вам сказать... — Тела озадаченно улыбнулась. — Ээ, ну-у, это, как его... — она хлопнула в ладоши и указала на пустующие воды Акилессы. — В общем, я настолько вам растянула своё чисто сердечное признание, что мы пропустили единственное судно, которое проплывает мимо побережья Этиса! Поздравляю, я сглупила!

Я прерывисто выдохнула, подошла к сгнившему причалу. Опустила кончики пальцев и провела по водной глади. Вода оказалась ледяной, но тягучей, словно глина. В моих руках она не спешила разливаться; вода облепливала поблескивающие от прилива магии пальцы, тяжелыми каплями плюхалась в течение. Казалось, что она хотела впитать в себя мою силу, слиться с ней воедино. Даже голубые искорки в этой почти чёрной жиже проскакивали, будто пытаясь принять облик моих волн. Магия вокруг меня вдруг затрепетала, начала проходить по темной глади туда-сюда. Я, конечно, не моя бабушка, но...

— У меня, кажись, созрел план, — я повернулась к встревоженному Эйдану и помрачневшей Телагее.

Они оба вмиг оживились, глаза стали кошачьими.

— Телагея, ты не сглупила, — продолжила я, поправляя брошь, — ты гений.

Марати часто заморгала, указывая на себя.

— Гений? А это кто?

Эйдан ойкнул, вновь трепля малышку по голове.

— Ну, это тот чувак, который крутые идеи подаёт, — объяснил просто Тайлер.

Телагея раскрыла рот, произнесла длинное «а-а-а». Но они все ещё смотрели на меня. А я в это время вновь отвернулась, сжала пальцы, призывая магию.

— Так что за план? — спросили ребята в унисон.

Я взглянула боковым зрением, чуть повернула голову. Юнок беззаботно блял на руках у Телагеи.

— Зачем тратить деньги на призрачное тухлое корыто, если можно сделать своё?

Думаю, за то время, что вы были со мной, вы уже научились понимать мои прозрачные намеки. Я кое-что вспомнила из раннего детства.

Пока бабушка была жива и могла ходить, она учила меня создавать вещи с помощью магии из броши. Инструкция всегда казалась довольно простой. Когда мне снились кошмары и чудилось чудовище, стоящее в углу комнаты, я пользовалась этой причудой. Чтобы создать что-то осязаемое и подвижное, я должна была встать на носочки. В этот момент голова абсолютно пуста, слух притуплен, а нос без обоняния — так инструктировала бабуля.

Поначалу было, конечно, трудно, но с каждым разом получалось все лучше впасть с своей образную кому. Однажды, представив небытие, пустое и бесшумное, я смогла исполнить заклинание. В голове была темнота, не слышалось ни одного шороха, не чувствовалось ни запашка...

И я начала тогда представлять медведя, большого и доброго. Сначала не могла руками найти связь с волнами, но позже увидела, как одна магическая дорожка превратилась в этом мраке в светящийся овал. Искры её образовали шерсть. И тогда пошло–поехало: еле ощущая собственные пальцы, я принялась создавать сильного мягкого медведя. Одна нога, вторая, уши, нос и две передние лапы. И, представляете, получилось. На некоторое время после переезда я забыла об этой причуде, но сейчас, думаю, она будет как нельзя кстати.

Сейчас я снова представила небытие, заставила мрак снова забрать в свои объятия. Приказала шуму деревьев и реки умолкнуть, тяжелому дыханию ребят пропасть. Я мысленно задержала дыхание, ограждая нос от пресного смрада стоялой воды. Выкинула из мыслей облик Филсы, тяжелые оковы со слизью и слащавое пристанище детства. Я оказалась в полной темноте, сделалась абсолютно пустой внутри. Ощущала только волны, что скопились вокруг тела, и чуть–чуть свои пальцы. Глубоко вдохнула пустой воздух. Ну, погнались.

Я тотчас поманила волны во мрак, стараясь заставить их заблестеть. Наверное, все тело покрылось потом, ведь после столь долгого перерыва сделать это было непросто. Я сжала зубы, ласково призывая магию помочь мне....

Нам нужна помощь, помощь, помощь. Я нуждаюсь в тебе, сейчас и здесь. Я напрягу своё тело, вырву из грудной клетки сердце, лишь бы ты помогла нам. Этот город нуждается в моей помощи, а я нуждаюсь в твоей. Судно, плывущее по темной реке, гудящее и твёрдое, ударяющееся о мелкие волны. Бирюзовые корпуса с синим креплением. Шумящий блестящий двигатель, несущий через Акилессу. Твёрдая палуба из голубого дерева. Острый конус. Появись же, заискрись в этой чёрной глади!

— Вестники гастрита, охренеть! — голос Эйдана вдруг повысился.

Телагея воодушевленно завопила, яростно захлопала в ладоши, а Юнок заблеял ещё пуще, будто улыбаясь. Облегченно выдохнув и кашлянув, я показательно поклонилась, все ещё напрягая пальцы, чтобы то, что сейчас билось о причал, не исчезло. Да, вы правильно поняли: я смогла сделать из своей магии маленькое, но ни менее практичное суденышко. Я и сама была в шоке: не использовала это заклинание семь лет, а все–таки смогла! Даже почувствовала, как грудную клетку разрывала прилившая сила от броши. А у меня начинает неплохо получаться!

— Она даже осязаемая?! — спросил удивленно Эйдан, подходя к бирюзовому судну и ощупывая его ногой. — Вот это ты, конечно, забабахала! Горжусь тобой, Елена, горжусь безумно! А ведь кто–то говорил, что не великая эта ваша Елена Гостлен!

Я почувствовала, как кожа стремительно покрывалась пятнами, очень горячими и красными. Удивительно, но Эйдану впервые удалось смутить меня. Кислая поганка, чтоб его.

Но я лишь невнятно отмахнулась, смущенно хихикая. Телагея вместе с Юнком подошла к судну, осторожно заходя на дымчатую палубу. Она попутно расхваливала меня, располагаясь на тесной, но уютной лодочке, разлегшись по палубе. Возбужденные крики Эйдана и Телы все сопровождали меня, пока я заходила на судно и активировала магический двигатель.

Пару движений фаланг заставили мотор заработать, с бешеной скоростью унести нас в сторону второго места — так называемого Кабака, пристанища бандитов, богачей и всяких оторв из времен юности моих мамы и папы. Темная Акилесса пенилась от юрких движений лодки, поднимался ветер, снося гнилые листья с деревьев на побережьях. Мы неслись мимо высоких призрачных гор, от которых несло дымом, голубым и пахучим. Над нами возвышалось сотни электростанций, таких же серых и искрящихся, как и призраки Броквена. Провода проходили через горы, леса и остальные дома призрачного города, что виднелись вдалеке. По ним все так же бегали искры электричества, синие и жгучие. Они освещали и так посветлевшее со временем небо.

В серо-сиреневых облаках еле виднелся тонкий, острый полумесяц. Он сливался с небесными телесами, те почти поглощали его. Шум пресных вод и ветер, безжалостно хлеставший по лицу, чуть успокаивали, но не выбивали из колеи нескончаемых мыслей о будущем. Что за слизь, где Филса, что подготовило для всех озеро Бэддаинилэйкер, и какого Отца все-таки боится призрачный Броквен? Вопросов накопилось много, как слюны во рту, а ни одного ответа не прибавилось, как извилин в мозгушке Юнка, что так и норовил выпрыгнуть из цепких объятий Телагеи напрямик в тягучие воды Акилессы. Плохи наши дела, все думала я, еле касаясь рукой холодной воды. Как же успеть разгадать все? Как вообще окончательно не сойти с ума от галлюцинаций Броквена?!

— Дамы и козлы, мы, кажется, прибыли! — воскликнул Эйдан, завидев на горизонте... заброшенные обгорелые дома? Что-то новенькое.

Лодка принялась останавливаться, медленно подплывая к причалу. Даже зелёная обугленная трава колыхнулась, а здешняя дымка заиграла с нашей магией. Тела лязгнула цепью, поднимаясь над лодкой.

— Точно Кабак! — крикнула Марати нам сверху, пока я и Эйдан вместе с козлом, жующим его штанину, выбирались из бирюзовой шхуны, что постепенно исчезала, стоило только расслабить мышцы.

— Я, конечно, понимаю, что алкоголикам роскоши не надо, — хмыкнул Тайлер, беря Юнка на руки. — Но это и впрямь Кабак?

— Кабак, Кабак! — заверила Телагея, пролетая между заброшенными домами. — Тут просто нужно выбрать нужную рухлядь, чтобы выйти к нему, таковы правила этого чудного места! Ударение именно на первую «о», хех!

Моя воображаемая чудо-лодка окончательно исчезла, растворяясь в бирюзовом дыме, от которого разило фейерверками. Пропал двигатель, узорчатые корпуса утонули в глубине вязких вод Акилессы. Мы вышли на очередной луг с выпцветшей травой и постепенно увядающими цветами. Шумно капала со светящихся лепестков зелёная слизь, что поблескивала на свету худого полумесяца. Я старалась обходить небольшие лужицы сей странной субстанции, сохраняя в голове мимолетную мысль о том, что цвет и конституция напоминали трупные пятна на телах сумасшедших призраков. Эйдан же активно размахивал жезлом, давая светлым голубым волнам водопадом литься из чрева Эйнари. Он убирал большую часть слизи, уступая нам двоим дорогу. Заброшенные обгорелые дома стояли в ряд, напоминая деревню: были и дряхлые колодцы, и заборы, а также сарай, толчки и множество пугал, на чьих ветвях

повисли ошмётки трупов воронов. К слову, темно-синие призрачные птицы с кандалами на лапках сидели на каждом доме, обклеывая гнилую древесину.

— Гиблое место, — бросил Эйдан, с интересом всматриваясь в окна домов. Пускай они пустовали, все равно казалось, что из окон на меня кто-то смотрел и противно ухмылялся. — Наверняка хороший квартал в прошлом.

— Да-а, хорошо, наверное, тут было, — закивала оживленно Телагея, высматривая на крышах что-то. — Юнку здесь нравится! А если Юнок одобряет, значит, и правда хорошо!~

Юнок проскочил мимо меня, виляя хвостиком и ушками. Тоненькая цепочка на его хвосте даже не звенела. Зато как стучали копыта по глиняной земле и траве, как проходила тушка по голубым волнам!

— Кажется, за горизонтом ничего не видно, Тела, — Тайлер потянулся на носочках. Его веснушки осветил полумесяц, хитро выглядывающий из крыш и юбки Марати. — Может, нам в другую сторону?

— Если я не обучена грамоте и мертва, это не значит, что мозг у меня сгнил, товарищ Тайлер! — весело хохоча, ответила Телагея, плавно прыгая от землянки к землянке. Ее перелет напоминал танец бабочки. — Хоть и была в Кабаке я около пяти лет назад, глазенки мои помнят нужный дом. Он просто в самом мягком месте мира!

Еще пару километров мы шли молча, разглядывая здания и заросшие сорняками грядки. Тела плыла чуть впереди нас вместе с козленком, напевая веселую балладу военных лет. Строчки из припева: «Враг злой наш падет, Солнце песню нам споет; о реках и озерах, о родных просторах, о тепле материнских рук, о том, как горит в Аду недуг! Там каждый злодей наш горит, черная дева с рогами кнутом их телеса палит!» Марати чеканила так четко, что даже мы порою содрогались от столь твердого пения, хотя сама Тела была спокойна, носочки вытянуты, а белые глаза мечтательно смотрели вдаль. Ее песни и короткие подбадривающие фразочки разжигали огонь внутри, возбуждали интерес к победе над неизведанной аномалией. Никогда бы не подумала, что дети войны так вдохновляют...

— О, смотрите, вот он! — заверещала на всю округу Телагея. Она указывала на большой дом: он был так же заброшен, но отличался от остальных построек своим размером, большим и широким. Узкие окна были выбиты, в кое-каких местах отвалились доски. На крыше возвышался своеобразный купол с часами, которые остановили свой ход, показывая без семи минут полночь уже, наверное, сто лет подряд. Массивные двери гостеприимно распахнулись, давая узреть просторное здание изнутри. Правда, там все было завалено бараклом и мало чего интересного можно увидеть. Но... походу, именно через эту постройку можно выйти в Кабак. Многообещающе.

— Отлично, — Эйдан впервые за эти минуты улыбнулся, — главное, не отходим друг от друга.

— Верно подметил, Эйд! — Тела спустилась на землю и подошла ко входу в здание. — Вход в Кабак еще найти надо среди всех этих обломков, так что не расслабляемся.

Я и Тайлер кивнули, напряженно переглядываясь, и для надежности взяли за руки, что обе вспотели.

Когда зашли в дом, толстый слой пыли, что дремал на деревяшках, вдруг поднялся от наших тяжелых шагов. Половицы заскрипели, а нос защекотало, послышались тихие чихи. Парадный заваленный вход освещала призрачная дымка и все тот же темный свет ночного неба. Алмаз Эйнари служил нам фонариком, показывал все паутины и старые книжки. Мои волны принялись исследовать каждый уголок дома, каждый стеллаж и стол, да быстро, суетливо так. Сердце мое забилося сильнее, я с трудом сглотнула огромный комок слюны, скопившийся в горле.

Когда магия так спохватывалась определенного места и, самое главное, ярко светилась, это было не просто так. Сила, находившаяся в броши, реагировала подобным образом на особенные места, кои пропитала недавняя, родная магическая аура. Например, волны светились в пекарне дяди Синамона, на улице, где раньше жила моя бабушка. Магия вспоминала все то, что совершала ранее, находила свои оставленные сгустки. Моя нахлынувшая тревога заключалась в том, что в этом месте я с роду не была, да и незнакомо оно было даже по рассказам бабули. Но брошь так рьяно пульсировала на груди, что, казалось, бирюзовый покров реликвии вот-вот разобьется.

— По-моему, нам наверх, — сказала настороженно Телагея, удерживая Юнка, что хотел проследовать за моей магией. — Там находится какой-то чудной архив, вот между стеллажами и вход в Кабак.

Эйдан почесал затылок, ступая на хлипкую ступеньку.

— Наша магия ведет туда, — подтвердил он, — значит, все верно.

Я коротко кивнула и вновь взялась за ладонь Эйдана. Телагея поплыла за нами, звеня цепями вместе с Юнком. Живот болезненно скрутило, только волны наверху стали еще ярче, еще проворней. Они переворачивали каждую книжку, каждую колотую старую рюмку, просачивались в щели между полов. Магия явно учуяла что-то.

Упаси Боже.

Поднявшись, мы узрели архив. Здесь было на удивление более менее чисто, ничего лишнего: только множество стеллажей с книгами и большой круглый стол с семью стульями. Он проглядывал между полок, стеллажи странно окружили этот стол, что переливался оттенками изумрудного и синего.

Нашей задачей было рыскать между стеллажей до тех пор, пока не найдется вход в Кабак, пока чертова избушка на козлиных ножках не повернется к Кабаку задом, а к нам передом.

Выбора, к сожалению, у нас не было. Телагея не знала других способов войти в Кабак, поэтому мы и делали то, чем занимались все прихожие с Этисовых краев призраки — ходили вокруг да около. Периодически зевая, мы с Эйданом терлись о полки, раскрывали старые книги, читая какую-то несусветицу. Страницы рукописей иссохли, а чернила смазались, поэтому нам почти не удавалось разобрать хотя бы двадцать страниц. Тела вместе с Юнком ощупывала полки и деревяшки, провоцируя силу второго аномального места впустить нас.

Марати говорила, что надо топтать местность сильнее, так Кабак сможет почувствовать присутствие чужих. Мы это и делали. Пинали стеллажи, осторожно топтали деревянный пол, раскрывали окна. Повторяющиеся хаотичные действия вгоняли в тоску, клонили в сон. Ноги подкашивались, а мозг уже на автомате топтал чертов скрипучий пол. Пока Эйдан время от времени легонько ударял жезлом потолок, читая размытую книжонку, я смотрела между полок на стол. Долго, даже не моргая, рассматривала свои ярчайшие волны, что ютились вокруг стола. Можно сказать, я спала с открытыми глазами. Так ску...

— Подумай и разжуй эту идею ещё сто раз в голове, Эрнесс.

Меня будто ударило током. Я встрепенулась, чуть не стукнувшись о косяк. Помотала головой и посмотрела по сторонам, проверяя, не сказал ли это Эйдан или Телагея. Нет. Они все так же занимались нудной рутинной, даже не дыша.

— Коллеги, вы меня немного не понимаете.

Я протерла глаза. Клянусь, между книг, за столом я увидела людей. Настоящих людей, не призраков. Они о чем-то оживленно беседовали. Любопытство мигом взяло верх, я сглотнула, затаила дыхание. Чтобы лучше слышать и видеть персон, пододвинула все книги в одну сторону и максимально просунула голову меж полок, наострила уши.

За столом сидели семеро человек. Пятеро расположились по бокам, длинные экстравагантные камзолы свисали на пол, шуршали брюки и юбки из дорогой ткани, звенели золотые бляшки ремней на ногах и торсах. На груди у всех искрился герб... Броквена: два голубя над Ивой, стоящей в озере Бэддайни.

Из пятерых сидело две женщины — кудрявая рыжеволосая пышногрудая дамочка со сверкающими в полумраке глазами и худощавая дева с черными волосами в белой фетровой шляпке. Остальные — трое мужчин: с двумя пистолетами под ремнем парень, русоволосый мужчина в очках и пухлый старик.

В центре стола расположились особенно отличающиеся люди. Довольно высокая девушка лет двадцати была одета в такую же по фасону форму, но состоящую из красного переливающегося бархата. Черный корсет слегка оголял изящное декольте, а на шее блистала темно-бирюзовым... Призрачная брошь! Богом клянусь, семейная реликвия была закреплена черной лентой на шее, от нее исходили бирюзовые волны, оплетая каждого члена совета! Пепельные короткие волосы развевались от некой зеленой дымки, а пронзительные голубые очи прожигали мужчину, скорее ровесника дамы. Он сидел напротив нее, сложив руки замком и воодушевленно улыбаясь. Волнистые каштановые волосы были заплетены в хвостик, изумрудные глаза отдавали легкой возбужденностью, а аристократическая кожа блестела на лунном свете. Он шуршал коричневым плащом и серебристыми ремнями на чуть оголенном торсе. На груди поблескивало что-то зеленое, я пока что не могла разглядеть.

— Сабо, душа моя, — голос мужчины был таким бархатным и глубоким, что внутри становилось горячо, его тон казался сладким медом, — ты же знаешь с самых юных лет, что я никогда не ошибался, что мои идеи в итоге помогали обществу.

— Да, — произнесла хрипло, строго и скептически... Сабо, — но твои идеи не были связаны с гранью между жизнью и смертью.

Мужчина всколыхнулся, сверкнул глазами.

— Почва на этой земле особенная, Сабо. Я чувствую, что мои силы могут изменить мир вмиг, сделать его лучше! Я могу создать формулу и влить туда... весь свой дар, лишь бы люди не знали горя и были вместе с теми, кого уже не вернуть!

Леди озадаченно потерла переносицу, глухо простонала. Пятеро людей заметно напряглись, опуская глаза в пол. Зашуршала одежда. От прерывистого дыхания зеленоглазого мужчины несмело дрогнул огонек свечи на залитой воском подставке.

— Во-первых, как ты это понял? — британский акцент придавал Сабо еще большей твердости. — Два месяца назад, как только мы нашли эти земли, твой кулон ничего не чувствовал. Не может быть ложная тревога, а, Эрнесс?

— Я понял это, когда оживил иву, — отрезал уверенно... Эрнесс. — Ту, которая стоит на красивом склоне среди леса. Зеленая такая, помните? — он повернулся к рыжеволосой даме. — Вы же ведь сами заметили ее увядание, Антонина. Когда я прикоснулся к корням этого чудесного дерева, его кора отлила нашей энергией, Сабо. От нее запульсировала вся земля тогда, я прямо почувствовал, как сила воскрешения переходила ко мне в руки. Это было поистине завораживающее зрелище и начальное для моих исследований. Это невероятное открытие, коллеги!

— В чем заключается эта невероятность? — нагло спросил юноша с пистолетами. У него был еще заметный итальянский акцент.

Эрнесс принялся постукивать накладкой из медных костей у него на кисти.

— На этих землях, в самых недрах почвы, в самом чреве заключена гармония. Я нигде такого не чувствовал прежде. Здесь, прямо в самой земле слились две ипостаси — сила вечной жизни и сила смерти, что держит первую мощь в узде. Сабо, ты же знаешь, как тяжело найти Исток двух ипостасей. И только здесь... она существует! Ее так много! Кажется, мы нашли Исток. Я видел, что внутри наша магия соединена в большой круг, отдается по всем путям... Это феноменальное открытие, коллеги!

Людей покрыл пот. Они напряглись еще пуще, зрачки сузились, а сердца слышно забились. Казалось, господа и рады были такой новости, но что-то их смущало, останавливало и вгоняло в сомнения. Отойдя от безмолвного шока, Сабо спросила:

— Что ты хочешь этим сказать, Эрнесс?

Мужчина улыбнулся как-то странно, глаза будто полезли на лоб.

— Я хочу облегчить всем жизнь. Если я выкачаю всю силу воскрешения из этой земли, распространив в небо, то не только ты сможешь видеть умерших, Сабо. Их смогут видеть *все*. Сначала эта сила распространится по нашему городу, а потом и... по всему миру! Представляешь, мы сможем сломать эту гнусную гармонию, и никакие рамки больше не будут ограничивать связь с умершими! Никому не придется ждать девяти дней, не придется отправляться в Рай или Ад. Все люди так и смогут дальше жить на земле, вкушать сладкий плод жизненных

радостей! Такой диагноз как депрессия исчезнет из людского бытия, ведь причин для затяжного горя не будет! Мы сможем изменить мир в лучшую сторону, Сабо. Старая гармония падет, появится новая. И город мы назовем в честь сломавшейся гармонии!

Эрнесс встал. Он так возбужденно размахивал своими длинными руками, что мне стало видно то, что отливало ярким зеленым цветом за краями плаща. Лучше бы я это не увидела.

Миниатюрный кулончик прямоугольной формы. Сделанный из изумруда, он болтался на черной ниточке. В центре блестел темно-зеленый цветок с искрами. Я бы соврала, если сказала, что эта побрякушка ничего не напомнила. Это же... кулон Возрождения Филсы.

Глава 9. Как развеселить бандитов

Погода в Броквене сегодня выдалась просто отличная! Холодный ветер совершенно не пробирал до костей, лишь игриво поднимал пола моей юбки в клеточку. Серые тучи освободили маленькую территорию для солнышка, которое не грело, но создавало тепло внутри лишь своим присутствием. В субботний день мы с Филсой отказались от каких-либо семейных обязанностей и рванули на холмы, просто отдохнуть от городской суеты.

Мы взяли все необходимое для пикника: сэндвичи, фрукты, два пледа и хорошее настроение. Когда наступали светлые дни в Броквене, например, сбор урожая или подготовка к какому-то празднику, всегда становилось непривычно шумно для монотонного города. В это время призраки старались впасть в некую временную спячку, шум их раздражал так же, как и маленькую меня, привыкшую к полному спокойствию. Филса хоть и славилась энергичностью, но всегда поддерживала меня, а потому мы и ходили на родные склоны. Они находились достаточно далеко, там всегда было спокойно и чувствовался некий уют, который могли понять только такие девочки, как мы.

— Колбаса или грудка? — спросила с интересом Филса, сравнивая передо мной два аппетитных сэндвича. Изумрудные глаза горели, а белоснежные волосы, заплетенные в хвост, развевались на ветру.

Я отложила раскраску и упаковку фломастеров. Поправив брошь на груди и состроив мину а-ля «напыщенный дядька», принялась выбирать. В колбасе виднелись белые кружочки, а копченая грудка выглядела очень даже ничего.

— А грудка без кожицы? — я облизнула губы, покрашенные глянцевым блеском.

Филса повела круглым носом.

— Мама сказала, что вычищена от и до, — писклявый голос по тону напоминал ученого.

Мы любили вот так вот сидеть и не торопясь изображать кого-то. Такие игры приносили нам двоим удовольствие. Это всегда так сблизжало после трудной недели, что даже в памяти вдруг появлялись кусочки совсем раннего детства, когда мы в одних трусах ползали по глиняному песку Акилессы.

— Если будешь долго выбирать, в следующий раз Кена не принесу, — Филса указала взглядом на свой рюкзак, где мирно лежала кукла Кена с выкрученными шарнирами.

Знаете, даже капризный характер Хьюстон не раздражал меня. На ее детские обиды и капризы я лишь усмехалась, ведь знала, что мы с Филсой являлись одним целым. Это было видно еще с самых пеленок, как рассказывали наши мамы. Нас будто связывала невидимая нить. Когда мне было жутко хреново из-за минования очередных девяти дней, по истечению которых призраки Броквена так и не поднимались туда, подруга служила некой отдушиной. Мелодичный, удивительно бархатный голос и самые искренние и лечащие слова поддержки заставляли забыть о ночных кошмарах, где ко мне являлась строгая эсеница и призрачный мужчина. Ее понимание и энтузиазм вместе со мной капнуть глубже в историю Броквена заставляли сердце привычно забиться. Каждый проведенный день с Филсой после тех девяти суток все больше оживлял. Она как будто воскрешала меня, возрождала вместе с увядающими цветами, делилась чистым кислородом. После прогулок с Хьюстон я просыпалась другим ребенком, почти беззаботным, со светлейшими игривыми волнами. Филса словно тоже обладала магией, как я. Этим она меня и зацепила, своей магической энергией. К слову, только Хьюстон приняла мой дар. Больше никто, так или иначе. Без нее я бы стала изгоем и, скорее всего, наложила бы на себя руки в будущем.

— Я торжественно заявляю, что выбираю грудку, — деловито отточила я, забирая из горячих рук Филсы сэндвич и запихивая первый кусок в рот.

— Хороший выбор! Тогда я тоже за быстрое решение выберу грудку! — подлизалась Хьюстон сразу же. К слову, капризы быстро пропадали, стоило мне только повиниться ей. Хех, чудачка.

Дальше мы занялись нашей любимой детской рутинной. Сначала, уплетая сэндвичи один за другим, мы рисовали в раскраске: разукрашивали платья принцессам разными, совершенно не сочетающимися цветами. Здоровый человек сказал бы, что это самая худшая гамма в человеческой жизни, но нам просто нравилось хаотично вместе разукрашивать, смеясь над «полными отчаяния глазами» принцесс.

Затем, обжевшись, мы принялись играть в куклы. Несмотря на то, что нам было всего-то по восемь лет, драмы в кукольных сериалах было даже больше, чем в самом драматичном и страстном одновременно фильме. Чего только мы вместе не придумывали, смеясь на всю безмолвную гору: и измены, и любовный многоугольник, и тернистый путь к успеху. Потом, вдоволь насмеявшись, мы просто лежали на животе, вглядываясь в самый массивный склон Броквена, размышляли о том о сем...

— Как думаешь, сможем ли мы спасти Броквен вместе? — спросила полупрошептом Филса, смотря на далекую старую иву, чьи длинные зеленые ветви медленно качались туда-сюда. Это дерево было настолько особенным для Броквена, что его поместили на герб города. Говорили, что плакучая ива обладает особенной энергией, ее облик должен знать каждый броквеновец. Живой и мертвый, без исключения. Правда, никто не знал, зачем. Но почему-то все чувствовали иву.

Я повернулась набок, всматриваясь вдаль.

— У Броквена слишком много загадок для маленьких девочек, — хихикнула я, но потом приняла серьезный вид, — думаю, как только я больше разовью свою магию, мы продвинемся.

Филса мечтательно вздохнула, вытаскивая из кармана комбинезона зеленый кулон. Она принялась вертеть его в руках, смотря через сверкающий аметист на высокий склон.

— Было бы классно, если бы нам помог кто-нибудь из этих, ну...

— Вайталиши? — вздрогнула я, переводя взор на подругу.

— Угу, — кивнула Хьюстон. — Думаю, они были классными ребятами. Это ж как род Гостленов, только наоборот. Представляешь, к чему не прикоснутся – то вновь оживет. С этой силой так можно было бы возродить сотни мертвых деревьев Броквена! Сила Вайталиши так бы помогла нам. Ну, знаешь, твоя сила и сила этого рода... гармония была бы, не иначе.

— Да, наверное, помощь кого-то из них была бы кстати, — сказала я тоскливо, понимая, что подобного никогда не случится. — Но моя бабушка нам говорила, что...

— Помню. Род Вайталиши истребили много лет назад.

— Соответственно, наследника не осталось, — продолжила я, озадаченно жуя травинку.

Филса сглотнула, сжимая в ладони кулон.

— Жаль, конечно... — в изумрудных очах подруги пропала искра. — Если бы не геноцид Вайталиши, наверняка с Броквеном было бы все хорошо. Гостлены и Вайталиши спасли бы призраков. Сто процентов уверена, они никогда бы не причинили городу зла.

Я похлопала помрачневшую Хьюстон по плечу.

— Хоть история и умалчивает, уверена, Вайталиши никогда не хотели никому зла, — я усмехнулась. — Бабушка говорила, что Вайталиши хорошо дружили с Гостленами много лет назад... Хэй, даже если этот чудо-род что-то натворил, до уничтожения мира ни один наследник не додумался бы, уверяю.

Филса кивнула, улыбаясь.

— Да и тем более, — продолжила я, одевая на шею Хьюстон кулон Возрождения. — Ты лечишь меня каждый день и не даешь тоске сожрать. Умная и действительно возрождающая меня, ты вполне подходишь на роль второго спасителя Броквена!

— Ага, мы раскроем эту тайну вместе, Елена, — сказала спокойно Филса и коснулась кулона, что будто передал ей через кончики пальцев зеленые искры.

Я чувствовала на своих щеках наполненные теплом руки, а на мочке -влажный шершавый язык. Слышала прерывистое дыхание и боязливое тихое блеяние. Где-то недалеко лязгала цепь.

— Елена! — голос Эйдана совсем охрип, даже чуть стал похож на женский. — Еленочка, ты в порядке? Что ты увидела?!

Беспокойный тон заставил стыд пробраться незаметно.

— Прекрати кричать, Эйд! — резко распахнула глаза, беря Тайлера за кисти, облаченные в белые рукава. Впервые я назвала Эйдана коротко... его взволнованный, до боли слезливый голос, пробирающий до костей, не нравился мне, вводил в панику и стыд. Почему-то представлялся детский плач Тайлера, такой, когда он узнал, что родители погибли. Не-е-ет, второй раз, тем более из-за меня он реветь не будет.

Лицо Эйдана было совсем близко к моему: губы, пронзительные черные глаза, мягкий нос и дыхание. Рядом с Тайлером сидела на коленях Телагея, сложив пальцы вместе и произнося какие-то обрывки фраз. Видимо, она некоторое время молилась. У нее уже успело стечь с круглого лица несколько слезинок. Кислые персики...

— Ох, Елена! — ребята вмиг оживились, Телагея утерла мокрые дорожки, облегченно улыбаясь. Эйдан протяжно выдохнул, отпуская мои щеки. Юнок отошел к хозяйке, радостно бляя.

Я сглотнула, сразу же проглядывая меж призрачных деревянных стеллажей, сквозь образовавшуюся недавно щель. Я ужаснулась, увидев, что круглый стол с обилием бирюзовых волн был пуст. За этим проклятым столом не было тех странных людей — стулья опустели, стояли так же, как и десять минут назад. Пять персон, Гостлен и... тот мужчина с кулоном Филсы пропали. Что это, черт возьми, было?!

— Сколько я пролежала? — я изумилась, ощутив затылок. Боли не почувствовала.

Телагея хотела подлететь ко мне сзади и, видимо, осмотреть голову, но первым заговорил Эйдан, дрожащими руками вцепляясь в жезл Эйнари:

— Две минуты.

— Головой не ударилась, Эйдан успел тебя поймать, — еле выговорила Тела.

— Я уже почти превратился с этим жезлом в овоща, а тут ты летишь, — Тайлер хотел отшутиться, но совершенно не получалось: обеспокоенный взгляд, дрожащий голос и побледневшее лицо портили все его попытки создать мне хорошее настроение. — Ты зависла между стеллажами. Мы окликали тебя несколько раз, ты не отвечала, а потом... Ты что-то увидела, верно?

Скажу вам так, у Эйдана очень хорошая чуйка. Зуб даю, если бы он строил теорию про зону 51, то они все бы оправдались.

От вида пустого стола меня пробрало. Голос того дядьки все еще отдавался эхом в ушах, и Филса, Вайталши, кулон... Я вдруг почувствовала, как изумрудные, горящие ненормальным огнем глаза этого Эрнесса будут сниться в самых страшных кошмарах. Он мне не нравился.

— ...Потом скажу, по дороге, — сказала напряженно и узрела, как любопытство ребят сменилось печалью. Я судорожно добавила: — Мне не хочется здесь находиться. Где этот чертов Кабак?!

Эйдан встал, помогая подняться. Телагея нервно затопала ножкой.

— Мне кажется, что движения слишком тихие, — прокартавила задумчиво Марати, — давно я зашла сюда, когда мячиком пробила окно.

Тайлер цокнул.

— Ишь, не нравятся Кабаку мои нежные постукивания. А он мазохист, я погляжу, — Эйд от злости кинул книжку и растоптал ее. — Эй, мафиозей кусок, открывайся!

Но ничего не произошло. Телагея вздохнула, поправляя сарафан, и взяла Юнка на руки. Потерла затылок, скрутила губки бантиком.

— Не слишком сильно, товарищ Тайлер, — отчеканила Марати.

Я поставила руки в боки, быстро очухиваясь ото сна.

— Позлить тебя надо.

Тела вдруг вскрикнула. Я и Эйдан вздрогнули, Тайлер чуть жезл не уронил. Телагея всплыла в воздух, осматривая помещение со сверкающими глазами. Она очень возбудилась, как тогда, в нашу первую встречу.

— Повтори еще, Елена! — проверещала громко девчонка, зарываясь в темные хвостики.

Я выгнула бровь.

— Ээ, позлить?..

Телагея закивала, проезжая цепью по всем половицам.

— Эйдана надо позлить! Кажется, здесь твоя магия, Елена, слаба, раз уж ты упала в обморок, а волны в это время так и продолжили колобродить вокруг стола. Тем более тебе надо отдохнуть, а вот товарищу Тайлеру стоит использовать эту сверкающую штуку по назначению! Там же, как вы рассказывали, хранится часть дара Елены, а значит, ты, Эйдан, тоже можешь колдовать. Расчеты производить я не умею, а вот запоминать детали – очень даже!

Я и Эйд замерли. Посмотрели друг на друга и увидели в глазах прозрение. А ведь правда...

— А что, идея хорошая! — Эйдан впервые за эти минуты улыбнулся. — Елена пока отдохнет от магии, а я свой гнев направлю прямо во-о-от сюда! — и указал на алмаз Эйнари.

Отойдя от радости за хорошие для десяти лет мозги Телагеи, я нахмурилась.

— А как тебя разозлить, Эйд? — спросила я, а Тайлер, кажется, чуть покраснел от моего произношения.

— Ну-у-у... — он замялся.

И начали мы втроем думать. Предложения лились рекой, как и отрицательные кивки Эйдана.

— Шутки про чипсы? — начинала всегда Телагея, а продолжала я.

— Мне самому от них смешно.

— Мои нравоучения о том, как ты не должен есть чипсы? — повела бровями я.

— Я тогда съем тебя, но не разозлюсь.

— Товарищ Тайлер, а что насчёт шуток про помолвку?

— Э-эй, они меня только в краску вгоняют!

— Родственники? — я сразу укусила себя за язык.

— А это вгоняет меня в тоску.

— А подставить под выстрел Елену? — предложила Телагея, ехидно щурясь.

— Весеннее обострение у подростков уже про... погоди, что? — Эйдан часто заморгал.

— Тебя злит, когда Елене плохо от кого-то или от чего-то, так во-о-от!

Я почувствовала недоумение.

— Что? Мне стало плохо только сейча...

Телагея закрыла мне рот рукой и продолжила:

— Верно, товарищ Тайлер?~

Эйд замер с открытым ртом.

— Ээ, ну, допустим?..

Тела толкнула меня к Эйдану, заставила посмотреть прямо в его непонимающие глаза. Я чуть слюной не подавилась. Кажется, тогда поняла, чего хотела юная Марати. Но театральности у меня как таковой было с грош.

— Елена? — Тайлер сжал жезл плотнее, направляя его вверх.

Стоило посмотреть на пустой стол позади друга, вспомнить всех тех людей, сидящих за ним, живую Филсу и такой же кулон, как у Эрнесса, как меня замутило, веки потяжелели, желание уйти отсюда куда подальше вновь приобрело былой огонь.

— Эйд, прошу... — очи заслезились сами собой. — Я видела что-то жуткое и необъяснимое. Мне хочется уйти отсюда как можно скорее. Мне плохо, Эйдан, ужасно некомфортно. Открой этот проклятый Кабак, ради меня. Иначе я здесь не продержусь и сдохну. Нам задница, Эйд. Большая и жирная, если Кабак так и не откроется.

На руках и лице Тайлера выступили вены. Глаза загорелись ненавистью. На том месте, где он держал жезл, заискрились бирюзовые дорожки. Смотря наверх, Эйдан злостно зарычал, а дорожки принялись подниматься к чреву Эйнари.

— Из-за тебя, гребанный Кабак, у нас может ничего не получится! А ну повернись к нам!

От дикой злости, что набирала обороты, Эйд стукнул жезлом об пол, да так, что половицы провалились, а магия Эйнари ярко проявила себя, продырявив своим светом и бешеным потоком крышу здания. Все вокруг затряслось, начало расплываться и рассыпаться на мелкие щепки. Яркий бирюзовый свет озарил нас, защищал глаза. Вибрации и ультразвук надавили на все места. Было непривычно. Когда последние деревяшки под нами рассыпались, мы втроем упали на что-то более крепкое и, как мне показалось, каменное.

Крики прекратились спустя пять минут, на замену шоку пришло осознание. Перед нашими глазами засияли тысячи ночных огней: жёлтые, зеленые, голубые, оранжевые, красные. Кабак весь состоял из них, каждое здание в девять–пятнадцать этажей пестрило обилием ярких искр.

По довольно гладким, чёрным дымчатым дорогам разъезжали старые блатные автомобили восьмидесятых–девяностых годов - «Фольксваген–жук», «Форд», «Митсубиши» и много других. Из них кричали друг на друга и просто громко смеялись в шутку призраки, такие же синие, с кучей оков. Но они не выглядели муторно и слишком весело, как в Этисе, а вполне походили на реальных людей по поведению своему; какие–то были злы на кого–то... Слышались отдаленные звуки драк в одних уголках, а в других -веселые пьяные визги и оживленные диалоги.

Умершие здесь одевались знакомо до боли: брюки клёш, блестящие смелые короткие платья и юбки, чулки до бёдер на подтяжках, рубашки–размахайки с вычурными узорами, широкие шляпы и ободки с пером. Дым из толстых сигар и трубок оплетал каждый жёлтый фонарь, музыка с частым битом и высоким пением доносилась из каждого бара, ресторана и гостиницы, коих было на каждом шагу завались. Все светились неоновым жалищим светом, параллельно вылетающие из элитных зданий призраки удивляли; казалось, Кабак был похож на Лос–Анджелес или Нью–Йорк, только поменьше. Но зато как было ярко, какая живость чувствовалась повсюду, сколько эмоций он вызвал!

Думаю, яркий, пестрящий блатными мертвяками Кабак мне запомнится надолго в хорошем смысле. Огни даже подсвечивали месяц, а дымка меркла на фоне проезжающих машин и широких домов. Неужто обитель призраков эпохи молодости моих родителей?

— Опять крышу чинить, ну сколько можно! — где–то вдалеке вскрикнул недовольный басистый голос.

По сторонам от себя я увидела взъерошенного Эйдана, что все еще сжимал жезл и направлял вверх, и Телагею, которая с раскрытым ртом и, казалось, посветлевшим личиком смот-

рела на крупные здания Кабака. Юнок заблеял на всю округу, подпрыгивая, а Тела даже и не сильно—то его держала, будучи замороженной старинной красотой второго аномального места.

— Обкусанная чипса, это вот это?.. — у Эйдана язык все продолжал заплетаться. Подсвечиваемый яркими огнями, Тайлер закрепил Эйнари на застежке.

— Да! — воскликнула будто в экстазе Телагея, взлетая над рухлядью, которую Эйдан и пробил. — Ого, да вы застали времена, когда Кабак... стал ещё лучше!

— Кау—кау, Особенная! — к ней подплыл недовольный призрачный дядька, выдыхая из сигары дым прямо в лицо. — Ты, это, поаккуратней играй около городской администрации! То мячом пробила окно, то крышу сломала, бесстыжая! Что, на фронте манерам не учили?!

По своему тону этот призрак напоминал какого-то колхозника, не иначе. Он плевался слюной во все стороны, а Телагея лишь виновато улыбалась, теребя мячик в руках.

Затем Марати усмехнулась, одаривая мужика ярким блеском в белых глазах:

— Никак нет, мистер Смокнут! — Тела заплешивила так, что её слюни полетели на призрака. — Я умею только петь и играть на органе, грамоте и этикету никак не обучена! Из словарного запаса у меня только военные фразы! — Марати указала на нас с Эйданом, что потихоньку поднялись. — А это мои друзья – Эйдан Тайлер и Елена Гостлен! Они...

Телагея осеклась, как только мужчина резко подплыл ко мне и заглянул прямо в глубину глаз. Он едко заклокотал, глядя на Призрачную брошь, а Эйдан помрачнел.

— Гостлен, значит? — мужчина сделал затяжку.

Я чуть отстранилась, прикрывая брошь рукой.

— Распутная была девица... — засмеялся хрипло призрак, снимая шляпу. — Убила одного, а потом нашла сразу другого и даже свою фамилию взять заставила. Вона каких девок оставила после себя аппетитных и зрелых, согласна, Особенная?

Телагея поежилась, светлое лицо скривилось от явного отвращения. Как же я её понимала сейчас...

— Зато я смогу вас спасти от Отца, как она, — улыбка никак не налезала.

Мужик усмехнулся. Кажется, моя одежда насквозь пропиталась запахом табака и перегара.

— Я бы на твоём месте так не радовался, детка, — белые глаза бандита хитро сузились. — Здесь, в призрачном Броквене сидит ещё сотня его последователей, я в их числе. Его планы восхитительны, и я не собираюсь в Ад по вашей воле, Гостлены. Как бы он не растоптал такое красивое личико, глаза—то её.

Я напрягалась ещё сильнее, выступили толстые вены. Тайлер еле сдерживал себя, а Телгея уже кусала ногти. Я вспомнила ту женщину за столом. У меня действительно были глаза Сабо Гостлен.

— Я знаю, о ком вы говорите, — твёрдо отрезала я. — И я, как Сабо Гостлен, также не потерплю раздора.

Мужчина резко приблизился ко мне, злобно хихикая:

— Тогда побыстрее, до Ночи Активации осталось совсем немного... Тик–так–тик–так...

— Мистер, давайте–ка вы пойдёте по своим делам, а мы по своим, — процедил Эйдан, взял за руку меня, бедную Марати за цепь вместе с Юнком, и повёл за собой, даже не оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.